Муз. кн. п. Моск.
Москва 23/I 18.

Библіотека „АНАРХИСТА". № 13.

П. А. Кропоткинъ.

РѢЧИ БУНТОВЩИКА.

(Paroles d'un révolté).

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 2 р. 50 коп.

МОСКВА.
Издательство Московской Федераціи Анархистскихъ группъ.
1917 г

2.7
183

№ 13. Библіотека „АНАРХИСТА“. № 13.

П. А. Кропоткинъ.

N83.

РѢЧИ БУНТОВЩИКА.

(Paroles d'un révolté).

1062

БИБЛІОТЕКА
...ДЕМІЯ

МОСКВА.
Издательство Московской Федераціи Анархистскихъ группъ.
1917 г.

Современное положеніе.

Несомнѣнно, мы идемъ большими шагами къ революціи. Разразившись въ одной странѣ, она, какъ въ 1848 году, перейдетъ въ сосѣднія и, охвативъ весь міръ, переродитъ современное общество и дастъ ему новые источники жизни.

Для подтвержденія этой мысли незачѣмъ ссылаться на свидѣтельства знаменитаго нѣмецкаго историка Гервинуса *) или извѣстнаго итальянскаго философа Феррари **), которые послѣ основательнаго изученія современной исторіи убѣдились въ неизбѣжности великой революціи въ концѣ этого вѣка. Стоитъ только присмотрѣться къ картинѣ, развернувшейся передъ нами за послѣдніе двадцать лѣтъ, приглядѣться къ тому, что происходитъ сейчасъ вокругъ насъ.

Мы видимъ, что два господствующихъ явленія ярко выступаютъ на сѣромъ фонѣ окружающаго: пробужденіе народа на ряду съ полнымъ нравственнымъ, умственнымъ и экономическимъ крахомъ правящихъ классовъ и предсмертныя судороги, немощныя усилія имущихъ классовъ, стремящихся помѣшать этому пробужденію...

Да, пробужденіе народа!

Въ удушливой, угнетающей атмосферѣ заводовъ и фабрикъ, въ грязныхъ харчевняхъ, подъ крышей чердаковъ, въ подземныхъ сырыхъ галлереяхъ рудниковъ нарождается сейчасъ новый міръ. Въ этой темной массѣ, которую буржуазія одинаково презираетъ и боится, но изъ нѣдръ которой черпаютъ свое вдохновеніе великіе реформаторы,—сегодня ставятся одинъ за другимъ основные вопросы соціальной экономіи и политической организаціи; они горячо обсуждаются и получаютъ новыя рѣшенія, подсказанныя чувствомъ справедливости. Безпощадно врѣзываются эти новые люди въ язвы современнаго общества. Нарождаются уже новыя мысли, новыя стремленія, набрасываются новыя концепціи.

Высказываются самыя различныя мнѣнія, самые разнообразные взгляды, но среди всеобщаго хаоса все рѣзче и рѣзче выдѣляются

---

*) Introduction à l'histoire du XIX siècle.
**) La raison d'Etat.

двѣ основныхъ мысли: уничтоженіе частной собственности, коммунизмъ съ одной стороны, и уничтоженіе государства, свободная коммуна, интернаціональный союзъ трудящагося народа съ другой. Два пути, ведущіе къ одной цѣли: равенству. Но это не лицемѣрная формула равенства, начертанная буржуазіей на ея знаменахъ, записанная въ ея кодексахъ и имѣющая одну цѣль—порабощеніе производителя.

Это настоящее равенство: земля, капиталъ и трудъ для всѣхъ.

Напрасно правящіе классы стараются подавить эти стремленія пробуждающагося народа, напрасно сажаютъ по тюрьмамъ, уничтожаютъ все, написанное противъ нихъ. Новыя идеи все глубже и глубже проникаютъ въ сознаніе и овладѣваютъ сердцами, какъ мечты о свободной и богатой землѣ на Востокѣ овладѣвали нѣкогда сердцами рабовъ, идущихъ въ ряды крестоносцевъ. Мысль можетъ дремать, но недолго, и если ей не даютъ выхода, препятствуютъ ея свободному творчеству, она зарывается, правда, на время, но съ тѣмъ, чтобъ снова пробиться на поверхность еще живѣе и съ большей стремительностью. Взгляните на пробужденіе соціализма во Франціи, на это второе пробужденіе въ теченіе пятнадцати лѣтъ.

Волна, было павшая, подымается съ новою силою. И какъ только первая попытка практическаго примѣненія новыхъ идей будетъ сдѣлана, онѣ перестанутъ во всей своей простотѣ, во всей привлекательности. Одна удавшаяся попытка—и сознаніе своей силы вдохновитъ народъ на героическій подвигъ.

Моментъ насталъ. Все способствовало его приближенію: нищета, голодъ и, главнымъ образомъ, безработица, вырывающая мыслящаго человѣка изъ тѣснаго круга его мастерской и бросающая на улицу, гдѣ онъ сразу познаетъ пороки и безсиліе правящихъ классовъ.

А въ это время что дѣлаютъ они, эти правящіе классы?

Тогда какъ естественныя науки развиваются съ неимовѣрной быстротой и безконечными открытіями напоминаютъ прошлое столѣтіе передъ великой революціей; тогда какъ ежедневно человѣку открываются новые горизонты въ его борьбѣ съ враждебными силами природы,—буржуазная соціальная наука нѣма: она пережевываетъ свои старыя теоріи.

Но, можетъ быть, эти правящіе классы прогрессируютъ въ практической жизни?

О, нѣтъ! Они неистово перетряхиваютъ лохмотья своихъ старыхъ знаменъ, защищаютъ эгоистичный индивидуализмъ, конкуренцію человѣка съ человѣкомъ, націи съ націей, всемогущество централизующаго государства.

Они переходятъ отъ протекціонизма къ свободѣ торговли и отъ свободы торговли къ протекціонизму, отъ реакціи къ либерализму и отъ либерализма къ реакціи, отъ атеизма къ ханжеству и отъ ханжества къ атеизму. Всегда запуганные, со взглядомъ, обращеннымъ въ прошедшее, они совершенно лишены способности создать что-либо болѣе или менѣе прочное.

Вся ихъ дѣятельность есть полное противорѣчіе всѣмъ ихъ обѣщаніямъ. Они обѣщали намъ, эти правящіе классы, обезпечить сво-

боду труда—и отдали насъ въ кабалу фабрикѣ и хозяину. Они взялись за организацію промышленности, сулили намъ благосостояніе—и дали безконечные кризисы и нищету. Обѣщали просвѣтить насъ—и лишили возможности получать образованіе; обѣщали политическую свободу—и волокли отъ реакціи къ реакціи; обѣщали миръ—и привели къ войнѣ, къ войнамъ безъ конца!

Вотъ все, что они сдѣлали для насъ.

Народъ усталъ; онъ изнемогаетъ, онъ спрашиваетъ себя, до чего довело его управленіе вѣчно издѣвающейся надъ нимъ буржуазіи.

Отвѣтомъ ему служитъ современное экономическое положеніе Европы.

Кризисъ сталъ бѣдствіемъ хроническимъ. Кризисъ хлопчато-бумажный, кризисъ металлургическій, всѣ кризисы разражаются сразу, чередуются непрерывно.

Милліонами исчисляется сейчасъ количество рабочихъ, оставшихся безъ работы; десятки тысячъ ходятъ изъ города въ городъ, прося подаянія или требуя съ угрозами работы или хлѣба. Какъ въ 1787 году крестьяне бродили по дорогамъ Франціи, не находя въ этой плодородной странѣ клочка земли для обработки, такъ теперь рабочіе остаются съ пустыми руками, не находя матеріаловъ и орудій, необходимыхъ для производства и захваченныхъ горстью бездѣльниковъ. Богатые промысла внезапно гибнутъ; большіе города, какъ Шеффильдъ, становятся безплодными. Нищета въ Англіи, гдѣ «экономисты» такъ старательно примѣняли свои принципы, нищета въ Эльзасѣ; голодъ въ Италіи, голодъ въ Испаніи; безработица повсюду, а съ безработицей нужда, вѣрнѣе нищета: посинѣлыя дѣти, женщины, состарившіяся къ концу зимы на пять лѣтъ, болѣзни, косящія цѣлые ряды рабочихъ. Вотъ до чего довелъ насъ ихъ режимъ.

И они намъ говорятъ о перепроизводствѣ! Перепроизводство? Когда рудокопъ, собирающій груды каменнаго угля, не имѣетъ топлива въ самую суровую зиму? Когда ткачъ, вырабатывающій километры матеріи, принужденъ отказывать въ рубашкѣ своимъ оборваннымъ дѣтямъ? Когда каменщикъ, воздвигающій дворцы, живетъ въ конурѣ, а мастерицѣ, изготовляющей роскошные наряды кукламъ, нечѣмъ покрыться въ стужу?

Это-ли они называютъ организаціей промышленности? Это, вѣрнѣе, тайный союзъ капиталистовъ для порабощенія рабочихъ.

Капиталъ, этотъ продуктъ труда человѣческаго, не долженъ быть употребленъ, говорятъ они, на земледѣліе и промышленность, какъ на предпріятія слишкомъ рискованныя.

Но гдѣ онъ находитъ себѣ болѣе выгодное помѣщеніе? Куда направляется онъ по выходѣ изъ несгораемыхъ шкафовъ? Куда? Онъ идетъ на омеблировку гаремовъ султановъ, на веденіе войнъ, на поддержку русскихъ противъ турокъ и въ то же время турокъ противъ русскихъ. Употребляется онъ на учрежденіе акціонерныхъ обществъ,

основанныхъ не для производства чего бы то ни было, а имѣющихъ цѣлью черезъ какіе-нибудь два-три года кончить грандіознымъ крахомъ, конечно, послѣ того, какъ тузы-основатели удалились, унося съ собою милліоны — плата за инціативу.

Пойдетъ онъ также на постройку никому ненужныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Сенъ-Готардѣ, въ Японіи или даже въ Сахарѣ—лишь бы Ротшильды, инженеръ и подрядчикъ нажили на этомъ предпріятіи по нѣсколько милліоновъ.

Но, главнымъ образомъ, капиталъ идетъ на ажіотажъ: на игру на биржѣ. Капиталистъ будетъ спекулировать на искусственномъ повышеніи цѣнъ на хлѣбъ и на хлопокъ; онъ будетъ спекулировать на политикѣ, на повышеніи государственныхъ бумагъ, вслѣдствіе ложно пущеннаго слуха о различныхъ реформахъ или дипломатическихъ переговорахъ; и, большею частью, агенты самого государства будутъ наживаться на этихъ спекуляціяхъ. Ажіотажъ, убивающій промышленность, вотъ настоящее положеніе, вотъ что они называютъ разумнымъ веденіемъ дѣлъ. Вотъ для чего мы должны, какъ они говорятъ, содержать ихъ!

Экономическій хаосъ достигъ своего апогея.

Но скоро ему настанетъ конецъ!

Народъ усталъ отъ безконечныхъ кризисовъ, вызываемыхъ алчностью и хищностью правящихъ классовъ. Онъ хочетъ жить, работая, а не влачить безконечные годы бѣдствія и нищеты, принимая унизительныя подачки и имѣя впереди какихъ-нибудь два-три года, болѣе или менѣе обезпеченнаго, изнурительнаго труда, всегда нищенски оплачиваемаго.

Рабочій убѣдился въ несостоятельности правящихъ классовъ; онъ знаетъ, что эти дряхлые старики не способны понять его стремленій къ новой жизни, не способны въ то же время сами организовать промышленность, производство и обмѣнъ. Народъ въ скоромъ будущемъ произнесетъ приговоръ надъ буржуазіей и лишитъ ее правъ. Онъ самъ возьмется за свои дѣла, какъ только наступитъ благопріятный моментъ. Моментъ этотъ не заставитъ себя долго ждать. Его приближенію способствуютъ какъ бѣдствія, подрывающія промышленность, такъ и полное разложеніе государствъ, разложеніе, происходящее на нашихъ глазахъ съ головокружительной быстротой.

Разложеніе государствъ.

Если экономическое положеніе Европы можетъ быть формулировано словами: промышленный и коммерческій хаосъ и несостоятельность капиталистическаго производства,—то политическое состояніе должно быть охарактеризовано такъ: быстрое разложеніе и близкій крахъ всѣхъ государствъ.

Дѣйствительно, всѣ они, отъ жандармскаго самодержавія Рос-

сіи до буржуазной олигархіи Швейцаріи, большими шагами идутъ къ разложенію и, слѣдовательно, къ революціи.

Дряхлые старики съ морщинами на челѣ, съ дрожащей поступью, изъѣденные конституціонными болѣзнями, неспособные пріобщиться къ новымъ потокамъ жизни, они безцѣльно растрачиваютъ жалкій остатокъ своихъ силъ на взаимную вражду, на защиту отжившихъ предразсудковъ, и этимъ ускоряютъ свою гибель.

Неизлѣчимая болѣзнь — болѣзнь старости и разложенія — гложетъ ихъ.

Достигнувъ въ XVIII вѣкѣ кульминаціоннаго пункта своего развитія, старыя государства Европы вступили теперь въ фазу упадка. Государство—организація, въ которой всѣми членами и всѣми дѣлами управляютъ нѣсколько человѣкъ, отжило свой вѣкъ. Человѣчество вырабатываетъ уже новыя формы общественной жизни. Народъ стремится къ разрушенію власти, препятствующей его свободному развитію. Онъ хочетъ автономіи провинцій, коммунъ, рабочихъ союзовъ, основанныхъ на взаимномъ добровольномъ соглашеніи, а не на предписанныхъ властью законахъ.

Вотъ та историческая фаза, въ которую мы уже вступили.

Если-бы правящіе классы могли только понять современное положеніе общества, они, конечно, поспѣшили-бы стать впереди всѣхъ новыхъ стремленій. Но, прожившіе всю жизнь по старымъ традиціямъ, не зная иного культа, кромѣ культа золотого мѣшка, они всѣми силами противятся наплыву новыхъ идей и этимъ самымъ неизбѣжно ведутъ насъ къ бурному потрясенію. Народъ предъявитъ свои требованія подъ громъ пушекъ, подъ трескъ картечи, при заревѣ пожаровъ.

Когда послѣ паденія средневѣковыхъ учрежденій, народились въ Европѣ новыя государства, они должны были завѣдывать лишь небольшимъ кругомъ общественныхъ дѣлъ. Теперь же государство вмѣшивается положительно во всѣ проявленія нашей жизни. Отъ колыбели до могилы мы все время въ его тискахъ. Будь то центральное государство, автономныя провинціи или кантоны, общинное государство, оно преслѣдуетъ насъ повсюду, налагаетъ на насъ свои цѣпи, предписываетъ намъ свои законы.

Оно создаетъ цѣлыя груды этихъ законовъ и предписаній, разобраться въ которыхъ не можетъ самый искусный адвокатъ. Оно каждый день прилаживаетъ что-нибудь новое къ старой машинѣ и создаетъ сооруженіе настолько сложное, дикое и нелѣпое, что имъ начинаютъ возмущаться сами его заправители. Оно содержитъ цѣлую армію чиновниковъ, пауковъ-взяточниковъ, смотрящихъ на міръ сквозь грязныя стекла своихъ канцелярій, теряющихъ здравый смыслъ среди безконечной путаницы канцелярскихъ бумагъ.

Это—шайка, имѣющая одну религію—религію мѣднаго гроша, одну заботу—скорѣе примкнуть къ той партіи, будь она черная, лиловая или бѣлая, которая гарантируетъ максимумъ оклада при минимумѣ работы.

Результаты—намъ слишкомъ хорошо извѣстны.

Есть-ли хоть одна отрасль государственной дѣятельности, которою бы не возмущались всѣ, имѣющіе къ ней прикосновеніе, хоть одна отрасль, въ которой государство, послѣ многихъ вѣковъ существованія и работы, не показало-бы полной своей несостоятельности?

Громадныхъ, все растущихъ суммъ, взимаемыхъ съ народа государствомъ, не хватаетъ на удовлетвореніе его нуждъ. Оно всегда живетъ на счетъ будущихъ поколѣній.

Государственные долги Европы достигли сейчасъ неимовѣрной цифры, больше ста милліардовъ, — ста тысячъ милліоновъ франковъ. Если бы доходы всѣхъ государствъ были употреблены на погашеніе этого долга, на это не хватило бы и пятнадцати лѣтъ. Между тѣмъ, государства съ каждымъ днемъ увеличиваютъ свои расходы; каждая партія, стоящая у власти, создаетъ новыя должности для своихъ кліентовъ — это неизбѣжно.

Такъ обстоитъ дѣло во время мира. Когда же наступаетъ война, государственные долги и дефициты возрасталютъ неимовѣрно. И этому нѣтъ конца; нѣтъ выхода изъ этого лабиринта. Государства на всѣхъ парахъ идутъ къ разоренію, къ банкротству, и не далекъ тотъ день, когда обнищавшій народъ откажется платить ежегодно банкирамъ четыре милліарда процентовъ, объявитъ полный крахъ государствъ и пошлетъ этихъ самыхъ банкировъ пахать землю, если имъ хочется жить.

Съ существованіемъ государства неразрывно связана необходимость войны. Государство должно быть сильнымъ, сильнѣе сосѣдей, иначе оно будетъ игрушкой въ ихъ рукахъ. Оно должно способствовать разоренію другихъ государствъ, чтобы подчинить ихъ своимъ законамъ, ввести свои торговые договоры и разбогатѣть на ихъ счетъ. Борьба за преобладаніе, основа буржуазной экономической организаціи, является въ то же время основой и политической организаціи. Вотъ почему война стала естественнымъ состояніемъ Европы. Войны прусско-датская, прусско-австрійская, франко-прусская, война на Востокѣ, въ Афганистанѣ — непрерывно слѣдуютъ одна за другой. Предвидятся еще новыя войны: Россія, Англія, Пруссія, Данія готовы сейчасъ направить другъ на друга свои войска. Причинъ для войны есть еще лѣтъ на тридцать.

А война влечетъ за собою безработицу, кризисы, увеличеніе налоговъ, нарощеніе долговъ. Кромѣ того, война — нравственный ударъ для государства. Послѣ каждой войны народъ убѣждается въ несостоятельности государства даже въ его прямомъ назначеніи: оно едва защищаетъ свою территорію; даже побѣдителемъ оно терпитъ большой уронъ. Вспомните только броженіе, вызванное войной 1871 года какъ во Франціи, такъ и въ Германіи; вспомните недовольство, возникшее въ Россіи по поводу войны на Востокѣ.

Войны и вооруженіе ведутъ государства къ гибели; они ускоряютъ ихъ нравственный и экономическій крахъ. Еще одна, двѣ большихъ войны, и конецъ этимъ развинченнымъ машинамъ.

На ряду съ внѣшней войной — война внутренняя.

Признанное народомъ на условіи — быть защитникомъ слабыхъ противъ сильныхъ, государство стало теперь оплотомъ богатыхъ противъ эксплоатируемыхъ, хозяевъ противъ рабочихъ.

Къ чему она, эта огромная машина, именуемая государствомъ? Препятствуетъ-ли она эксплоатаціи рабочаго капиталистомъ, крестьянина помѣщикомъ? Обезпечиваетъ-ли намъ свободу труда? Защищаетъ-ли насъ отъ ростовщиковъ? Даетъ-ли хлѣба женщинѣ, когда она водою старается утолить голодъ ребенка, плачущаго у ея истощенной груди?

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Государство покровительствуетъ эксплоатаціи, спекуляціи, частной собственности—этому продукту грабежа. Пролетарію же нечего ждать отъ государства; оно всѣми силами стремится помѣшать его эмансипаціи.

Все — для паразита-хозяина; все—противъ работника-пролетарія: буржуазное воспитаніе, развращающее ребенка, внушая ему предразсудки противъ равенства; церковь, затуманившая разсудокъ женщины; законы, препятствующіе обмѣну мыслей о равенствѣ и солидарности; деньги для развращенія и подкупа апостоловъ пролетаріата; наконецъ, тюрьма и каторга въ избыткѣ для тѣхъ, кого нельзя подкупить. Вотъ что такое «государство»...

Можетъ-ли это итти такъ дальше?

Конечно, нѣтъ. Цѣлый классъ общества, самый многочисленный и единственный производящій, не можетъ вѣчно поддерживать организацію, направленную всецѣло противъ него. Вездѣ,—какъ подъ деспотическимъ игомъ Россіи, такъ и подъ лицемѣрнымъ правленіемъ гамбетистовъ,—недовольный народъ возстаетъ. Исторія нашихъ дней— это исторія борьбы привилегированныхъ правителей съ угнетеннымъ народомъ, требующимъ уравненія правъ. Эта борьба составляетъ главную заботу правителей и всецѣло руководитъ ихъ дѣйствіями. Не опредѣленные принципы, не заботы о благѣ народа кладутъ они въ основу новыхъ законовъ и распоряженій, а исключительно стремленія сохранить свои привилегіи.

Эта борьба, одна, могла бы разрушить самую прочную политическую организацію. Когда же она происходитъ въ государствахъ, идущихъ къ упадку въ силу историческихъ необходимости, когда эти государства ускоряютъ сами свою гибель, разрушая другъ друга, когда они становятся ненавистными даже тѣмъ, кому они покровительствуютъ,—въ исходѣ борьбы не можетъ быть сомнѣнія. Народъ найдетъ силы, чтобы освободиться отъ своихъ притѣснителей. Гибель государствъ близка и неизбѣжна. Самый спокойный философъ не можетъ не видѣть зарева грандіозной революціи.

Необходимость революціи.

Есть эпохи въ жизни человѣчества, когда чувствуется необходимость грандіознаго потрясенія, катаклизма, который пробудилъ бы общество отъ его вѣковой спячки. Въ эти эпохи каждый живой, мыслящій человѣкъ начинаетъ сознавать, что такъ жить дальше нельзя, что должны наступить событія, которыя прервутъ нить исторіи, выкинутъ человѣчество изъ колеи, въ которой оно погрязло, и поведутъ его по новымъ путямъ, къ чему-то неизвѣстному, въ поискахъ за идеаломъ. Чувствуется необходимость грандіозной, неудержимой революціи, которая разрушитъ экономическій режимъ, основанный на эксплоатаціи, спекуляціи и обманѣ, и политическую организацію, построенную на господствѣ небольшой кучки, достигшей власти хитростью и интригами.

Эта революція обновитъ общество въ его умственной и нравственной жизни и вдохнетъ въ его мелочную, повседневную, развратную жизнь новую струю самоотверженныхъ порывовъ и благородныхъ стремленій.

Въ такія эпохи, когда самодовольная посредственность убиваетъ мысль и преслѣдуетъ всякаго, не преклоняющагося передъ авторитетами, когда убогая нравственность и скудная добродѣтель людей золотой середины становится закономъ, когда вездѣ царитъ низость и пошлость—революція становится необходимостью.

Лучшіе люди всѣхъ слоевъ общества призываютъ бурю, чтобы она своимъ огненнымъ дыханіемъ очистила міръ отъ чумы, заразившей его уничтожила ржавчину, поѣдавшую насъ, увлекла въ своемъ бурномъ порывѣ жалкіе остатки прошлаго, лишающіе насъ воздуха и свѣта, и принесла всему человѣчеству новый потокъ молодости, честности и благородства.

Въ такія эпохи забываютъ о насущномъ хлѣбѣ, и люди, уставшіе отъ неподвижности и тупости окружающаго, задыхающіеся въ смрадномъ болотѣ жизни, всѣми силами стремятся къ свѣту, къ прогрессу, къ обновленной, полной мысли и силы, жизни. Исторія въ своемъ прошломъ даетъ намъ яркій примѣръ подобной эпохи: паденіе Римской имперіи. Человѣчество переживаетъ сейчасъ такую же фазу глубокаго перерожденія.

Если революція неизбѣжна при современномъ экономическомъ и политическомъ строѣ, то она является прямо-таки необходимостью для полной переоцѣнки всѣхъ нашихъ нравственныхъ устоевъ.

Ни одна форма общежитія невозможна безъ нравственныхъ связей и извѣстныхъ обязательствъ, налагаемыхъ членами общества другъ на друга и переходящихъ постепенно въ привычку. Во всѣхъ организаціяхъ встрѣчаемъ мы эти нравственныя связи, эти соціальныя привычки. Особенно развиты онѣ у первобытныхъ народовъ, этихъ живыхъ памятниковъ того, чѣмъ было человѣчество на зарѣ его жизни.

Но неравномѣрное распредѣленіе богатствъ, неравныя условія, эксплоатація человѣка человѣкомъ, господство нѣсколько избранныхъ надъ массами, подточили и разрушили съ теченіемъ времени эти основы

первобытной жизни народовъ. Промышленность, основанная на эксплоатаціи, торговля, держащаяся обманомъ, господство привилегированныхъ, именующихъ себя «правительствомъ», не могутъ существовать рядомъ съ принципами всеобщаго равенства и единенія, признаваемыми еще племенами, отброшенными на задворки такъ называемыхъ цивилизованныхъ государствъ. Какая можетъ быть рѣчь о солидарности между капиталистомъ и эксплоатируемымъ имъ рабочимъ? между командующимъ арміей и солдатомъ? правителемъ и подвластнымъ ему подданнымъ?

Первобытная мораль, основанная на отождествленіи каждаго индивидуума со всѣми ему подобными, уступила мѣсто лицемѣрной морали религіи, которая старается софизмами оправдать эксплоатацію и рабство и для виду порицать лишь самыя дикія и жестокія проявленія господствующей власти. Религія освободила человѣка отъ его нравственныхъ обязанностей по отношенію къ ближнимъ и взамѣнъ этого внушила ему поклоненіе невидимой абстракціи—Высшему Существу, расположеніе котораго можно купить, хорошо заплатить его такъ называемымъ служителямъ.

Однако, отношенія, установившіяся въ наше время между отдѣльными личностями, группами, націями, континентами, налагаютъ на человѣчество новыя нравственныя обязательства. По мѣрѣ того, какъ исчезаютъ религіозныя вѣрованія, человѣкъ начинаетъ сознавать необходимость нѣкоторыхъ обязанностей по отношенію къ тѣмъ, съ кѣмъ ему приходится входить въ сношенія. Онъ понялъ, что его личное счастіе всецѣло зависитъ отъ счастья всего человѣчества. Отрицательные принципы религіозной морали: «Не воруй, не убій», уступаютъ мѣсто болѣе жизненнымъ положительнымъ принципамъ человѣческой морали. Повелѣнія Бога, котораго можно всегда ослушаться, умилостививъ его предварительно приношеніями, замѣняются теперь требованіями равенства и солидарности, гласящими: «Если ты хочешь быть счастливымъ, дѣлай всѣмъ и каждому только то, что ты хотѣлъ-бы, чтобъ тебѣ дѣлали». И этотъ простой положительный принципъ, не имѣющій ничего общаго съ предписаніями религіи, открываетъ сразу человѣчеству обширное поприще для самоусовершенствованія.

Необходимость измѣнить наши взаимныя отношенія соотвѣтственно этому принципу, заставляетъ себя чувствовать съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Но ничто не можетъ быть и не будетъ достигнуто въ этомъ направленіи, пока эксплоатація, господство, лицемѣріе и софизмы останутся основами нашей соціальной организаціи.

Тысячи примѣровъ могутъ быть приведены въ подтвержденіе этого. Но мы здѣсь ограничимся лишь однимъ,—самымъ ужаснымъ,—примѣромъ нашихъ дѣтей. Что дѣлаемъ мы изъ нихъ въ современномъ обществѣ?

Уваженіе къ дѣтству, любовь къ ребенку—лучшія качества, выработанныя человѣчествомъ на всемъ его тяжеломъ пути отъ первобытнаго состоянія къ современному. Сколько разъ приходилось видѣть самаго закоренѣлаго преступника обезоруженнымъ улыбкой ребенка! Въ наше время это уваженіе исчезаетъ; ребенокъ сталъ у насъ рабо-

чимъ скотомъ или же, въ лучшемъ случаѣ, игрушкой для удовлетворенія страстей.

Мы видѣли недавно, какъ буржуазія истребляетъ нашихъ дѣтей, заставляя ихъ работать на заводахъ и фабрикахъ *). Тамъ ихъ убиваютъ физически. Развращенное же до мозга костей общество убиваетъ ихъ и нравственно.

Оно свело образованіе къ безсмысленному заучиванію, которое, конечно, не можетъ дать пищи возвышеннымъ стремленіямъ и жаждѣ идеала, проявляющимся въ извѣстномъ возрастѣ у большей части нашихъ дѣтей. Оно, напротивъ, всѣми силами старается забить всякую талантливую, независимую и гордую натуру. Дѣти, болѣе или менѣе сознательныя, начинаютъ ненавидѣть школу, озлобляются и на всю жизнь замыкаются въ себя или съ отчаяніемъ бросаются искать какого бы то ни было выхода своимъ страстямъ и стремленіямъ. Они жадно накидываются на романы, стараясь найти въ нихъ поэзію, которой не дала имъ жизнь; они зарываются въ эту грязную, рыночную литературу, сфабрикованную для буржуазіи по пятаку за строчку и, начитавшись, подобно молодому Леметру, вонзаетъ ножъ въ горло какому-нибудь ребенку, чтобы стать знаменитымъ преступникомъ. Другіе со страстью предаются гнуснымъ порокамъ, и только тѣ дѣти, у которыхъ нѣтъ ни порывовъ, ни страстей, ни стремленій къ независимости и самостоятельности, благополучно достигаютъ конца. Они снабдятъ общество достаточнымъ контингентомъ хорошихъ буржуа, съ ихъ скудной нравственностью и убогой добродѣтелью. Это люди, которые, конечно, не станутъ таскать платковъ изъ кармановъ проходящихъ, но тѣмъ не менѣе будутъ съ спокойной совѣстью, «честно» обворовывать своихъ кліентовъ. Они не предадутся сильной, безразсудной страсти, но будутъ исподтишка бѣгать къ своимъ любовницамъ, чтобъ развлечься и отдохнуть отъ однообразія семейнаго очага. Они всецѣло втянутся въ засасывающее болото пошлости и будутъ вопить, какъ только кто-нибудь захочетъ дотронуться до плѣсени, покрывающей ихъ.

Вотъ, что даетъ буржуазія своимъ сыновьямъ. Что же касается дочерей, она развращаетъ ихъ съ ранняго дѣтства. Нелѣпое чтеніе, разодѣтые куклы, роскошные наряды, назидательный примѣръ матери, бесѣды въ будуарахъ, — все способствуетъ тому, чтобы сдѣлать изъ ребенка женщину, которая продастъ себя тому, кто дастъ за нее большую цѣну. Ребенкомъ еще она распространяетъ вокругъ себя заразу:

---

*) Эти строки были написаны по поводу доклада Эммы Броунъ о дѣтскомъ трудѣ въ мануфактурахъ Массачузета. Ей пришлось посѣтить большую часть мануфактуръ государства и констатировать, что нигдѣ не исполнялись законы, нормирующіе трудъ дѣтей. На каждой фабрикѣ она видѣла массу дѣтей—несчастныхъ, истощенныхъ созданій, съ задатками всевозможныхъ болѣзней: малокровія, физическаго уродства, чахотки и т. п. Почти половину (сорокъ четыре на сто) рабочихъ въ Массачузетѣ составляютъ дѣти моложе пятнадцати лѣтъ. Да и понятно. Работая по двѣнадцати часовъ въ сутки, они получаютъ лишь 24% платы взрослыхъ рабочихъ.

Мы знаемъ, что, несмотря на такъ называемые охранительные законы, для дѣтей всѣ фабрики и заводы, вплоть до каменноугольныхъ копей Европы кишатъ дѣтьми, которыя работаютъ по двѣнадцати часовъ въ сутки.

дѣти рабочихъ съ завистью смотрятъ на эту дѣвочку въ роскошномъ платьѣ, съ изящной поступью, съ манерами куртизанки въ двѣнадцать лѣтъ. Если же мать добродѣтельна, насколько могутъ быть добродѣтельны буржуа — тогда еще хуже. Дѣвочка рано пойметъ цѣну двуличной морали, гласящей: «Люби ближняго, но грабь его, когда можешь! Будь добродѣтельна, но до извѣстной степени, и т. п.»; она задохнется въ этой атмосферѣ нравственности à la Тартюфъ и, не найдя въ жизни ничего прекраснаго, захватывающаго и цѣннаго, бросится въ объятья первому встрѣчному, лишь бы онъ могъ удовлетворить ея потребностямъ роскоши.

Взглядитесь какъ слѣдуетъ въ эти явленія, вдумайтесь поглубже въ ихъ причины, и вы убѣдитесь въ необходимости бурной революціи, которая очиститъ современное общество и вырветъ съ корнемъ то зло, которое съѣдаетъ человѣчество и служитъ источникомъ заразы.

Пока среди насъ есть паразиты, живущіе нашимъ трудомъ подъ предлогомъ управлять нами, эти паразиты будутъ очагомъ чумы и разврата для общественной нравственности. Праздные люди всю жизнь ищутъ безсмысленныхъ развлеченій; чувство солидарности убито въ нихъ самыми основами ихъ существованія; преступный эгоизмъ развивается самой ихъ жизнью; такіе люди всегда склонны къ самой грубой чувственности: они унижаютъ и оскверняютъ все, къ чему прикасаются. Своимъ золотомъ и животными инстинктами они развращаютъ женщину и дѣтей; они развращаютъ искусство, театръ, прессу; они готовы продать свою родину, продать ея защитниковъ и, слишкомъ трусливые, чтобы сами убивать, они, не колеблясь, заставятъ убить лучшихъ представителей родной страны, если только что-либо будетъ угрожать ихъ богатству — единственному источнику ихъ радости.

Чума у нашихъ очаговъ; надо уничтожить источникъ заразы и, если даже придется дѣйствовать огнемъ и мечемъ, — мы не должны останавливаться: дѣло идетъ о спасеніи всего человѣчества.

Грядущая Революція.

Въ предыдущихъ главахъ мы пришли къ заключенію, что Европа катится по наклонной плоскости къ революціи.

Изслѣдуя способы производства и обмѣна, установленные буржуазіей, мы замѣчаемъ, что гангрена охватила весь современный строй жизни.

Мы видимъ полное отсутствіе какихъ бы то ни было научныхъ и гуманитарныхъ основъ, безумное расточеніе общественнаго капитала, жажду наживы, дошедшую до полнаго пренебреженія всякими законами общественности, непрерывныя промышленныя войны и невообразимый хаосъ. Мы съ восторгомъ привѣтствуемъ приближеніе дня, когда крикъ: *долой буржуазію!* вырвется изъ всѣхъ устъ съ тѣмъ единодушіемъ, съ которымъ провозглашалось нѣкогда паденіе династій.

Изучая развитіе государствъ, роль ихъ въ исторіи и разложеніе, охватившее ихъ, мы видимъ, что современный способъ группировки заканчиваетъ свое существованіе; онъ совершилъ все, на что былъ способенъ, и теперь рушится подъ своей собственной тяжестью, чтобы уступить мѣсто новымъ организаціямъ, основаннымъ на новыхъ принципахъ, соотвѣтствующихъ современнымъ стремленіямъ человѣчества.

Стоитъ только прослѣдить за возникновеніемъ идей въ современномъ обществѣ, чтобы понять, съ какимъ рвеніемъ человѣческая мысль работаетъ сейчасъ надъ полной переоцѣнкой цѣнностей, завѣщанныхъ намъ прошлыми вѣками, и надъ выработкой новыхъ философскихъ и научныхъ системъ, предназначенныхъ стать основами грядущихъ человѣческихъ организацій. Не только реформаторы изъ народа, изнуренные непосильнымъ трудомъ и нестерпимой нуждой, мечтающіе о лучшемъ будущемъ, возстаютъ сейчасъ противъ современныхъ учрежденій. Ученые, воспитанные на старыхъ предразсудкахъ, стараются отряхнуть съ себя пыль ветхости, прислушиваются къ броженію мысли въ народѣ и становятся выразителями и провозвѣстниками новыхъ идей. «Всеразъѣдающій ядъ критики подрываетъ завѣщанныя намъ непреложныя истины; философія, естественныя науки, этика, исторія, искусство, все гибнетъ въ этой разрушительной работѣ, ничему нѣтъ пощады!» — восклицаютъ возмущенные консерваторы. Да, ничему и не будетъ пощады, даже самимъ основамъ нашего соціальнаго строя — частной собственности и власти. Всѣ работаютъ сейчасъ надъ ихъ разрушеніемъ, — всѣ, отъ негра мастерской до работниковъ мысли, отъ заинтересованныхъ въ реорганизаціи современнаго строя до тѣхъ, которые содрогнутся при видѣ своихъ же мыслей, осуществленныхъ на практикѣ, отряхнувшихъ съ себя пыль библіотекъ, воплощенныхъ самой жизнью.

Полное разложеніе и распаденіе современнаго строя и всеобщее недовольство; выработка новыхъ формъ жизни и жажда какой бы то ни было перемѣны, юношескій порывъ критики въ области науки, философіи, этики и броженіе общественной мысли; возмутительное равнодушіе или преступное сопротивленіе новымъ теченіямъ тѣхъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточена власть...

Вотъ каково было всегда состояніе общества наканунѣ великихъ революцій. Таково оно и сейчасъ; и это не безумная фантазія возбужденнаго воображенія группы недовольныхъ; самое спокойное научное наблюденіе убѣждаетъ насъ въ этомъ. Даже тѣ, которые для оправданія своей преступной индифферентности говорятъ: «Будьте спокойны, опасность не дошла еще до нашихъ жилищъ», признаютъ, что положеніе все ухудшается и что они не знаютъ, куда мы идемъ. Однако, облегчивъ себя этимъ признаніемъ, они снова впадаютъ въ свое обычное состояніе — прозябаніе безъ мысли.

«Намъ столько разъ предсказывали эту революцію», вздыхаетъ пессимистъ; «былъ моментъ, когда я самъ повѣрилъ въ ея наступленіе, а между тѣмъ ея все нѣтъ!»

Она придетъ и чѣмъ позже, тѣмъ она будетъ плодотворнѣе. «Два раза, въ 1754 и въ 1771 году готова была вспыхнуть революція»,

говоритъ Феликсъ Рокэнъ *), описывая событія XVIII вѣка (чуть было не написалъ въ 1848 и 1871 году). Не разразившись тогда, она стала гораздо могучѣе и плодотворнѣе къ концу вѣка.

Но не будемъ тревожить сна индифферентныхъ и мѣшать брюзжанію пессимистовъ. Подумаемъ лучше о томъ, каковъ будетъ характеръ этой революціи, предчувствуемой и подготовляемой столькими людьми, и каково должно быть наше отношеніе къ ней.

Мы не будемъ заниматься историческими пророчествами: ни эмбріональное состояніе соціологіи, ни современное положеніе исторіи, которая, по выраженію Огюстэна Тьерри, «подавляетъ истину условными формулами», насъ на это не уполномочиваютъ. Ограничимся тѣмъ, что поставимъ себѣ нѣсколько самыхъ простыхъ вопросовъ.

Возможно ли допустить хоть на мгновеніе, что одна только перемѣна образа правленія успокоитъ броженіе умовъ и пріостановитъ совершающуюся во всѣхъ слояхъ общества работу надъ пересозданіемъ всего существующаго? Что недовольство экономическимъ строемъ, возрастая съ каждымъ днемъ, не захочетъ проявиться въ общественной жизни, какъ только наступятъ благопріятныя обстоятельства — дезорганизація власти?

Конечно, нѣтъ!

Возможно ли, чтобы ирландскіе и англійскіе крестьяне не воспользовались первой представившейся возможностью, чтобы изгнать ненавистныхъ помѣщиковъ и завладѣть землей, о которой они мечтаютъ столько вѣковъ?

Возможно ли, чтобы Франція, если только наступитъ новый 1848 годъ, ограничилась замѣной своего новаго Гамбетта какимъ-нибудь Клемансо и не испробовала, что можетъ дать *Коммуна* для улучшенія быта рабочихъ? Чтобы французскіе крестьяне, видя центральную власть униженной, не постарались завладѣть бархатными лугами своихъ сосѣдокъ — святыхъ сестеръ и плодородными полями толстыхъ буржуа, устроившихся около нихъ и все округляющихъ свои владѣнія? Возможно ли, чтобы они не встали въ ряды борцовъ, предлагающихъ имъ поддержку для осуществленія мечты всего рабочаго народа: обезпеченнаго, хорошо оплачиваемаго труда?

Возможно ли, чтобы крестьяне — будь то итальянцы, испанцы или славяне — не присоединились къ этому движенію?

Возможно ли, чтобы рудокопы, изнуренные нуждой и страданіями, работающіе подъ вѣчнымъ страхомъ смерти, не постарались изгнать владѣльцевъ рудниковъ, какъ только они замѣтятъ малѣйшій признакъ дезорганизаціи среди своего начальства?

А мелкій ремесленникъ, ютящійся въ темномъ сыромъ подвалѣ, работающій день и ночь съ окоченѣлыми пальцами и пустымъ желудкомъ, выбивающійся изъ силъ, чтобы прокормить пять маленькихъ ртовъ, тѣмъ болѣе любимыхъ, чѣмъ они становятся блѣднѣе и про-

*) L'Esprit révolutionnaire avant Révolution.

зрачнѣе отъ голода и лишеній? А этотъ несчастный, проводящій ночи подъ открытымъ небомъ, такъ какъ онъ не можетъ позволить себѣ роскоши — переночевать за пятакъ въ ночлежномъ домѣ? Неужели вы думаете, что они не постараются найти въ роскошныхъ дворцахъ теплаго угла для своихъ семействъ, болѣе достойныхъ и честныхъ во всякомъ случаѣ, чѣмъ семьи толстыхъ буржуа. Что они не мечтаютъ о томъ, чтобы въ магазинахъ коммуны было достаточно хлѣба для всѣхъ тѣхъ, которые не привыкли къ бездѣлью, достаточно одежды, чтобы покрыть какъ плечи несчастныхъ дѣтей рабочихъ, такъ и упитанныя тѣла дѣтей буржуа? Неужели вы думаете, что тѣ, которые ходятъ въ лохмотьяхъ, не знаютъ, что въ магазинахъ большого города есть достаточно припасовъ для удовлетворенія первыхъ нуждъ всѣхъ его жителей и что если бы всѣ рабочіе трудились надъ производствомъ необходимыхъ предметовъ, вмѣсто того, чтобы чахнуть надъ выдѣлкой предметовъ роскоши, то выработаннаго ими хватило бы не только на ихъ коммуну, но и на сосѣднія?

Наконецъ, возможно ли, чтобы народъ въ тотъ день, когда почувствуетъ въ себѣ силу, не постарался бы осуществить все то, о чемъ онъ мечтаетъ столько лѣтъ и что само собой вырвется наружу въ критическій моментъ (вспомните осаду Парижа!)?

Здравый смыслъ человѣчества отвѣтилъ уже на эти вопросы, и вотъ его отвѣтъ:

Наступитъ всеобщая революція, которая вызоветъ потоки крови во всѣхъ странахъ Европы. При связяхъ, установившихся сейчасъ между отдѣльными государствами и при настоящемъ неустойчивомъ политическомъ равновѣсіи мѣстная революція невозможна, если только она будетъ сколько-нибудь продолжительна. Разразившись въ одной странѣ, она, какъ въ 1848 году, вызоветъ непремѣнно вспышки во всѣхъ остальныхъ, и революціонное пламя охватитъ сразу всю Европу.

Но если въ 1848 году возставшіе города возлагали большія надежды на перемѣну образа правленія и на конституціонныя реформы, то сейчасъ, конечно, это невозможно. Парижскій рабочій не будетъ ждать, что правительство — будь то даже свободная Коммуна — исполнило его завѣтныя желанія. Онъ самъ возьмется за дѣло и скажетъ: «Такъ, по крайней мѣрѣ, что-нибудь будетъ сдѣлано!»

Русскій народъ не будетъ ждать, чтобы учредительное собраніе даровало ему землю, которую онъ столько лѣтъ обработываетъ для другихъ; какъ бы мало надежды на успѣхъ у него ни было, онъ постарается самъ ею завладѣть; онъ уже стремится къ этому: доказательствомъ чему служатъ постоянные бунты. То же самое происходитъ въ Италіи и въ Испаніи; и если въ Германіи рабочій позволяетъ еще распоряжаться собой тѣмъ, которые бы желали, чтобы все въ мірѣ совершалось по предписаніямъ изъ Берлина, то примѣръ сосѣдей и неспособность правителей скоро укажутъ ему настоящій путь.

Будущая революція будетъ носить экономическій характеръ. Всѣми народами одновременно будутъ произведены попытки пересоздать весь экономическій строй; они больше не будутъ ждать, чтобы благосостояніе свалилось имъ съ неба, какъ манна небесная.

Но... мы уже видимъ пессимиста съ лукавой улыбкой на губахъ, говорящаго: «нѣсколько возраженій, только нѣсколько возраженій». Что же, мы его выслушаемъ и отвѣтимъ ему.

Политическія права.

Буржуазная пресса ежедневно твердитъ намъ на всѣ лады о значеніи политической свободы и «политическихъ правъ человѣка»: всеобщей подачи голосовъ, свободы выборовъ, свободы печати, союзовъ, собраній и т. д., и т. д.

— «Зачѣмъ возставать, зачѣмъ прибѣгать къ оружію, — говоритъ она, — когда у васъ есть всѣ эти права, а, слѣдовательно, и возможность произвести всѣ необходимыя реформы!» Оцѣнимъ же эти пресловутыя политическія права съ *нашей* точки зрѣнія, т.-е., съ точки зрѣнія того класса, который ничего не имѣетъ, никѣмъ не управляетъ и у котораго очень мало правъ и слишкомъ много обязанностей.

Мы не скажемъ, какъ это говорилось раньше, что политическія права не имѣютъ въ нашихъ глазахъ *никакой* цѣны. Мы прекрасно знаемъ, что со временъ крѣпостного права и даже съ прошлаго вѣка въ этомъ отношеніи кое-что сдѣлано. Французскій рабочій уже не то существо, лишенное всякихъ человѣческихъ правъ, какимъ онъ былъ раньше, когда аристократія смотрѣла на него, какъ на рабочаго скота; внѣ своей мастерской, онъ считаетъ себя равнымъ всѣмъ остальнымъ гражданамъ. Французскаго крестьянина нельзя сѣчь на улицахъ, какъ это дѣлается еще въ Россіи. Бурными революціями и пролитой кровью народъ завоевалъ себѣ нѣкоторыя личныя права, умалять значеніе которыхъ мы не хотимъ.

Но есть права и права, и надо умѣть ихъ различать; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ реальное значеніе, другіе же лишены его; кто смѣшиваетъ, только обманываетъ народъ. Есть права, какъ, напримѣръ, равенство передъ закономъ аристократа и крестьянина, тѣлесная неприкосновенность каждаго гражданина и т. п., которыя достались народу послѣ упорной борьбы и настолько дороги ему, что малѣйшая попытка нарушить ихъ вызоветъ возстаніе. И есть такія права, какъ всеобщая подача голосовъ, свобода печати и т. п., къ которымъ народъ былъ всегда равнодушенъ, такъ какъ онъ чувствуетъ, что эти права, защищая буржуазію отъ самовластія правительства и аристократіи, служатъ орудіемъ въ рукахъ господствующихъ классовъ для порабощенія народа. Ихъ даже нельзя назвать политическими правами, такъ какъ они не охраняютъ интересовъ народа; это только нашъ политическій языкъ — жаргонъ, выработанный правящими классами исключительно для своихъ нуждъ, — величаетъ ихъ этимъ громкимъ именемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое политическое право, какъ не оружіе для защиты независимости и свободы тѣхъ, которые сами не могутъ внушить уваженія къ этимъ своимъ правамъ? Каково его назначеніе,

если оно не можетъ дать свободы всѣмъ тѣмъ, которые должны ею обладать? Люди, подобные Гамбетта, Бисмарку и Гладстону, не нуждаются ни въ свободѣ печати, ни въ свободѣ собраній; они и такъ пишутъ все, что хотятъ, устраиваютъ какія угодно собранія, исповѣдываютъ тѣ ученія, которыя имъ больше по вкусу; они и такъ свободны. А если кому-нибудь и нужно дать эту свободу слова, печати и собраній, то только тѣмъ, которые сами не могутъ обезпечить себѣ этихъ правъ и проводить въ жизни свои идеи, свои принципы. Таково происхожденіе всѣхъ политическихъ правъ.

Но въ наше время даются ли эти права тѣмъ, кто въ нихъ нуждается?

Конечно, нѣтъ. Всеобщее избирательное право можетъ до нѣкоторой степени оградить буржуазію отъ злоупотребленій центральной власти, не заставляя ее прибѣгать къ оружію. Оно можетъ служить для умиротворенія соперниковъ, оспаривающихъ другъ у друга власть и удержать ихъ отъ кровопролитія. Но это право безсильно тамъ, гдѣ надо низвергнуть или ограничить власть и уничтожить господство привилегированныхъ. Прекрасное орудіе для мирнаго разрѣшенія недоразумѣній между правителями, какую оно можетъ принести пользу подданнымъ?

Исторія отвѣчаетъ намъ на этотъ вопросъ. — Пока буржуазія думала, что всеобщая подача голосовъ будетъ въ рукахъ народа оружіемъ для борьбы съ привилегированными классами, она всѣми силами противилась ей. Когда же, въ 1848 году, она поняла, что это право не только не грозитъ ея привилегіямъ, но даже не мѣшаетъ ей властвовать надъ народомъ, она сразу ухватилась за него. Теперь буржуазія стала его ярой защитницей, такъ какъ она знаетъ, что это лучшее средство, чтобы удержать въ своихъ рукахъ господство надъ массами.

То же самое относительно свободы печати. — Какой доводъ былъ самымъ убѣдительнымъ въ глазахъ буржуазіи въ пользу свободы печати? — Ея безсиліе! Ея несостоятельность! «Когда-то», — говоритъ Жирарденъ, — «сжигали колдуновъ, потому что имѣли глупость ихъ считать всемогущими; теперь дѣлаютъ ту же глупость относительно печати. Но печать такъ же безсильна, какъ средневѣковые колдуны. И потому — долой преслѣдованія печати!» Вотъ, что говорилъ когда-то Жирарденъ. А какой аргументъ выставляетъ теперь буржуазія въ защиту свободы печати? — «Посмотрите», — говоритъ она, — «на Англію, Швейцарію, Соединенные Штаты. Тамъ полная свобода печати, а между тѣмъ нигдѣ такъ не развита эксплоатація, нигдѣ такъ властно не царитъ капиталъ. Пусть нарождаются вредныя теченія. Мы всегда сумѣемъ заглушить голосъ ихъ органовъ, не прибѣгая даже къ насилію. А если когда-нибудь, въ моментъ возбужденія, революціонная пресса и станетъ опасной, мы всегда успѣемъ уничтожить ее подъ какимъ бы то ни было предлогомъ».

На счетъ свободы собраній тѣ же разсужденія.

— «Дадимъ полную свободу собраній», — говоритъ буржуазія; — «народъ не смѣетъ коснуться нашихъ привилегій. Мы должны больше

всего бояться *тайныхъ* обществъ, а публичныя собранія лучшее средство, чтобъ положить имъ конецъ. Если же въ моментъ сильнаго возбужденія публичныя собранія и стали бы опасными, мы всегда можемъ ихъ воспретить, такъ какъ въ нашихъ рукахъ правительственная власть».

«Неприкосновенность жилищъ? — Пожалуйста! записывайте ее въ кодексы, прокричите повсюду!» — говорятъ хитрые буржуа. — «Мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія, чтобы агенты полиціи тревожили насъ у семейнаго очага. Но мы учредимъ тайную канцелярію, мы заселимъ страну агентами тайной полиціи, мы составимъ списки неблагонадежныхъ и будемъ зорко слѣдить за ними. Когда же мы почуемъ, что опасность близка, плюнемъ на неприкосновенность, будемъ арестовывать людей въ постеляхъ, допрашивать ихъ, обыскивать жилища. Не будемъ останавливаться ни передъ чѣмъ и тѣхъ, кто посмѣетъ слишкомъ громко заявлять свои требованія, упрячемъ въ тюрьмы. Если же насъ будутъ обвинять, скажемъ: «Что же дѣлать, господа! A la guerre comme à la guerre»!

Неприкосновенность корреспонденціи? — Говорите всѣмъ, пишите, что корреспонденція неприкосновенна. Если начальникъ почтоваго отдѣленія въ глухой деревнѣ изъ любопытства распечатаетъ какое-нибудь письмо, лишите его тотчасъ же должности, кричите во всеуслышаніе: «Чудовище! преступникъ!» Остерегайтесь, чтобъ тѣ мелочи, которыя мы сообщаемъ другъ другу въ письмахъ, не были разглашены. Но если вы нападете на слѣдъ предумышленнаго заговора противъ нашихъ привилегій, — тогда нечего стѣсняться: будемъ вскрывать всѣ письма, учредимъ цѣлый штатъ спеціальныхъ чиновниковъ, а протестующимъ скажемъ, какъ это сдѣлалъ недавно при аплодисментахъ всего парламента одинъ англійскій министръ:

— «Да, господа, съ глубокимъ отвращеніемъ вскрываемъ мы письма, но, что же дѣлать, вѣдь отечество (вѣрнѣе, аристократія и буржуазія) въ опасности!»

Вотъ, къ чему сводится эта, такъ называемая, политическая свобода.

Свобода печати, свобода собраній, неприкосновенность жилищъ и всѣ остальныя права признаются только до тѣхъ поръ, пока народъ не пользуется ими, какъ орудіемъ для борьбы съ господствующими классами. Но какъ только онъ дерзнетъ посягнуть на привилегіи буржуазіи, всѣ эти права выкидываются за бортъ.

Это вполнѣ естественно. Неотъемлемы лишь тѣ права, которыя человѣкъ завоевалъ упорной борьбой и ради которыхъ готовъ каждую минуту снова взяться за оружіе.

Сейчасъ не сѣкутъ на улицахъ Парижа, какъ это дѣлается въ Одессѣ, лишь потому, что позволь себѣ это правительство, народъ растерзаетъ своихъ палачей. Аристократы не прокладываютъ себѣ пути ударами, щедро раздаваемыми лакеями, лишь потому, что лакеи самодура, позволившаго себѣ что-либо подобное, будутъ убиты на мѣстѣ. Извѣстное равенство существуетъ сейчасъ на улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ между рабочимъ и хозяиномъ, потому что,

благодаря предыдущимъ революціямъ, чувство собственнаго достоинства рабочаго не позволитъ ему снести обиды со стороны хозяина. Писанные же законы тутъ не причемъ.

Въ современномъ обществѣ, раздѣленномъ на рабовъ и хозяевъ, не можетъ существовать настоящей свободы; о ней не можетъ быть и рѣчи, пока будутъ эксплоататоры и эксплоатируемые, правители и подданные. Но изъ этого не слѣдуетъ, что до того дня, когда анархическая революція уничтожитъ всѣ соціальныя различія, мы согласны, чтобъ печать была порабощена, какъ въ Германіи, свобода собраній преслѣдуема, какъ въ Россіи, неприкосновенность личности пренебрегалась, какъ въ Турціи.

Какими бы рабами капитала мы ни были, мы хотимъ печатать все, что найдемъ нужнымъ, собираться и организоваться по своей волѣ и все это, главнымъ образомъ, для того, чтобъ, какъ можно скорѣе, свергнуть постыдное иго капитала.

Но пора понять, что не у конституціоннаго правительства мы должны просить помощи. Не въ кодексѣ законовъ, который можетъ быть уничтоженъ по первому капризу правителей, мы должны искать защиты своихъ естественныхъ правъ. Только, когда мы станемъ организованной силой, способной внушить уваженіе къ своимъ требованіямъ, мы сумѣемъ постоять за свои права.

Захотимъ ли мы свободы печати, свободы слова, собраній, союзовъ — мы не должны просить ихъ у парламента, не должны ждать отъ сената, какъ милостыни, изданія соотвѣтствующаго закона. Станемъ организованной силой, способной показать зубы каждому, дерзнувшему посягнуть на наши права; *будемъ сильны*, и никто не посмѣетъ тогда запретить намъ говорить, писать и собираться. Въ тотъ день, когда мы сумѣемъ вселить единодушіе въ среду эксплоатируемыхъ, въ эту молчаливую, но грозную армію, объединенную однимъ желаніемъ — пріобрѣсти и защищать свои права, никто не дерзнетъ оспаривать ихъ у насъ. Тогда и только тогда, мы *завоюемъ* себѣ эти права, которыя мы тщетно бы *просили* десятки лѣтъ у какого бы ни было конституціоннаго правительства, тогда они будутъ принадлежать намъ вѣрнѣе, чѣмъ если бы ихъ гарантировали писанные законы.

Правъ не даютъ, ихъ берутъ!

Къ молодымъ людямъ.

I.

Молодые люди, я обращаюсь сегодня исключительно къ вамъ. Пусть старики, т.-е. старые духомъ и сердцемъ, оставятъ эту книгу и не утомляютъ даромъ глазъ надъ чтеніемъ, которое имъ ничего не дастъ.

Я полагаю, что вамъ восемнадцать, двадцать лѣтъ, что вы заканчиваете свое образованіе или обученіе ремеслу и вступаете въ жизнь.

Я думаю, что вы свободны отъ предразсудковъ, которые вамъ старались внушить; вы не боитесь чертей и не станете слушать пустыхъ бредней священниковъ и пасторовъ.

Вы не принадлежите, конечно, къ тѣмъ печальнымъ продуктамъ человѣчества въ періодѣ упадка, къ тѣмъ жуирамъ, которые цѣлые дни мѣрятъ тротуары въ модныхъ брюкахъ, съ вылощенными физіономіями, и уже въ этомъ возрастѣ мечтаютъ только о безплодныхъ развлеченіяхъ. Напротивъ, я думаю, что вы здоровые люди, жаждущіе разумнаго труда, и потому я обращаюсь къ вамъ.

Не разъ уже вы ставили себѣ, должно быть, слѣдующій вопросъ: кѣмъ я буду? Въ васъ ясно сознаніе, что вы изучали какую-нибудь науку или ремесло — на счетъ общества, замѣтьте это, — не для того, чтобъ воспользоваться ими, какъ орудіемъ для эксплоатаціи. Надо быть слишкомъ испорченнымъ и изъѣденнымъ пороками, чтобъ не желать въ вашемъ возрастѣ посвятить всѣ свои способности, знанія и силы служенію тѣмъ, которые коснѣютъ въ невѣжествѣ и нищетѣ.

Вы, конечно, мечтали объ этомъ?

Поговоримъ о томъ, какъ осуществить ваши мечты.

Я не знаю, въ какихъ условіяхъ вы родились и воспитывались. Можетъ быть, баловни судьбы, вы получили научное образованіе; вы будете докторомъ, адвокатомъ, писателемъ или ученымъ; широкое поле дѣятельности откроется передъ вами; вы вступите въ жизнь съ обширными познаніями, съ выработанными способностями къ труду.

Можетъ быть, вы будете честными ремесленниками; ваши научныя познанія ограничиваются тѣмъ немногимъ, что вы получили въ начальной школѣ; но зато вы хорошо знаете, какова тяжелая трудовая жизнь нашихъ рабочихъ.

Остановимся сначала на первомъ предположеніи. Представьте себѣ, что вы докторъ.

Завтра придетъ рабочій звать васъ къ больной. Онъ поведетъ васъ въ одинъ изъ тѣхъ грязныхъ, узкихъ переулковъ, гдѣ сосѣдки черезъ улицу жмутъ другъ другу руки надъ головами прохожихъ.

При тускломъ освѣщеніи коптящей лампы, задыхаясь отъ спертаго воздуха и вони, подымаетесь вы въ пятый этажъ по грязной, скользкой лѣстницѣ. Вы входите въ темную, холодную комнату, гдѣ въ углу, на кучѣ грязныхъ тряпокъ, лежитъ больная, покрытая какими-то лохмотьями. Блѣдныя, исхудалыя дѣти, дрожа отъ холода, вопросительно смотрятъ на васъ широко открытыми глазами. Всю жизнь мужъ работалъ по двѣнадцати, тринадцати часовъ въ сутки, какъ бы ни былъ тяжелъ его трудъ: теперь, вотъ уже три мѣсяца, какъ онъ не находитъ работы. Безработица бывала и прежде: она повторяется періодически каждый годъ. Но тогда жена ходила работать поденно... быть можетъ, стирать ваши рубашки, по полтиннику въ день.

Но вотъ уже три мѣсяца, какъ она не встаетъ съ постели, и ужасающій призракъ нищеты и голода сталъ передъ семьей.

Что посовѣтуете вы больной, господинъ докторъ? Вы, который знаете, что единственная причина ея болѣзни — недостатокъ пищи и

воздуха? Хорошій бифштексъ каждый день, немного движеній на свѣжемъ воздухѣ, сухую, свѣтлую комнату? Какая насмѣшка! Развѣ она безъ вашихъ совѣтовъ не знаетъ, что все это ей нужно!

Если вы сумѣете вселить къ себѣ довѣріе и захотите поговорить съ этой семьей, она разскажетъ вамъ, что за перегородкой живетъ гладильщица, которую постоянно мучаетъ душу раздирающій кашель, что въ нижнемъ этажѣ всѣ дѣти лежатъ въ лихорадкѣ, что прачка, поселившаяся въ подвалѣ, не дотянетъ до весны и что въ сосѣднихъ домахъ еще того хуже.

Что посовѣтуете вы всѣмъ этимъ больнымъ? Хорошее питаніе, перемѣну климата, менѣе изнурительный трудъ?.. Вы не рѣшитесь, конечно, этого сдѣлать и поторопитесь уйти съ разбитымъ сердцемъ, съ проклятіемъ на устахъ.

Вы еще находитесь подъ впечатлѣніемъ этой ужасной нищеты, когда вашъ товарищъ разсказываетъ вамъ, что за нимъ только что пріѣзжалъ выѣздной лакей; онъ повезъ его въ роскошный отель къ свѣтской барынѣ, изнуренной безсонными ночами, отдающей жизнь туалетамъ, визитамъ, танцамъ и безконечнымъ ссорамъ съ дуракомъ мужемъ. Вашъ товарищъ предписалъ ей болѣе спокойную жизнь, менѣе возбуждающую пищу, побольше прогулокъ и комнатную гимнастику, чтобъ замѣнить до нѣкоторой степени продуктивный трудъ.

Одна умираетъ оттого, что она никогда не была сыта и не отдыхала; другая чахнетъ оттого, что всю свою жизнь она не знала, что такое трудъ...

Если вы одна изъ тѣхъ дряблыхъ натуръ, которыя легко мирятся со всѣмъ, и при видѣ самыхъ возмутительныхъ фактовъ ограничиваются пустыми словами и утѣшаются кружкой пива, тогда, конечно, вы быстро свыкнетесь съ этими контрастами и постараетесь, чего бы это ни стоило, поскорѣе стать въ ряды привилегированныхъ, чтобъ не попасть, какъ-нибудь, въ число угнетенныхъ. Но, если вы «человѣкъ», если вы реагируете соотвѣтствующимъ поступкомъ на каждое ваше чувство, если животные инстинкты не убили въ васъ окончательно мыслящаго существа, тогда, выходя изъ дома нищеты и страданій, вы скажете: «Это несправедливо, это не должно итти такъ дальше! Надо предупреждать болѣзни, а не лѣчить ихъ. Немного довольства, побольше умственнаго развитія и половина болѣзней исчезнетъ. Бросимъ всѣ лѣкарства! Воздухъ, питаніе, менѣе изнурительный трудъ, вотъ съ чего надо начать. Безъ этого медицина — только обманъ и надувательство!»

Въ этотъ день вы поймете, что такое соціализмъ. Вы захотите поближе познакомиться съ нимъ, и если альтруизмъ для васъ не пустой звукъ, и вы примѣните къ изученію соціальныхъ вопросовъ строгій методъ натуралиста, вы попадете въ наши ряды и будете вмѣстѣ съ нами работать для соціальной революціи.

Но, быть можетъ, вы скажете: «Бросимъ практику! Посвятимъ себя наукѣ. Предадимся, подобно физику, астроному, химику, тѣмъ безконечнымъ радостямъ, которыя даютъ изученіе тайнъ природы и развитіе нашихъ умственныхъ способностей». Въ такомъ случаѣ, ска-

жите, чѣмъ отличается ученый, занимающійся наукой, отъ пьяницы, который ищетъ въ жизни только непосредственнаго наслажденія и находитъ его въ винѣ? Конечно, источникъ радости ученаго даетъ болѣе интенсивныя и продолжительныя наслажденія, но въ этомъ вся разница! Оба они, и ученый, и пьяница, преслѣдуютъ одну и ту же эгоистическую цѣль — личное удовлетвореніе.

Но вы не желаете этого эгоистичнаго счастья. Занимаясь наукой, вы хотите приносить пользу всему человѣчеству; эта мысль будетъ руководить всѣми вашими научными изысканіями...

Красивая иллюзія! Кто изъ насъ не лелѣялъ ее, отдаваясь впервые изученію науки!

Но если на самомъ дѣлѣ вы заботитесь о человѣчествѣ, если счастье его — цѣль вашихъ научныхъ работъ, то передъ вами не можетъ не предстать слѣдующее ужасное возраженіе: наука въ современномъ обществѣ является исключительно предметомъ роскоши. Недоступная большей части человѣчества, она исключительно служитъ для услажденія жизни небольшого числа избранныхъ.

Посмотрите, вотъ уже болѣе вѣка, какъ наука установила здравыя космогоническія начала, а каково число тѣхъ, которые ихъ постигли и выработали въ себѣ критическое, научное отношеніе къ окружающему. Едва оно достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ, теряющихся среди сотенъ милліоновъ, которые затемняютъ свой разумъ предразсудками и суевѣріями, достойными дикарей, и служатъ игрушкой въ рукахъ духовенства.

Посмотрите, сколько сдѣлала наука для выработки раціональныхъ основъ физической и нравственной гигіены. Она учитъ насъ, какъ устроить жизнь, чтобъ сохранить здоровье, какъ поддерживать въ хорошемъ состояніи людскія сообщества; она указываетъ намъ путь къ умственному и нравственному благосостоянію. И вся эта огромная научная работа остается мертвой буквой, не выходитъ изъ кабинета ученаго. А почему? Потому что наука существуетъ сейчасъ только для привилегированныхъ, потому что соціальное неравенство, раздѣляющее людей на капиталистовъ и наемниковъ, обращаетъ всѣ научныя указанія относительно улучшенія условій жизни въ издѣвательство надъ девятью десятыми человѣчества.

Я бы могъ вамъ привести еще много примѣровъ въ подтвержденіе моей мысли, но вы сами найдете ихъ: выйдете только изъ кабинета Фауста, уставленнаго книгами, съ запыленными окнами, не пропускающими дневного свѣта, и посмотрите на все то, что дѣлается вокругъ васъ.

Въ наше время дѣло идетъ не о накопленіи истинъ и научныхъ открытій. Намъ слѣдуетъ распространить и вложить въ жизнь истины, добытыя уже наукой, сдѣлать ихъ всеобщимъ достояніемъ. Мы должны стремиться къ тому, чтобъ все человѣчество стало способнымъ ихъ воспринять, чтобъ наука стала основой жизни, вмѣсто того, чтобъ быть предметомъ роскоши. Этого требуетъ справедливость.

Даже больше: это въ интересахъ самой науки. Наука только тогда прогрессируетъ, когда новыя истины попадаютъ въ среду, способную ихъ воспринять. Теорія механическаго происхожденія тепла, изложена въ прошломъ вѣкѣ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ

у Гирна и Клаузіка, оставалась восемьдесятъ лѣтъ зарытой въ академическихъ мемуарахъ, потому что познанія по физикѣ не были достаточно распространены, чтобъ создать среду, способную ее воспринять. Нужно было три поколѣнія, чтобъ теорія Эразма Дарвина объ измѣняемости видовъ была принята изъ устъ его внука и признана учеными академиками, не безъ нѣкотораго давленія со стороны общества. Ученый такъ же, какъ поэтъ и артистъ, является продуктомъ той среды, въ которой онъ вращается.

Если вы проникнетесь всѣми этими мыслями, вы поймете, что прежде всего долженъ быть произведенъ полный переворотъ во всемъ современномъ строѣ, при которомъ ученые изобилуютъ научными истинами, между тѣмъ какъ большая часть человѣчества обречена оставаться тѣмъ, чѣмъ она была пять, десять вѣковъ тому назадъ; рабами и машинами, неспособными пріобщиться къ истинамъ, добытымъ наукой. Въ тотъ день, когда вы проникнетесь этой широкой, гуманной и глубоко-научной идеей, у васъ пропадетъ желаніе заниматься чистой наукой. Вы всѣми силами будете стремиться найти способъ, чтобъ измѣнить все существующее, и если безпристрастіе, сопровождающее ваши научныя изысканія, не покинетъ васъ, вы перейдете на сторону соціализма. Вы отдѣлаетесь отъ разныхъ софизмовъ и станете въ наши ряды. Вы скажете: «довольно работать на услажденіе жизни тѣхъ, которымъ и такъ хорошо живется; посвятимъ свои знанія, способности и силы на освобожденіе угнетенныхъ!» И будьте увѣрены, что тогда сознаніе исполненнаго долга и гармонія между вашими чувствами и поступками пробудитъ въ васъ силы, о существованіи которыхъ вы и не подозрѣваете. Въ тотъ день, когда свершится переворотъ, наука, черпая безконечныя силы въ свободномъ коллективномъ трудѣ цѣлой арміи работниковъ, совершитъ грандіозный полетъ, въ сравненіи съ которомъ настоящіе ея успѣхи покажутся ученическими упражненіями. День этотъ не далекъ, какъ бы не гнѣвались ваши учителя.

Тогда наслаждайтесь наукой! Это наслажденіе будетъ доступно всему человѣчеству!

II.

Положимъ, вы кончаете курсъ юридическихъ наукъ и думаете заняться адвокатурой; у васъ, должно быть, есть иллюзіи относительно вашей будущей дѣятельности; я предполагаю, что вы честные, сердечные люди, и что вамъ не чуждъ альтруизмъ. «Можно-ли себѣ представить болѣе благородную дѣятельность: посвятить свою жизнь безкорыстной борьбѣ съ несправедливостью, заставлять всегда торжествовать законъ—выразитель высшаго правосудія!» думаете вы и вступаете въ жизнь съ полной вѣрой въ себя и въ избранную вами дѣятельность.

Но откроемъ наугадъ судебную хронику и посмотримъ, что намъ скажетъ сама жизнь.

Богатый помѣщикъ требуетъ, чтобъ удалили съ его земли ферме-

ра-крестьянина за невзносъ арендныхъ денегъ. Съ точки зрѣнія закона не можетъ быть никакихъ сомнѣній: разъ крестьянинъ не платитъ, онъ долженъ уйти.

Но глубже вникая въ дѣло, мы узнаемъ, что помѣщикъ все время расточалъ свои доходы на праздныя увеселенія, а крестьянинъ всегда работалъ. Помѣщикъ ничего не дѣлалъ для улучшенія своей земли, а стоимость ея за пятьдесятъ лѣтъ утроилась, благодаря проведенію проселочныхъ дорогъ, осушенію болотъ, расчисткѣ неплодородныхъ склоновъ. Крестьянинъ же, на счетъ котораго, главнымъ образомъ, все это производилось, разорился, влѣзъ въ долги и не въ состояніи теперь заплатить помѣщику. Законъ, всегда оберегающій собственность, конечно, на сторонѣ помѣщика. Но что сдѣлаете вы, въ которыхъ юридическія фикціи не успѣли еще убить живого чувства? Потребуете-ли вы, чтобъ выгнали на улицу фермера или чтобъ помѣщикъ вернулъ крестьянину часть дохода за его трудъ?—Вѣдь послѣдняго требуетъ отъ васъ справедливость. Перейдете-ли вы на сторону закона противъ справедливости, или же на сторону справедливости противъ закона?

А когда рабочій устроитъ стачку противъ хозяина, не предупредивъ его объ этомъ за пятнадцать дней, кого вы будете защищать? Станете-ли вы на сторону закона, т.-е. на сторону хозяина, который воспользуется моментомъ кризиса, чтобъ безсовѣстно увеличить свои барыши (просмотрите послѣдніе процессы), или же противъ закона—за рабочихъ, умирающихъ въ это время съ голода? Станете ли вы защищать эту фикцію, состоящую въ утвержденіи «свободы міровыхъ сдѣлокъ?» Или же вы постараетесь поддержать справедливость, въ силу которой контрактъ, заключенный между сытымъ и продающимъ свой трудъ за хлѣбъ, между сильнымъ и слабымъ, нельзя признать за контрактъ?

Вотъ вамъ другой примѣръ. Въ Парижѣ арестовали человѣка за то, что онъ стащилъ изъ мясной лавки бифштексъ. Оказалось, что это рабочій, не имѣющій заработка, семья котораго не ѣла уже четверо сутокъ. Всѣ упрашиваютъ мясника отпустить его, но онъ преслѣдуетъ несчастнаго и требуетъ торжества правосудія! Бѣдняка приговариваютъ къ шестимѣсячному заключенію. Того хочетъ слѣпая Ѳемида.—Возможно-ли, чтобъ, при видѣ подобныхъ фактовъ, ваша совѣсть не возроптала противъ закона и общества!

Станете-ли вы, напримѣръ, требовать примѣненія закона къ несчастному, не слышавшему ни разу въ жизни добраго слова, оскорбляемому съ самаго дѣтства, за то, что онъ убилъ сосѣда изъ-за пяти франковъ. Потребуете-ли вы, чтобъ казнили или—что еще хуже—приговорили къ двадцатилѣтнему заключенію этого преступника, вѣрнѣе, больного, когда все общество отвѣтственно за его преступленіе?

Потребуете-ли вы, чтобъ засадили въ тюрьму ткачей, которые въ моментъ отчаянія подожгли фабрику? потребуете-ли вы, чтобъ сослали на каторгу этого юношу, покушавшагося на коронованнаго убійцу, стоящаго внѣ закона? чтобъ разстрѣляли возставшій народъ, который рѣшился выкинуть на баррикадахъ красное знамя будущаго?

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Если вы сознательно относитесь къ окружающему, а не повто-

ряете то, чему васъ учили; если вы освободите законъ отъ фикцій, которыми его затуманили съ цѣлью скрыть его происхожденіе—волю сильнаго, и его сущность—оправданіе притѣсненій, завѣщанныхъ человѣчеству его кровавой исторіей,—вы безусловно отнесетесь съ глубокимъ презрѣніемъ къ этому закону. Вы поймете, что писанные законы стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ законами совѣсти. Вы откажетесь отъ традиціи и придете къ намъ работать надъ уничтоженіемъ всѣхъ несправедливостей: экономической, политической и соціальной.

Но тогда вы будете соціалистомъ,—тогда вы станете революціонеромъ.

А вы, молодой инженеръ, мечтающій улучшить положеніе рабочихъ усовершенствованіемъ способовъ производства,—знаете-ли вы, сколько разочарованій васъ ожидаетъ! Съ юношеской энергіей вы беретесь за проведеніе горной дороги, извивающейся надъ пропастью и разрѣзающей глыбы гранита, чтобъ соединить двѣ страны, отдѣленныя другъ отъ друга самой природой. Когда вы приступите къ работѣ, вы увидите, какъ въ темныхъ тоннеляхъ цѣлыя партіи рабочихъ гибнутъ отъ болѣзней и лишеній, какъ другіе уходятъ съ несомнѣнными признаками чахотки, унося съ собой лишь нѣсколько грошей. Каждый метръ вашей дороги вамъ будетъ стоить многихъ человѣческихъ жизней, благодаря преступной скупости капиталистовъ. Когда же будетъ окончена ваша работа, вы поймете, что вы трудились надъ проведеніе дорогъ для пушекъ завоевателей...

Вы посвящаете свою молодость открытію, которое должно облегчить производство, и послѣ долгихъ усилій, многихъ безсонныхъ ночей, вы, наконецъ, достигли цѣли.

Что же оказалось? Десять, двадцать тысячъ рабочихъ остались безъ заработка! Для приведенія въ дѣйствіе вашей машины достаточно будетъ нѣсколькихъ рабочихъ силъ, дѣтей, большей частью, сведенныхъ на положеніе машинъ! Трое, четверо фабрикантовъ разбогатѣютъ отъ этого открытія и «будутъ пить шампанское полными бокалами»... Объ этомъ-ли вы мечтали?

Изучая положеніе рабочаго класса, мы видимъ, что швея ничего не выиграла отъ изобрѣтенія швейной машины; что рабочіе въ Сенъ-Готардѣ умираютъ отъ глистовъ, несмотря на употребленіе горныхъ сверлильныхъ станковъ съ алмазами головками; что каменщикъ и поденщикъ по прежнему страдаютъ отъ безработицы, вопреки изобрѣтенію подъемныхъ машинъ Жиффара. Если вы отнесетесь къ соціальнымъ вопросамъ съ той непредубѣжденностью мысли, которая руководила вашими техническими изысканіями, вы неизбѣжно придете къ заключенію, что, при существованіи частной собственности и заработной платы, каждое новое открытіе, даже если оно и улучшаетъ нѣсколько благосостояніе рабочаго, дѣлаетъ условія его службы тяжелѣе, трудъ болѣе притупляющимъ, учащаетъ безработицу, обостряетъ кризисы. Эти изобрѣтенія увеличиваютъ лишь барыши тѣхъ, которые проводятъ жизнь въ вѣчномъ наслажденіи и праздности.

Что же вамъ остается дѣлать?

Или убаюкать свою совѣсть софизмами и въ одинъ прекрасный день, распростившись съ честными мечтами юности, постараться завладѣть всѣмъ, что даетъ право на наслажденіе и пойти въ станъ эксплоататоровъ. Или же, если вы еще не окончательно зачерствѣли душой, сказать себѣ:—«Нѣтъ, теперь не время дѣлать новыя открытія! будемъ работать надъ преобразованіемъ современнаго промышленнаго строя. Когда частная собственность будетъ уничтожена, тогда каждое новое промышленное усовершенствованіе будетъ служить благу всего человѣчества. Эта масса работниковъ, сведенныхъ нынѣ на положеніе машинъ, будетъ тогда цѣлой арміей мыслящихъ существъ, которые внесутъ въ промышленность свою инициативу, развитую наукой и практикой ручного труда. Техника достигнетъ въ какихъ-нибудь пятьдесятъ лѣтъ такихъ успѣховъ, о которыхъ мы теперь не смѣемъ и мечтать».

Что скажемъ мы школьному учителю, не тому, который смотритъ на свою профессію, какъ на скучное ремесло, нѣтъ—учителю по призванію, чувствующему себя прекрасно среди толпы веселыхъ шалуновъ, скачущихъ вокругъ него съ горящими глазами и радостнымъ смѣхомъ, мечтающему привить этимъ младенцамъ тѣ гуманитарныя идеи, которыя онъ лелѣялъ въ молодости?

Часто я васъ вижу грустнымъ, и я знаю причину вашей тоски. Сегодня вашъ любимый ученикъ, живой и впечатлительный мальчикъ, съ воодушевленіемъ разсказывалъ легенду о Вильгельмѣ Теллѣ. Глаза его блестѣли; казалось, онъ готовъ былъ заколоть всѣхъ тирановъ, такъ горячо прочелъ онъ эти строки Шиллера:

Предъ рабомъ, разбивающимъ цѣпи,
Передъ *свободнымъ*—не дрожи!

Но когда мальчикъ вернулся домой, онъ получилъ строгій выговоръ отъ отца, матери, дяди за недостатокъ почтительности къ пастору. Родители цѣлый день твердили ему о необходимости «осторожности, подчиненія властямъ, послушанія», такъ что Шиллеръ былъ отложенъ въ сторону и замѣненъ «Искусствомъ устроить свою жизнь на бѣломъ свѣтѣ!»

Вчера еще вамъ говорили, что ваши лучшіе ученики идутъ по плохой дорогѣ: одинъ мечтаетъ лишь объ эполетахъ, другой, сообща съ хозяиномъ, эксплоатируетъ рабочихъ. А сколько надеждъ вы возлагали на этихъ молодыхъ людей! Какъ ужасно противорѣчіе между дѣйствительной жизнью и идеаломъ!

Я уже предвижу, что года черезъ два, послѣ многихъ разочарованій, вы отложите въ сторону вашихъ любимыхъ авторовъ и скажете:

«Конечно, Телль честный отецъ, но онъ безусловно ненормаленъ. Поэзія прекрасна, когда сидишь у теплаго камина, послѣ того, какъ цѣлый день преподавалъ сложные проценты; но жизнь имѣетъ мало общаго съ стихами поэтовъ, парящихъ въ небесахъ, особенно, когда ждешь посѣщенія господина инспектора»...

Или же, ваши юныя мечты станутъ убѣжденіями зрѣлаго человѣка. Вы будете стремиться къ тому, чтобъ всѣ получали широкое, гуманитарное образованіе и, убѣдившись, что это невозможно при

современныхъ условіяхъ, вы примитесь за разрушеніе основъ буржуазнаго строя. Тогда уволенный со службы, вы бросите школу и придете къ намъ работать съ нами, чтобъ показать людямъ, старше васъ—но менѣе опытнымъ—чѣмъ должно быть человѣчество, чѣмъ оно можетъ быть и есть привлекательнаго въ знаніи. Вы будете помогать соціалистамъ въ ихъ работѣ надъ полнымъ преобразованіемъ современнаго строя; вы будете вмѣстѣ съ ними стремиться къ достиженію всеобщаго равенства, солидарности и свободы.

А вы, молодой артистъ, скульпторъ, художникъ, поэтъ, музыкантъ, неужели вы незамѣчаете, что въ васъ нѣтъ того священнаго огня, который вдохновлялъ вашихъ предшественниковъ, что искусство стало банальнымъ, что вездѣ царитъ посредственность?

Да и возможно-ли, чтобъ это было иначе? Восторгъ, охватившій творцовъ эпохи Возрожденія, когда для нихъ воскресъ древній міръ, когда они обратились къ чистымъ источникамъ самой природы,—отсутствуетъ въ современномъ творчествѣ. Революціонныя идеи еще не отразились въ искусствѣ, и, за отсутствіемъ какой-бы то ни было идеи, современные художники увлекаются реализмомъ. Они изощряются въ фотографированіи капли росы на листьяхъ растеній, въ воспроизведеніи мускуловъ коровы, въ тщательномъ описаніи, въ стихахъ или прозѣ, смрада помойныхъ ямъ и роскоши будуаровъ хорошенькихъ женщинъ.

Но что же дѣлать, спросите вы. Если священный огонь, который горитъ въ васъ, лишь тлѣющій уголь, то продолжайте дѣлать то, что вы дѣлаете и доведите искусство до вырожденія, въ ремесло декоратора, поставщика либретто для Буффа и фельетоновъ какому-нибудь Жирардену. Большая часть изъ васъ уже вступила на этотъ пагубный путь.

Но, если ваше сердце бьется въ унисонъ съ сердцемъ человѣчества, если вы, какъ истый поэтъ, способны вслушиваться въ біеніе жизни, то, при видѣ народа, умирающаго отъ голода, труповъ, наполняющихъ рудники, изувѣченныхъ тѣлъ, лежащихъ грудами у подножія баррикадъ, при видѣ сосланныхъ, идущихъ умирать за свои убѣжденія въ снѣга Сибири и на берега тропическихъ острововъ, въ хаосѣ всемірной борьбы, сопровождающейся воплями побѣжденныхъ и оргіями побѣдителей, ожесточенныхъ схватокъ героизма съ трусостью, вдохновенія съ пошлостью,—развѣ можете вы оставаться пассивными! Вы перейдете, на сторону угнетенныхъ, потому что вы знаете, что прекрасное, великое,—словомъ, сама жизнь, *тамъ*, гдѣ борются за истину, за свѣтъ, за справедливость.

Но вы возразите мнѣ: «Если чистая наука—предметъ роскоши, медицина—обманъ, если законъ—несправедливость, техническія открытія—орудія эксплоатаціи, если дѣятельность учителя—ложь, если искусство вырождается безъ революціонныхъ идей, то что же мнѣ дѣлать?».

«Вамъ предстоитъ», отвѣчу я, «громадная, увлекательная работа; трудъ, при которомъ ваши поступки будутъ гармонировать съ вашей совѣстью, трудъ, способный захватить самыя благородныя, сильныя натуры».

Какой трудъ? Я вамъ сейчасъ скажу.

III.

Или поступать все время противъ совѣсти и кончить пошлымъ восклицаніемъ: «Пусть гибнетъ человѣчество, лишь-бы я могъ наслаждаться и пользоваться всѣми благами жизни, пока народъ по глупости не предъявляетъ своихъ правъ!». Или перейти на сторону соціалистовъ и вмѣстѣ съ ними работать надъ преобразованіемъ всего современнаго строя. Таковъ неизбѣжный выводъ произведеннаго нами анализа. Таково логическое заключеніе, къ которому долженъ прійти всякій мыслящій человѣкъ, если только онъ отнесется честно къ тому, что происходитъ вокругъ него, и сумѣетъ отдѣлаться отъ софизмовъ, привитыхъ ему буржуазнымъ воспитаніемъ и пристрастнымъ мнѣніемъ окружающихъ.

Тогда передъ вами предстанетъ вопросъ: «Что дѣлать?»

Отвѣтъ не заставитъ себя ждать.

Покиньте среду, гдѣ вы родились и гдѣ смотрятъ на народъ, какъ на бездушное стадо, идите къ этому народу съ вѣрой въ него, съ желаніемъ помочь ему. Тамъ вы найдете себѣ работу.

Вы увидите, что вездѣ, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, какъ въ Италіи, такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, вездѣ, гдѣ есть привилегированные и угнетенные, въ нѣдрахъ рабочаго класса происходитъ грандіозная работа надъ уничтоженіемъ рабства, налагаемаго капиталистическимъ феодализмомъ, и созданіемъ новаго общественнаго строя, основаннаго на справедливости и равенствѣ. Народъ уже не довольствуется теперь пѣніемъ душу раздирающихъ мелодій, въ которыхъ выливались страданія рабовъ XVIII вѣка, которыя поются еще русскими крестьянами. Онъ рѣшительно идетъ къ освобожденію съ полнымъ сознаніемъ своихъ силъ, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями. Его мысль неустанно работаетъ надъ созданіемъ жизни, обезпечивающей счастье всѣмъ людямъ, переставшей быть проклятіемъ для трехъ четвертей человѣчества. Онъ берется за самые сложные вопросы соціологіи и старается ихъ разрѣшить, пользуясь своимъ здравымъ смысломъ, своей наблюдательностью и тяжелымъ опытомъ.

Чтобы установить связи съ другими угнетенными, онъ организуетъ общества, содержащіяся на средства самаго народа. Онъ входитъ въ соглашеніе съ рабочими другихъ странъ и лучше чѣмъ самые краснорѣчивые проповѣдники филантропіи, подготовляетъ день, когда войны между народами станутъ невозможными. Чтобъ знать, что дѣлаютъ его братья и сговориться съ ними, чтобъ вырабатывать и пропагандировать новыя идеи, онъ содержитъ,—но цѣною какихъ лишеній, какихъ усилій!—свою рабочую прессу. Наконецъ, когда настаетъ часъ, онъ подымается и, обагряя своею кровью подножья баррикадъ, идетъ завоевывать себѣ свободу и права, которыя богачи и власти

сумѣютъ вскорѣ направить опять противъ него, обращая ихъ въ свои привиллегіи.

Сколько постоянныхъ, упорныхъ усилій! Какая непрерывная борьба! Какая гигантская работа, работа, вѣчно прерываемая, то чтобъ пополнить ряды, порѣдѣвшіе отъ пуль и картечи; то чтобъ замѣнить бѣглецовъ, не вынесшихъ тяжести борьбы и преслѣдованій; то чтобъ взяться за изученіе соціальныхъ вопросовъ, прерванное массовыми избіеніями!

Ихъ газеты создаются людьми, которые должны были вырывать у общества обрывки знанія, лишая себя сна и пищи; агитація поддерживается на средства бѣдняковъ, отдающихъ свои послѣдніе гроши; и все это подъ вѣчнымъ страхомъ, что семья будетъ обречена на самую ужасную нищету, если только хозяинъ узнаетъ, что «его рабочій, его рабъ—соціалистъ!»

Вотъ что, прежде всего, вы найдете въ средѣ народа.

И сколько разъ, въ этой безконечной борьбѣ, рабочіе, изнемогая подъ тяжестью обстоятельствъ, тщетно задавали себѣ слѣдующій вопросъ:

«Гдѣ же эти молодые люди, которые получили образованіе на нашъ счетъ, которыхъ мы одѣвали и кормили, пока они учились? Молодежь, для которой не разгибая спины, съ пустымъ желудкомъ, мы строили дома, академіи, музеи и, съ изможденными лицами, печатали книги, недоступныя намъ? А гдѣ профессора, эти двигатели гуманитарной науки, въ глазахъ которыхъ человѣчество не стоитъ рѣдкаго вида гусеницъ? Эти люди, которые постоянно кричатъ о свободѣ и не попробуютъ никогда защитить нашу свободу, ежедневно попираемую? Эти писатели, художники, поэты, вся эта шайка лицемѣровъ, которые со слезами на глазахъ говорятъ о народѣ и никогда не попытаются помочь этому народу въ его тяжелой борьбѣ»?

Одни довольствуются трусливой индифферентностью; другіе, большая часть, презираетъ народъ, «la canaille», и готовы растерзать его, если только онъ посмѣетъ коснуться ихъ привиллегій.

Появится, правда, иногда какой-нибудь юнецъ, мечтающій о барабанномъ боѣ и баррикадахъ, ищущій сильныхъ ощущеній, но какъ только онъ увидитъ, что путь къ баррикадамъ тяжелъ, а въ лавровомъ вѣнкѣ, котораго онъ добивается, слишкомъ много терній, онъ отказывается отъ борьбы за освобожденіе народа. Большею частью, это честолюбцы, которые стараются хитростью снискать расположеніе народа и будутъ первые громить его, когда онъ захочетъ провести въ жизнь тѣ принципы, которые они сами проповѣдовали. Они готовы даже навести пушки на эту «презрѣнную толпу», если только вести въ жизнь тѣ принципы, которые они сами проповѣдывали. Они

Прибавьте къ этому безсмысленное надругательство и высокомѣрное презрѣніе большей части нашего общества, и вы получите ясную картину того, что даетъ сейчасъ буржуазная молодежь народу, чтобъ помочь ему въ его соціальной эволюціи.

И вы еще спрашиваете: «Что дѣлать?»

Что дѣлать, когда ничего еще не сдѣлано, когда цѣлой арміи молодыхъ силъ, готовыхъ пожертвовать своими способностями, энергіей и талантомъ, не хватило-бы на то, чтобъ помочь народу въ предпринятой имъ грандіозной работѣ.

Вы любители чистой науки, неужели, если вы прониклись принципами соціализма и поняли значеніе наступающей революціи, вы не замѣчаете, что вся наука должна быть измѣнена соотвѣтственно новымъ принципамъ; что и въ этой области нужна революція, которая своимъ значеніемъ должна превзойти переворотъ, измѣнившій теченіе наукъ въ XVIII вѣкѣ? Неужели вы не понимаете что современная исторія—басня о величіи царей, исторія генераловъ и парламентовъ должна быть обращена въ исторію народа, въ исторію эволюціи человѣчества? Что соціальная экономія, оправдывающая сейчасъ эксплоатацію капиталистами, должна быть переработана, какъ въ своихъ основныхъ принципахъ, такъ и въ неисчислимыхъ приложеніяхъ? Что антропологія, соціологія и этика должны быть пересозданы, что даже естественныя науки должны получить новое освѣщеніе, измѣняющее, какъ способы пониманія явленій природы, такъ и методы ихъ изложенія? Что же, неужели вамъ мало работы? Посвятите ваши знанія, ваши силы служенію новой наукѣ. А, главнымъ образомъ, помогите намъ вашей желѣзной логикой побѣдить вѣковые предразсудки, выработать путемъ синтеза основы лучшихъ организацій; научите насъ проявлять въ нашихъ разсужденіяхъ убѣжденность, присущую точнымъ наукамъ; покажите своимъ примѣромъ, какъ посвящать жизнь служенію истинѣ.

Вы, доктора, которыхъ тяжелый опытъ заставилъ понять соціализмъ, повторяйте намъ каждый день, что человѣчество вырождается, что оно погибнетъ, если не будутъ измѣнены условія его жизни и работы. Что ваши лѣкарства безсильны, пока девяносто девять сотыхъ человѣчества прозябаетъ въ условіяхъ жизни, прямо противоположныхъ требованіямъ медицины; что должны быть искоренены сами причины болѣзней, и что есть средство для ихъ искорененія. Возьмите вашъ скальпель; разсѣките вѣрной рукой современное общество, идущее по пути къ разложенію и внушите намъ, что раціональная жизнь не сказка и что нельзя останавливаться передъ ампутаціей члена, зараженнаго гангреной, когда опасность грозитъ всему организму.

А вы, изыскивающіе способы приложенія науки къ промышленности, разскажите намъ откровенно, каковъ результатъ вашей работы. Скажите тѣмъ, кто не рѣшается порвать съ настоящимъ, сколько зачатковъ новыхъ открытій несетъ въ себѣ современное знаніе, чѣмъ бы могла быть промышленность при нормальныхъ условіяхъ и сколько бы могъ производить человѣкъ, если бы онъ постоянно работалъ надъ улучшеніемъ способовъ производства. Посвятите вашу интуицію, вашъ практическій умъ, ваши организаторскіе таланты народу, вмѣсто того, чтобы отдавать все на служеніе эксплоататорамъ.

А вы, поэты, художники, скульпторы и музыканты, если вы способны понять, въ чемъ ваше призваніе и интересы искусства, принесите ваше перо, вашу кисть, вашъ рѣзецъ на алтарь революціи.

Изобразите намъ въ сильныхъ образахъ, захватывающихъ картинахъ, бодрящихъ звукахъ титаническую борьбу народа съ его притѣснителями; вдохните въ сердца молодежи частичку того революціоннаго огня, который вдохновлялъ нашихъ предковъ, разскажите женщинѣ, какъ возвышенна и красива будетъ дѣятельность ея мужа, если онъ посвятитъ свою жизнь соціальной эмансипаціи. Покажите человѣчеству въ яркихъ краскахъ все уродство современной жизни и заставьте его приглядѣться къ причинамъ этого уродства; опишите ему, чѣмъ была бы жизнь, если бы она не сталкивалась на каждомъ шагу съ нелѣпостью и гнусностью современнаго строя.

Словомъ, вы всѣ, обладатели знаній и талантовъ, если въ васъ не умерло все человѣческое, вашъ долгъ работать для тѣхъ, кто униженъ и оскорбленъ. Тамъ нуждаются въ васъ, тамъ ждутъ васъ. Идите къ нимъ не какъ учителя, а какъ товарищи по борьбѣ; не руководить ими, а вдохновляться въ новой для васъ средѣ; не поучать, а впитывать въ себя стремленія массъ, ихъ предугадывать и формулировать. Возьмитесь за эту работу съ юношескимъ пыломъ и постарайтесь провести въ жизнь тѣ принципы, которые вы почерпнули у народа. Тогда, и только тогда, вы будете жить полной раціональной жизнью. Каждое ваше усиліе въ этомъ направленіи будетъ приносить обильные плоды; гармонія, установившаяся между вашими поступками и требованіями вашей совѣсти, пробудитъ въ васъ силы, о существованіи которыхъ вы и не подозрѣваете.

Борьба за истину, за справедливость, за равенство, въ средѣ народа — что можетъ быть возвышеннѣе?

IV.

Въ трехъ длинныхъ главахъ доказывалъ я молодымъ людямъ состоятельныхъ классовъ, что при диллемѣ, поставленной имъ жизнью, если они смѣлы и искренни, они придутъ въ ряды соціалистовъ и съ ними будутъ работать для соціальной революціи. Вѣдь эта истина такъ проста! А сколько предразсудковъ приходится разрушать, сколько софизмовъ и возраженій опровергать, говоря о ней съ молодыми людьми изъ буржуазіи!

Мнѣ легче будетъ имѣть дѣло съ вами, молодые люди изъ народа. Сама жизнь васъ заставитъ стать соціалистами, если вы хоть сколько-нибудь сознательно относитесь къ окружающему. Вѣдь современный соціализмъ созданъ народомъ. Мыслители изъ буржуазіи только изложили его въ научной формѣ и дали ему философское обоснованіе, но основные принципы соціализма — продуктъ коллективной мысли рабочаго народа. А раціональный соціализмъ Интернаціонала, составляющій нашу главную силу, развѣ онъ не былъ созданъ въ организаціяхъ рабочихъ самимъ народомъ? И писатели, содѣйствующіе его развитію, формулировали только идеи и стремленія, уже намѣченныя въ средѣ народа.

Принадлежать къ рабочему классу и не посвятить себя торжеству соціализма — это значитъ дѣйствовать противъ своихъ собственныхъ интересовъ, отрицать самую основу своего существованія и свою историческую миссію.

Помните ли вы то время, когда, еще ребенкомъ, въ холодный зимній день, вы бѣгали играть въ вашъ темный переулокъ? Морозъ пробиралъ васъ черезъ вашу старенькую одежду, и ноги мокли въ рваныхъ сапожкахъ. Уже тогда, видя издали упитанныхъ и богато одѣтыхъ дѣтей, вы прекрасно знали, что вы и ваши товарищи превосходите и умомъ, и энергіей, и сообразительностью, этихъ разодѣтыхъ малышей, свысока смотрящихъ на васъ. Но въ то время, какъ нужда заставляла васъ работать по двѣнадцати часовъ въ сутки въ грязной мастерской и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдя за равномѣрнымъ движеніемъ машинъ, вы сами превращались въ машины, — они, баловни судьбы, получали образованіе въ школахъ, въ гимназіяхъ, въ университетахъ. А теперь эти самыя дѣти, менѣе даровитыя, но болѣе образованныя, стали вашими хозяевами и будутъ наслаждаться всѣми благами жизни, всѣми плодами цивилизаціи. А вы? Что васъ ожидаетъ въ жизни?

Вы живете въ темной, сырой комнатѣ, въ которой ютятся пять, шесть человѣкъ; вы питаетесь исключительно хлѣбомъ, картофелемъ и какой-то черной жижицей, именуемой кофеемъ... И кромѣ заботы о томъ, чтобъ заплатить за черный хлѣбъ и за грязную конуру, есть ли у васъ время подумать о чемъ-либо другомъ?!

Неужели и вамъ придется влачить то жалкое существованіе, которое влачили ваши мать и отецъ въ теченіе тридцати-сорока лѣтъ! неужели и вамъ придется всю жизнь работать только для того, чтобъ доставить нѣсколькимъ избраннымъ возможность наслаждаться благосостояніемъ, наукой, искусствомъ, а самимъ вѣчно заботиться только о кускѣ хлѣба? неужели и вамъ придется отказаться отъ всего, что дѣлаетъ жизнь прекрасной, чтобъ предоставить всѣ преимущества горсти бездѣльниковъ? неужели и вамъ придется вѣчно работать до изнеможенія и знать лишь нужду и даже нищету въ періоды безработицы?..

Можетъ быть, вы смиритесь и, не видя возможности измѣнить свое положеніе, скажете: «Цѣлыя поколѣнія покорялись этой участи, и я, не имѣя силы протестовать, долженъ также покориться! Что же, буду работать, а тамъ посмотримъ!»

Пусть будетъ такъ! Жизнь сама васъ научитъ.

Придетъ день, когда наступитъ ужасный кризисъ, который убьетъ цѣлую отрасль промышленности, и тысячи рабочихъ останутся безъ заработка; семьи ихъ будутъ гибнуть отъ голода. Вы, конечно, всѣми силами будете бороться съ этимъ бѣдствіемъ. Но вскорѣ вы увидите, что ваша жена, вашъ ребенокъ, вашъ другъ изнемогаютъ отъ лишеній; таютъ на вашихъ глазахъ и, за недостаткомъ пищи и ухода, медленно чахнутъ и молча умираютъ въ своемъ темномъ углу. А жизнь, которой нѣтъ дѣла до этихъ жертвъ, кипитъ въ богатыхъ, залитыхъ солнцемъ кварталахъ большого города, принося волны наслажденія и веселья баловнямъ судьбы. Вы поймете тогда всю подлость современнаго строя, вы призадумаетесь надъ причинами кризисовъ и нищеты, вы постигнете весь ужасъ несправедливости, отдающей тысячи людей въ руки небольшого числа алчныхъ капиталистовъ, проводящихъ всю жизнь въ праздности. Вы согласитесь тогда,

что соціалисты правы, говоря о необходимости полнаго преобразованія основъ современнаго общества.

Когда хозяинъ уменьшитъ вашу заработную плату, не брезгуя этими грошами, чтобъ округлить свое состояніе, и вы будете протестовать, онъ вамъ надменно скажетъ:

— «Питайтесь воздухомъ, если не хотите работать за эту цѣну».

Вы поймете тогда, что вашъ хозяинъ не только хочетъ содрать съ васъ шкуру, но смотритъ на васъ, какъ на существа низшей расы, что онъ не довольствуется тѣмъ, что своими деньгами держитъ васъ въ когтяхъ, но и стремится сдѣлать изъ васъ раба во всѣхъ отношеніяхъ. Тогда, — или вы покоритесь, откажетесь отъ человѣческаго достоинства и молча будете переносить всякія оскорбленія; или же кровь броситься вамъ въ голову, вамъ станетъ противна ваша работа, вы возстанете и, получивъ расчетъ отъ хозяина, поймете, что правы соціалисты, когда говорятъ:

— «Возстань, возстань противъ экономическаго рабства, такъ какъ въ немъ источникъ всякаго рабства!»

Тогда вы придете въ ряды соціалистовъ и будете вмѣстѣ съ ними работать надъ уничтоженіемъ всякаго рабства: экономическаго, политическаго и соціальнаго.

Наступитъ день, когда вы узнаете о судьбѣ, постигшей молодую дѣвушку, горячо любимую вами за ея открытый, честный взглядъ, стройный станъ, оживленную рѣчь. Послѣ долгихъ лѣтъ голода и нищеты, она рѣшилась покинуть деревню и поѣхала въ городъ искать заработка; она знала, что борьба за существованіе тяжела, но надѣялась честно заработать кусокъ хлѣба. Въ городѣ за ней сталъ ухаживать состоятельный юноша, увлекъ ее своимъ краснорѣчіемъ, и она отдалась ему со всею страстью молодой чистой души. Черезъ годъ бѣдная дѣвушка была брошена, съ ребенкомъ на рукахъ. Она не упала духомъ, продолжала бороться, но не вынесла нищеты и страданій и умерла въ больницѣ... Что же сдѣлаете вы тогда? Утѣшитесь пошлыми словами: «Она не первая, не послѣдняя», и пойдете съ товарищами въ ресторанъ, оскорбляя непристойными словами память несчастной дѣвушки? Или же возмутитесь до глубины души, постараетесь найти мерзавца-соблазнителя и отомстить ему за его преступленіе? Но во всякомъ случаѣ, вы призадумаетесь надъ причинами подобныхъ фактовъ, ежедневно повторяющихся, и поймете, что изъ этого положенія *нѣтъ выхода*, пока общество раздѣлено на угнетенныхъ тружениковъ и праздныхъ жуировъ со скотскими наклонностями. Вы поймете, что необходимо уничтожить эту пропасть, и придете въ ряды соціалистовъ.

А вы, женщины изъ народа, можете ли вы быть равнодушными къ подобнымъ исторіямъ? Лаская бѣлокурую головку, нѣжно прильнувшаго къ вамъ ребенка, не задумываетесь ли вы надъ участью, ожидающей его при современномъ соціальномъ строѣ? Хотите ли вы, чтобъ ваши сыновья прозябали подобно тому, какъ прозябалъ вашъ отецъ, всю жизнь думая о кускѣ хлѣба, не имѣя другихъ радостей, какъ посѣщеніе кабака?

Хотите ли вы, чтобъ вашъ мужъ и вашъ сынъ оставались во власти перваго встрѣчнаго, получившаго отъ отца капиталъ для эксплоатаціи? Согласны ли вы, чтобъ они оставались пушечнымъ мясомъ, рабами капиталистовъ, навозомъ, удобряющимъ поля богачей?

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! я знаю, какъ вы возмущались, когда ваши мужья, смѣло начавши забастовку, покорно приняли унизительныя условія, предложенныя имъ надменнымъ тономъ толстымъ буржуа! Я знаю, какъ вы восторгались женщинами-испанками, идущими во время народныхъ возстаній въ первыхъ рядахъ подставлять свою грудь подъ штыки солдатъ! Съ какимъ уваженіемъ, съ какой гордостью вы произносите имя женщины, стрѣлявшей въ деспота, посмѣвшаго оскорбить соціалиста, содержавшагося въ тюрьмѣ. Я знаю, съ какимъ трепетомъ вы читали о храбрости женщинъ, стоявшихъ подъ градомъ пуль на улицахъ Парижа, вдохновляя мужей своихъ на героическіе подвиги.

Зная все это, я увѣренъ, что и вы, современныя женщины, примкнете къ тѣмъ, кто работаетъ надъ завоеваніемъ лучшаго будущаго.

Всѣ вы, честные молодые люди, крестьяне, рабочіе, чиновники, солдаты, вы поймете ваши права и придете къ намъ. Вы придете помогать вашимъ братьямъ пролагать путь революціи, которая уничтожитъ рабство, разрушитъ старыя традиціи, откроетъ человѣчеству новые горизонты, дастъ истинную свободу, истинное равенство, трудъ для всѣхъ, всеобщее пользованіе плодами своихъ трудовъ и счастливую раціональную жизнь!

Тогда намъ не скажутъ, что мы маленькая горсточка, не имѣющая силъ достигнуть намѣченной нами цѣли.

Сдѣлаемъ подсчетъ и узнаемъ, сколько насъ, жертвъ несправедливости. Крестьяне... Насъ, работающихъ на другихъ, довольствующихся овсомъ, предоставляя пшеницу хозяину, цѣлые милліоны; мы составляемъ большую часть человѣчества. Рабочіе... насъ, ходящихъ въ лохмотьяхъ, изготовляя шелка и бархатъ для богачей, тоже немало: когда свистки заводовъ и фабрикъ предоставляютъ намъ кратковременный отдыхъ, мы, какъ бушующее море, заливаемъ улицы и площади большихъ городовъ.

Страждущіе и угнетенные, мы грозная сила, — океанъ, способный все поглотить. Стоитъ намъ захотѣть, и мы въ одинъ мигъ завоюемъ счастье всего человѣчества.

Война.

Современная Европа представляетъ собою крайне печальное и назидательное зрѣлище. Съ одной стороны, царитъ вѣчная сутолока дипломатовъ и маклеровъ, увеличивающаяся съ головокружительной быстротой, какъ только почуется запахъ пороха на старомъ континентѣ. Заключаютъ, расторгаютъ союзы; какъ скотомъ, торгуютъ людьми, чтобъ обезпечить себѣ союзниковъ. «Столько-то милліоновъ

головъ гарантируемъ мы вамъ, столько-то десятинъ пастбищъ, такіе-то порта для вывоза шерсти», говорятъ они, искусно обманывая другъ друга въ этой куплѣ и продажѣ. Вотъ что называется дипломатіей на ихъ политическомъ жаргонѣ.

Съ другой стороны, вооруженіе растетъ безъ конца. Каждый день намъ приноситъ новые усовершенствованные способы истребленія себѣ подобныхъ, новые расходы, новые займы, новые налоги. Кричать о патріотизмѣ, распространять шовинизмъ, разжигать вражду между народами стало самымъ выгоднымъ занятіемъ политики и журналистики. Не щадятъ даже дѣтства: наряжаютъ ребятишекъ солдатами, даютъ имъ оружіе и вселяютъ ненависть къ пруссаку, англичанину, итальянцу. Внушаютъ слѣпое повиновеніе существующему правительству, будь оно черное, бѣлое или синее. Когда же этимъ дѣтямъ минетъ двадцать одинъ годъ, ихъ, какъ вьючныхъ животныхъ, нагрузятъ патронами, провіантомъ, утварью, дадутъ въ руки ружье и заставятъ маршировать подъ звуки трубъ. Они будутъ по первому приказанію убивать другъ друга, душить, какъ дикіе звѣри, никогда не спрашивая себя, къ чему, съ какою цѣлью? Будутъ ли передъ ними голодные бѣдняки нѣмцы, итальянцы или даже собственные братья, доведенные до возстанія нуждой и голодомъ — раздалось приказаніе, прозвучали трубы — надо убивать!

Вотъ къ чему сводится вся мудрость нашихъ правителей! Вотъ что они способны дать намъ, въ то время, какъ угнетенные труженики всѣхъ странъ протягиваютъ другъ другу руки черезъ границы!

«А! вы не хотѣли соціализма, — такъ у васъ будетъ война, война, продолжающаяся тридцать, пятьдесятъ лѣтъ!» — говорилъ Герценъ послѣ 1848 года. Его предсказаніе сбылось; если громъ пушекъ и умолкаетъ на время, то вскорѣ онъ раздается съ новою силой въ другомъ мѣстѣ. Европейская война — всеобщая схватка всѣхъ народовъ — угрожаетъ намъ вотъ уже десять лѣтъ, и никто не знаетъ, за что придется драться, съ кѣмъ, съ какою цѣлью, во имя какихъ принциповъ?

Въ прежнее время, если и бывали войны, то, по крайней мѣрѣ, знали, для чего идутъ на смерть. — «Такой-то царь обидѣлъ нашего, — отомстимъ ему, истребимъ его подданныхъ!» — «Такой-то императоръ хочетъ отнять у нашего его провинціи — умремъ, но сохранимъ ихъ Его Величеству!»

Сражались изъ-за соперничества царей. Это было глупо, и цари не могли найти для войны больше нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.

Но теперь, чортъ знаетъ, во имя чего, цѣлые народы накидываются другъ на друга, какъ дикіе звѣри!

Съ царями не считаются больше въ вопросахъ о войнѣ. Викторія не обращаетъ вниманія на обиды, щедро расточаемыя ей во Франціи; чтобъ отомстить за нее, англичане не двинутъ пальцемъ; а, между тѣмъ, можете ли вы утверждать, что черезъ два года англичане и французы не передушатъ другъ друга за преобладаніе въ Египтѣ? — То же самое на Востокѣ... Какъ въ Россіи, такъ и въ Англіи, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи больше не сражаются для удовлетво-

ренія капризовъ королей. Теперь сражаются за неприкосновенность доходовъ, за ростъ капиталовъ всемогущихъ господъ Ротшильдовъ, Шнейдеровъ, за благосостояніе бароновъ капитализма и промышленности.

Соперничество королей замѣнилось соперничествомъ буржуазныхъ обществъ.

Правда, говорятъ еще о «политическомъ преобладаніи». Но переведите метафизическую сущность этого понятія на языкъ дѣйствительныхъ фактовъ, прослѣдите, какъ проявляется сейчасъ въ Германіи политическое преобладаніе, и вы увидите, что дѣло идетъ исключительно объ экономическомъ преобладаніи на международныхъ рынкахъ. Германія, Франція, Россія, Англія, Австрія стремятся сейчасъ не къ военному господству, а къ господству экономическому. Онѣ стараются завоевать себѣ право предписывать свои таможенные тарифы, навязывать свои товары, эксплоатировать народы, отставшіе въ промышленности; онѣ стремятся оставить за собой привилегію строить желѣзныя дороги въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и подъ этимъ предлогомъ становиться хозяевами рынковъ; наконецъ, онѣ хотятъ присвоить себѣ право отъ времени до времени отнимать у сосѣдей то портъ, для поднятія своей торговли, то провинцію, для сбыта излишка своихъ товаровъ.

Мы сражаемся теперь, чтобъ обезпечить нашимъ крупнымъ промышленникамъ тридцать процентовъ прибыли, баронамъ капитализма—господство на биржѣ, акціонерамъ рудниковъ и желѣзныхъ дорогъ—ежегодный доходъ въ сто тысячъ франковъ. Если-бы мы были болѣе или менѣе послѣдовательны, мы замѣтили-бы орловъ нашихъ знаменъ золотыми тельцами, старыя эмблемы—мѣшкомъ золота, названія нашихъ полковъ, заимствованныя нѣкогда у принцевъ крови,—именами принцевъ промышленности и капитализма: «третій Шнейдеръ», «двадцатый Ротшильдъ». Мы знали-бы, по крайней мѣрѣ, тогда, изъ-за чего мы убиваемъ другъ друга.

Открывать новые рынки, навязывать свои товары, хорошіе или дурные — вотъ что составляетъ основу современной политики, европейской и континентальной, вотъ настоящая причина войнъ девятнадцатаго вѣка.

Въ прошломъ столѣтіи Англія первая положила начало обширной промышленности и экспорту. Она притянула своихъ пролетаріевъ въ большіе города, обучила ихъ усовершенствованнымъ ремесламъ, неимовѣрно увеличила производство и сосредоточила въ своихъ магазинахъ цѣлыя горы предметовъ. Но эти товары не были предназначены тѣмъ голышамъ, которые ихъ производили. Получая ровно столько, чтобъ не умереть съ голода и размножаться,—что могли купить тѣ, которые всю жизнь ткали шерстяныя и льняныя матеріи? И англійскіе корабли, разсѣкая океанъ, шли искать покупателей на европейскій континентъ, въ Азію, Австрію, Америку, нигдѣ не находя себѣ конкурентовъ. Ужасная нищета царила въ городахъ, а фабриканты и купцы увеличивали съ каждымъ днемъ свои доходы. Богат-

ства, выманенныя за границей, сосредоточивались въ рукахъ немногихъ, а экономисты континента восхваляли англичанъ и приглашали своихъ соотечественниковъ слѣдовать ихъ примѣру.

Въ концѣ прошлаго вѣка Франція вступила на тотъ же путь. Она принялась за организацію обширнаго производства съ цѣлью экспорта. Революція, перемѣстивъ властью, притянувъ въ города деревенскихъ босяковъ и обогативъ буржуазію, дала новый толчекъ экономической эволюціи. Англійская буржуазія возмутилась этимъ гораздо сильнѣе, чѣмъ всѣми республиканскими декларацiями и кровью, пролитой въ Парижѣ; поддерживаемая аристократіей, она объявила войну французскимъ буржуа, которые грозили закрыть англійскимъ продуктамъ всѣ европейскіе рынки.

Исходъ этой войны намъ извѣстенъ. Франція была побѣждена, но она отвоевала себѣ мѣсто на международныхъ рынкахъ. Англійская и французская буржуазія заключили даже на время трогательный союзъ: онѣ признали другъ друга сестрами.

Производя для экспорта, Франція стремилась захватить всѣ рынки, не считаясь съ тѣмъ, что промышленный прогрессъ растетъ съ каждымъ днемъ, распространяясь съ Запада на Востокъ и завоевывая все новыя страны. Французская буржуазія ничѣмъ не брезгала, чтобъ увеличить свои доходы. Въ теченіе восемнадцати лѣтъ она была подъ сапогомъ Наполеона III и молчала въ надеждѣ, что этотъ узурпаторъ сумѣетъ подчинить всю Европу своимъ экономическимъ законамъ. Но когда она поняла, что онъ на это не способенъ, она возстала и отвергла его.

Нарождающаяся страна, Германія, ввела у себя тотъ же экономическій режимъ. Она обезлюдила свои деревни и собрала бѣдняковъ въ города, населеніе которыхъ въ нѣсколько лѣтъ удвоилось. Она принялась за обширное производство. Ея промышленность, вооруженная усовершенствованными орудіями, поддерживаемая наукой и техникой, начинаетъ вырабатывать цѣлыя груды продуктовъ, предназначенныхъ для экспорта и обогащенія господствующихъ классовъ. Капиталы накопляются и ищутъ выгодныхъ помѣщеній въ Азіи, въ Африкѣ, въ Турціи, въ Россіи. Берлинская биржа соперничаетъ съ парижской и хочетъ господствовать надъ ней.

Изъ нѣдръ нѣмецкой буржуазіи вырывается крикъ: объединимся подъ какимъ-бы то ни было знаменемъ, будь то даже прусское, и воспользуемся своей силой, чтобъ навязать сосѣдямъ свои продукты, свои тарифы, чтобъ завладѣть удобнымъ портомъ на Балтійскомъ или Адріатическомъ морѣ! Уничтожимъ военное могущество Франціи, которая двадцать лѣтъ тому назадъ угрожала подчинить всю Европу своимъ экономическимъ законамъ, угрожала продиктовать послѣдней свои торговые договоры.

Слѣдствіемъ этого явилась война 1870 года. Франція потеряла свое преобладаніе на рынкахъ; теперь Германія старается овладѣть имъ и съ неутомимой жаждой наживы стремится расширить свою эксплоатацію, не считаясь съ кризисами, крахами и нищетой, подрывающими ея экономическій строй. Берега Африки, нивы Кореи, равнины Польши, степи Россіи, покрытыя розами долины Болгаріи,— все возбуждаетъ алчность нѣмецкихъ буржуа.

И каждый разъ, какъ нѣмецкій негоціантъ видитъ невоздѣланныя долины, города съ незначительной промышленностью, мертвыя рѣки, сердце его обливается кровью, воображеніе рисуетъ ему заманчивыя картины: онъ представляетъ себѣ, сколько золота можно добыть, обработывая эти естественныя богатства, какъ легко поработить жителей этихъ мѣстностей силою капитала. Онъ клянется ввести «цивилизацію», т.-е. эксплоатацію на Востокѣ. Въ ожиданіи этого, онъ пробуетъ навязать свои товары, свои желѣзныя дороги Италіи, Австріи и Россіи.

Но эти государства въ свою очередь освобождаются отъ экономической опеки сосѣдей. Они входятъ понемногу въ кругъ «промышленныхъ» государствъ, и ихъ молодая буржуазія не откажется отъ экспорта, чтобъ увеличить свои доходы. Въ нѣсколько лѣтъ Россія и Италія сдѣлали поразительные успѣхи въ развитіи промышленности.

Крестьяне, доведены до самой ужасной нищеты, не въ состояніи ничего покупать, и потому русскіе, австрійскіе и итальянскіе фабриканты производятъ для экспорта. Имъ тоже нужны рынки, и такъ какъ европейскіе заняты, они набрасываются на Азію и Африку, ежеминутно готовые дойти до драки, когда приходится дѣлить большіе барыши.

Какой союзъ можетъ существовать при современномъ положеніи, созданномъ тѣмъ характеромъ промышленности, который придали ей ея организаторы? Союзъ Германіи и Россіи—дѣло приличія. Императоры могутъ лобызаться, но нарождающаяся буржуазія Россіи не перестаетъ ненавидѣть отъ всей души нѣмецкую буржуазію, которая ей платитъ тѣмъ же. Вспомните крикъ бѣшенства, поднятый всей нѣмецкой прессой, когда русское правительство увеличило на одну треть свои ввозныя пошлины.

«Война съ Россіей», говорятъ нѣмецкіе буржуа и сочувствующіе имъ рабочіе, «была-бы у насъ гораздо популярнѣе, чѣмъ война 1870 года!»

А пресловутый союзъ между Германіей и Австріей, развѣ онъ начертанъ не на пескѣ? Далеки-ли эти державы, вѣрнѣе, ихъ буржуазія, отъ серьезнаго конфликта по поводу тарифовъ? Даже близнецы, Австріи и Венгріи, готовы каждую минуту объявить другъ другу войну изъ-за тарифовъ, такъ какъ ихъ интересы при эксплоатаціи южныхъ славянъ діаметрально противоположны. Да и сама Франція страдаетъ не мало отъ разногласій по тарифному вопросу.

Вы не хотѣли соціализма, такъ у васъ будетъ война. Война продолжится тридцать лѣтъ, если новая революція не положитъ конца этому безсмысленному и гнусному положенію. Но замѣтьте: третейскій судъ, политическое равновѣсіе, отмѣна постоянныхъ войскъ, разоруженіе—все это красивыя мечты, не имѣющія никакого практическаго значенія. Только революція, которая пересоздастъ весь промышленный строй и сосредоточитъ въ рукахъ производителей обще-

ственныя богатства, орудія и машины, положитъ конецъ этимъ войнамъ изъ-за рынковъ.

Трудъ каждаго для всѣхъ и всѣхъ для каждаго—вотъ единственное средство, способное принести миръ всѣмъ націямъ. Человѣчество не въ силахъ болѣе переносить гнета господствующихъ классовъ, завладѣвшихъ всѣмъ общественнымъ достояніемъ; оно настоятельно требуетъ полнаго преобразованія всего соціальнаго строя.

Революціонное меньшинство.

— «Все, что вы проповѣдуете, вполнѣ справедливо», говорятъ наши противники.—«Вашъ идеалъ анархическаго коммунизма прекраснъ, и его осуществленіе принесло-бы человѣчеству миръ и благоденствіе. Но много-ли тѣхъ, которые къ нему стремятся, которые его понимаютъ и готовы самоотверженно работать надъ его проведеніемъ въ жизнь! Вы составляете незначительное меньшинство, разсѣянное тамъ и сямъ, слабыя группы, затерянныя среди индифферентной массы, а вашъ врагъ силенъ, хорошо организованъ и вооруженъ капиталомъ, образованіемъ и арміей. Борьба, предпринятая вами, превышаетъ ваши силы».

Вотъ возраженіе, которое намъ представляютъ наши противники и даже нѣкоторые наши друзья. Разсмотримъ, насколько справедливо это возраженіе.

Что наши анархическія группы составляютъ меньшинство въ сравненіи съ десятками милліоновъ, населяющихъ Францію, Испанію, Италію и Германію—совершенно вѣрно. Но что же изъ этого?

Представители нарождающихся идей всегда составляли меньшинство. Весьма возможно, что мы, какъ организація, останемся этимъ меньшинствомъ до самаго дня грядущей революціи. Но развѣ это аргументъ противъ насъ?—Въ наше время оппортунисты составляютъ большинство, не стать же намъ изъ-за этого оппортунистами? До 1790 года большинство составляли роялисты и конституціоналисты: неужели республиканцы той эпохи должны были изъ-за этого отказаться отъ своихъ республиканскихъ идей и стать роялистами, когда вся Франція шла большими шагами къ уничтоженію королевской власти?

Дѣло не въ томъ, что мы составляемъ меньшинство. Это не важно. Успѣхъ будетъ на нашей сторонѣ, если только наши идеи анархическаго коммунизма соотвѣтствуютъ современной эволюціи человѣчества. На нашъ взглядъ относительно этого не можетъ быть сомнѣній. Человѣчество стремится не къ усиленію власти, а къ освобожденію личности, къ свободѣ производителя и потребителя, къ Коммунѣ, къ свободнымъ союзамъ; оно возстаетъ противъ частной собственности и мечтаетъ о коллективномъ производствѣ и потребленіи всѣхъ товаровъ всѣми членами Коммуны. Въ большихъ городахъ коммунизмъ не страшитъ уже никого, особенно анархическій коммунизмъ. Въ деревняхъ эволюція происходитъ въ томъ же направленіи. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, поставленныхъ въ особыя условія, вездѣ крестьяне начинаютъ понимать преимущество обществен-

ныхъ работъ и пріобрѣтаютъ орудія и машины для всеобщаго пользованія. Вотъ почему каждый разъ, какъ мы излагаемъ трудящимся массамъ свои идеи, каждый разъ какъ мы говоримъ имъ простымъ понятнымъ языкомъ о соціальномъ переворотѣ, онѣ встрѣчаютъ насъ сочувственной, какъ въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, такъ и въ деревняхъ.

И возможно ли, это было иначе? Если анархія и коммунизмъ были-бы продуктами научныхъ изслѣдованій и философскихъ размышленій, то, быть можетъ, они не нашли-бы себѣ отклика. Но эти два принципа возникли въ средѣ народа. Они являются выразителями того, что думаютъ и говорятъ рабочіе и крестьяне, когда, забывъ на время свою обыденную жизнь, они мечтаютъ о лучшемъ будущемъ. Эти принципы являются плодами медленной эволюціи, происшедшей за послѣднее столѣтіе. Народъ надѣется, что они принесутъ міру справедливость, единеніе и братство. Онъ радостно привѣтствуетъ каждаго, излагающаго въ понятной формѣ эти идеи, зародившіяся въ его средѣ.

Въ этомъ сочувствіи народа и заключается настоящая сила анархическаго коммунизма; число же активныхъ сторонниковъ, сгруппированныхъ и организованныхъ, достаточно самоотверженныхъ, чтобъ пренебречь опасностями борьбы и преодолѣть всѣ возникающія препятствія, играетъ второстепенную роль. Число это растетъ съ каждымъ днемъ, и мы надѣемся, что въ рѣшительный моментъ оно изъ меньшинства станетъ большинствомъ.

Исторія своимъ прошлымъ подтверждаетъ намъ это. Тѣ, которые составляли меньшинство наканунѣ революціи, становились преобладающей силой въ день ея наступленія; если они являлись выразителями стремленій народа, а революція была достаточно продолжительна, чтобъ пустить корни и дать плоды. Разрушить современный строй и создать общество, основанное на принципахъ анархическаго коммунизма, невозможно въ два-три дня. Кратковременный взрывъ можетъ свергнуть одно правительство, чтобъ поставить на его мѣсто другое, замѣнить Наполеона какимъ-нибудь Жюль Фавромъ, но онъ не въ силахъ переродить основныхъ устоевъ общества. Чтобъ совершить предполагаемый нами переворотъ, измѣнить современные способы группировки людей и уничтожить частную собственность,—необходимы три-четыре года непрерывныхъ возстаній. Въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1788 по 1793 г., Франція боролась съ режимомъ феодальнаго землевладѣнія и съ могуществомъ королевской власти. Не меньше чѣмъ въ три-четыре года можно будетъ сразить буржуазный феодализмъ и могущество европейской плутократіи.

Въ этотъ періодъ усиленнаго возбужденія, когда мысль работаетъ съ неимовѣрной быстротой, когда всѣ, какъ въ большихъ городахъ, такъ и въ глухой деревнѣ, принимаютъ участіе въ общемъ дѣлѣ, анархическія идеи, посѣянныя уже существующими группами, пустятъ корни и принесутъ плоды. Въ такіе моменты даже люди, индифферентные ко всему становятся ярыми защитниками новыхъ принциповъ.

Таковъ былъ всегда ходъ новыхъ идей: великая французская революція подтверждаетъ намъ это.

Французская революція, конечно, была не такъ глубока, какъ та, которую мы предсказываемъ Европѣ. Она свергла аристократію, чтобъ поставить на ея мѣсто буржуазію. Она не коснулась режима частной собственности и укрѣпила эксплоатацію низшихъ классовъ буржуазіей. Но эта революція окончательно уничтожила рабство, уничтожила его съ оружіемъ въ рукахъ, а не писанными законами. Она открыла эру революцій, непрерывно слѣдующихъ одна за другой, все болѣе и болѣе приближающихся къ Соціальной Революціи. Она дала человѣчеству революціонный импульсъ, безъ котораго народы коснѣли бы до сихъ поръ въ рабствѣ. Она завѣщала міру цѣлый потокъ плодотворныхъ идей, пробудила духъ возстанія, дала французскому народу революціонное воспитаніе. Если въ 1871 году Франція дошла до Коммуны; если теперь она готова принять принципы анархическаго коммунизма, между тѣмъ, какъ другія націи пребываютъ еще въ періодѣ монархизма или конституціонализма (эти періоды были пройдены Франціей до 1848 года, или вѣрнѣе до 1879), то это несомнѣнно объясняется тѣмъ, что въ концѣ прошлаго вѣка она пережила четыре года великой революціи.

Вспомните, какую печальную картину представляла собою Франція за нѣсколько лѣтъ до революціи и какъ безсильно было то меньшинство, которое мечтало объ уничтоженіи королевской власти и феодализма.

Крестьяне были погружены въ самую ужасную нищету и невѣжество. Затерянные въ глухихъ деревняхъ, не имѣющихъ между собой правильнаго сообщенія, не зная, что дѣлается за двадцать верстъ отъ нихъ, задыхавшіеся подъ тяжестью труда и лишеній, эти несчастныя существа, казалось, были обречены на вѣчное рабство. Малѣйшее возстаніе подавлялось вооруженной силой: солдаты разстрѣливали беззащитный народъ и вели на висѣлицу его предводителей. Попадались иногда въ деревняхъ агитаторы, проповѣдующіе народу ненависть къ его угнетателямъ, стремившіеся пробудить въ немъ надежду и жажду свободы. Смѣльчаковъ, рѣшавшихся слушать ихъ, было мало. Крестьяне не смѣли даже просить хлѣба и уменьшенія налоговъ.

Что касается буржуазіи, то она поражала своей трусостью. Изрѣдка попадались въ ея средѣ революціонеры, заявившіе правительству свой протестъ. Но большая часть буржуазіи гнула спину передъ королемъ и придворными, передъ знатью, передъ слугами аристократовъ. Самой гнусной подлостью, самой ужасной низостью дышатъ ея слова и поступки до 1789 года,—что-бы такъ ни говорили Луи Бланъ и другіе защитники этой буржуазіи. Глубокимъ отчаяніемъ проникнуты слова революціонеровъ той эпохи. Какъ правъ Камилль Демуленъ, говоря: «Насъ, республиканцевъ, было въ Парижѣ до 1789 года едва двѣнадцать человѣкъ»...

И какое глубокое перерожденіе произошло за какіе-нибудь три-четыре года. Какъ только власть короля была поколеблена, угнетенный народъ поднялся. Весь 1788 годъ прошелъ въ непрерывныхъ, частичныхъ возстаніяхъ крестьянъ. Подобно стачкамъ нашего времени, они вспыхивали тамъ и сямъ на территоріи Франціи, захватывая все большія и большія пространства, становясь все продолжительнѣе и ожесточеннѣе.

За два года до революціи, народъ униженно просилъ уменьшенія податей (какъ теперь онъ проситъ увеличенія заработной платы). Въ 1789 году онъ ищетъ свободы и хочетъ свергнуть иго аристократіи, духовенства и частныхъ собственниковъ—буржуа. Какъ только народъ замѣтилъ, что правительство больше не въ силахъ подавлять мятежи, онъ возсталъ противъ своихъ враговъ. Его предводители идутъ поджигать дворцы аристократовъ, между тѣмъ какъ еще покорная и трусливая толпа ждетъ, пока пламя пожара охватитъ холмы и освѣтитъ облака, чтобъ вздернуть сборщиковъ податей на тѣ висѣлицы, на которыхъ погибли провозвѣстники революціи. Войска отсутствуютъ; они заняты въ другомъ мѣстѣ. Возстаніе идетъ отъ хижины къ хижинѣ, изъ деревни въ деревню, и скоро юль-Франціи пылаетъ огнемъ. Будущіе революціонеры изъ буржуазіи гнуть еще спину передъ королемъ, будущіе герои революціи пытаются подавить возстаніе незначительными уступками. Но города и деревни требуютъ свободы и предъявляютъ свои права, не дожидаясь созванія Генеральныхъ Штатовъ и зажигательныхъ рѣчей Мирабо. Сотни мятежей (Тэнъ ихъ насчитываетъ болѣе трехсотъ) вспыхиваютъ въ деревняхъ и подготовляютъ тотъ день, когда парижане, вооруженные пиками и нѣсколькими пушками, овладѣваютъ Бастиліей.

Если-бы революція разразилась только въ Парижѣ, если-бы это была парламентская революція, ее можно было-бы залить потоками крови. Тогда контръ-революціонеры, высоко поднявъ бѣлое знамя, толпами ходили-бы изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, избивая крестьянъ и санкюлотовъ. Но, къ счастью, революція сразу приняла другой характеръ. Она вспыхнула почти одновременно въ тысячѣ мѣстъ. Революціонное меньшинство, черпая силы въ правотѣ своихъ стремленій и въ безмолвномъ сочувствіи народа, побѣдоносно шло изъ деревень, селъ и городовъ всей Франціи взять Бастилію, королевскій дворецъ и городскую думу. Оно терроризировало аристократію и крупную буржуазію и увлекало за собой народъ, который гордо шелъ уничтожать привилегіи и завоевывать свою свободу, свои права.

Таковъ же будетъ путь наступающей революціи. Идеи анархическаго коммунизма проникнутъ въ сознаніе массъ и привлекутъ ихъ на свою сторону. Тогда меньшинство, поддерживаемое народомъ, подыметъ красное знамя возстанія. Вспыхнувъ почти одновременно во всѣхъ концахъ міра, препятствуя учрежденію какого-бы то ни было правительства, могущаго задержать ходъ событій, революція будетъ свирѣпствовать до тѣхъ поръ, пока не исполнитъ своей миссіи: уничтоженіе частной собственности и государства.

Въ этотъ день меньшинство станетъ большинствомъ. Народъ, не-

решагнувъ черезъ частную собственность и государство, придетъ къ анархическому коммунизму.

Порядокъ.

Насъ упрекаютъ часто въ томъ, что мы избрали своимъ девизомъ слово анархія, запугивающее трусливые умы. «Ваши идеи прекрасны», говорятъ намъ, «но согласитесь, что вашъ девизъ неудаченъ. Анархія—синонимъ безпорядка, хаоса. Это слово вызываетъ въ сознаніи представленіе о непрерывномъ столкновеніи интересовъ, о вѣчной борьбѣ, о полной невозможности установить гармонію».

Замѣтимъ прежде всего, что активная партія, партія новыхъ теченій, рѣдко имѣетъ возможность сама себѣ выбрать имя. Санкюлоты 1793 года не сами дали себѣ это прозвище. Оно было придумано врагами народной революціи. Но развѣ это прозвище не заключаетъ въ себѣ опредѣленной идеи—идеи возстанія изстрадавшагося народа противъ роялистовъ, этихъ такъ называемыхъ патріотовъ, и якобинцевъ, которые, какъ-бы ни поклонялись имъ историки-буржуа,—были настоящими врагами народа, ненавидѣли и презирали его за нищету за стремленіе къ равенству и свободѣ, за революціонные порывы.

То же самое можно сказать относительно слова нигилисты, которое такъ долго занимало вниманіе журналистовъ и служило темой для безконечныхъ каламбуровъ, пока не выяснилось, что нигилисты не изступленная религіозная секта, а настоящая революціонная сила. Употребленное впервые Тургеневымъ въ его романѣ «Отцы и дѣти», оно было подхвачено «отцами», которые мстили этимъ прозвищемъ своимъ непокорнымъ «дѣтямъ». Дѣти спокойно приняли его; когда же они замѣтили, что слово служитъ поводомъ къ серьезнымъ недоразумѣніямъ, избавиться отъ него было уже невозможно.

Пресса и общество не хотѣли величать другимъ именемъ русскихъ революціонеровъ. Да и нельзя сказать, чтобъ оно было неудачнымъ; оно заключаетъ въ себѣ вполнѣ опредѣленную идею. Оно выражаетъ отрицаніе всей современной цивилизаціи, основанной на господствѣ одного класса общества надъ другимъ, отрицаніе существующаго экономическаго строя, отрицаніе правительства и власти, отрицаніе буржуазной политики и морали, рутинной науки и искусства, способствующихъ эксплоатаціи, отрицаніе лицемѣрныхъ нравовъ и обычаевъ, завѣщанныхъ намъ прошлыми вѣками,—словомъ отрицаніе всего того, передъ чѣмъ благоговѣетъ буржуазная цивилизація.

Такъ это было и съ анархистами. Въ Интернаціоналѣ возникла партія, которая отрицала всякую власть въ Ассоціаціи и возставала противъ какого-бы то ни было авторитета; она называла себя въ началѣ партіей федералистовъ, а потомъ партіей анти-*государственниковъ* (anti-étatistes) или *противовластниковъ* (anti-autoritaires). В то время она избѣгала названія анархической. Слово *ан-архія* (такъ писали тогда это слово), казалось, сближало эту партію съ послѣдова-

телями Прудона, съ идеями экономической реформы котораго сражался тогда Интернаціоналъ. Противники ея намѣренно употребляли названіе анархистовъ, позволяющее имъ доказывать, что представители этой партіи стремятся водворить повсюду безпорядокъ и хаосъ, никогда не задумываясь надъ послѣдствіями своихъ теорій.

Анархисты приняли все же это названіе. Они настаивали сначала, чтобъ писали ан-архія, говоря, что это слово, написанное такъ, означаетъ по-гречески отсутствіе власти, а не безпорядокъ. Но потомъ они перестали обращать на это вниманіе и сами называли себя анархистами.

Вотъ что говорилъ объ анархистахъ англійскій философъ Бентамъ въ 1816 году:—«Философъ, стремящійся къ преобразованію какого-нибудь закона, никогда не призываетъ къ возстанію противъ него. Анархистъ поступаетъ иначе. Онъ отрицаетъ самое существованіе закона и убѣждаетъ своихъ послѣдователей не признавать его и противиться его исполненію». Теперь же мы скажемъ, что анархистъ отрицаетъ не только всѣ существующіе законы, но и всякую возможность власти и авторитета. Онъ начинаетъ съ того, что возстаетъ противъ какой-бы то ни было власти, противъ какого-бы то ни было авторитета.

Анархизмъ, говорятъ намъ, отрицаетъ порядокъ, исходя изъ понятія о безпорядкѣ и хаосѣ.

О какомъ же *порядкѣ* тутъ рѣчь? О той ли гармоніи, о которой мечтаемъ мы, анархисты? о гармоніи, которая установится въ людскихъ отношеніяхъ, когда человѣчество не будетъ больше раздѣлено на два класса, изъ которыхъ одинъ приносится въ жертву другому? о гармоніи, которая возникнетъ изъ солидарности интересовъ, когда всѣ люди сплотятся въ одну семью, когда каждый будетъ работать для благоденствія всѣхъ и всѣ для благоденствія каждаго? Очевидно, нѣтъ! Тѣ, которые упрекаютъ анархію въ отрицаніи порядка, говорятъ не о гармоніи будущаго, а о порядкѣ, признаваемомъ современнымъ обществомъ. Посмотримъ же, что изъ себя представляетъ этотъ пресловутый порядокъ, къ разрушенію котораго стремится анархія.

Порядокъ, вѣрнѣе, то, что они называютъ порядкомъ, — это девять десятыхъ человѣчества, работающихъ для доставленія роскоши и наслажденія избраннымъ, для удовлетворенія самыхъ низкихъ страстей горсти бездѣльниковъ.

Порядокъ — это лишеніе девяти десятыхъ человѣчества всего того, что составляетъ необходимыя условія нормальной жизни, раціональнаго развитія умственныхъ способностей. Свести девять десятыхъ человѣчества на положеніе вьючныхъ скотовъ, живущихъ изо дня въ день, не смѣя даже думать о радостяхъ, доставляемыхъ человѣку наукой, искусствомъ и творчествомъ, — вотъ что называютъ они «порядкомъ!»

Ихъ порядокъ — это голодъ, нищета, ставшіе нормальными условіями жизни современнаго общества. — Это ирландскій крестьянинъ, умирающій отъ голода; это треть Россіи, погибающая отъ дифтерита и тифа, умирающая отъ неурожаевъ, когда цѣлые вагоны пшеницы

вывозятся за границу. Это народъ Италіи, вынужденный покидать свои роскошныя, плодоносныя поля и итти искать работы въ какомъ-нибудь тоннелѣ, рискуя каждую минуту быть задавленнымъ. Это земля, отнятая у крестьянина и отданная подъ пастбища, чтобъ разводить скотъ для стола богачей. Это заброшенныя, невоздѣланныя поля, въ то время, какъ у крестьянина нѣтъ клочка земли для обработки. Это женщина, продающая себя, чтобъ прокормить своихъ дѣтей; это ребенокъ, прикованный къ фабрикѣ и умирающій отъ истощенія; это рабочій, сведенный на положеніе машины. Это призракъ возставшаго рабочаго у порога богачей, призракъ возставшаго народа у порога правителей.

Ихъ порядокъ — это незначительное меньшинство, господствующее надъ большинствомъ и воспитывающее своихъ дѣтей такъ, чтобъ они сумѣли путемъ хитрости, разврата и избіеній удержать въ своихъ рукахъ власть и привилегіи.

Ихъ порядокъ — это непрерывная война человѣка съ человѣкомъ, ремесла съ ремесломъ, класса съ классомъ, націи съ націей. Это вѣчный громъ пушекъ, разореніе деревень, избіеніе цѣлыхъ поколѣній на поляхъ сраженья, уничтоженіе въ одинъ мигъ богатствъ, накопленныхъ цѣлыми вѣками тяжелаго труда.

Ихъ порядокъ — это рабство мысли, униженіе человѣка, укрощаемаго кнутомъ и оружіемъ. Это тысячи рудокоповъ, умирающихъ отъ скупости и безпечности хозяевъ, разстрѣливаемыхъ картечью и преслѣдуемыхъ штыками, какъ только они посмѣютъ поднять голову.

Ихъ порядокъ — это потопленіе въ крови парижской Коммуны. Это смерть тридцати тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, растерзанныхъ гранатами, разстрѣлянныхъ картечью, погребенныхъ подъ мостовыми Парижа...

Это удѣлъ русской молодежи, заключенной въ тюрьмы, погребенной въ снѣгахъ Сибири, умирающей отъ рукъ палача.

Вотъ что называется «порядкомъ!»

А что такое безпорядокъ, — вѣрнѣе, то, что они называютъ безпорядкомъ?

Безпорядокъ — это разрушеніе существующаго гнуснаго строя, это возстаніе народа, разрывающаго свои цѣпи, идущаго къ лучшему будущему. Это пробужденіе сознанія народа, это самое цѣнное, что есть въ исторіи человѣчества.

Это возмущеніе мысли наканунѣ революцій, это разрушеніе гипотезъ, санкціонированныхъ неподвижностью предыдущихъ вѣковъ; это расцвѣтъ цѣлаго потока новыхъ мыслей и смѣлыхъ открытій; это рѣшеніе научныхъ проблемъ.

Безпорядокъ — это уничтоженіе древняго рабства, уничтоженіе феодальнаго крѣпостничества, попытки къ уничтоженію экономическаго рабства.

Это возмущеніе противъ духовенства и помѣщиковъ, это возстаніе крестьянъ, сжигающихъ дворцы, чтобъ очистить мѣсто для хижинъ, идущихъ изъ темныхъ подваловъ занять себѣ мѣсто на солнцѣ. Это — Франція, уничтожающая королевскую власть и наносящая смертельный ударъ рабству по всей Западной Европѣ.

Это 1848 годъ, заставившій содрогнуться королей и провозгласившій права труда; это парижскій народъ, сражающійся за новую идею, умирающій на баррикадахъ, завѣщая человѣчеству идею свободной коммуны, указывая ему путь къ Соціальной Революціи.

Безпорядокъ — это эпохи непрерывной борьбы цѣлыхъ поколѣній за лучшее будущее человѣчества, за его освобожденіе отъ рабства. Это эпохи пробужденія народнаго генія, эпохи свободнаго творчества народа, гигантскихъ шаговъ впередъ, безъ которыхъ человѣкъ остался бы навсегда пресмыкающимся существомъ, подавленнымъ своей нищетой.

Безпорядокъ — это расцвѣтъ благородныхъ страстей и самоотверженныхъ порывовъ, это эпопея возвышенной любви къ человѣчеству!

Слово *анархія*, выражающее отрицаніе существующаго строя и пробуждающее воспоминаніе о самыхъ красивыхъ моментахъ жизни человѣчества, не соотвѣтствуетъ ли оно идеямъ анархистовъ? Не подходитъ ли оно къ названію партіи, стремящейся къ завоеванію лучшаго будущаго?

Коммуна.

I.

Когда мы говоримъ, что соціальная революція должна произойти путемъ основанія свободныхъ коммунъ, намъ возражаютъ, что мы обращаемся къ устарѣлой формѣ общественной жизни, которая отжила свой вѣкъ. А между тѣмъ, только вполнѣ независимыя и освобожденныя отъ опеки государства коммуны способны подготовить среду, необходимую для революціи и дать намъ возможность ее осуществить. «Но коммуна», — говорятъ намъ, — «организація устарѣлая. Стремясь уничтожить государство и поставить на его мѣсто свободныя коммуны, вы обращаете ваши взоры къ прошлому: вы хотите вернуть насъ къ среднимъ вѣкамъ, когда коммуны вели между собой безконечныя войны, и нарушить національное единство, установившееся послѣ многихъ вѣковъ тяжелой борьбы».

Разберемъ эти возраженія.

Начнемъ съ того, что будущая коммуна не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ она была въ средніе вѣка, не можетъ облечься въ формы, выработанныя 700-лѣтъ тому назадъ. Въ нашъ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, космополитической науки и изслѣдованій научныхъ истинъ, она неизбѣжно должна принять новую форму. Имѣя совершенно иную организацію, поставленная въ новыя условія, она приведетъ къ новымъ послѣдствіямъ.

Наши противники, защитники государства, забываютъ, что мы можемъ имъ сдѣлать то же возраженіе.

Государство столь же устарѣлая форма, какъ и коммуна. Но государство — это отрицаніе свободы, абсолютизмъ, произволъ, разореніе подданныхъ, казни и пытки, между тѣмъ какъ жизнь свободныхъ коммунъ и возстанія народовъ и коммунъ противъ государства составляютъ самыя красивыя страницы исторіи человѣчества. Обра-

щаясь къ прошлому, мы вспоминаемъ не вѣка Людовика XI, Людовика XV или Екатерины II, а эпохи свободныхъ коммунъ и республикъ Флоренціи, Тулузы и Лана, времена Аугсбурга и Нюренберга, Пскова и Новгорода.

Дѣло не въ томъ, чтобъ обмѣниваться пустыми словами и софизмами: надо изучить современное положеніе дѣлъ и дать себѣ отчетъ въ томъ, что можетъ дать будущая коммуна. Тѣмъ же, которые говорятъ: «коммуна — это средніе вѣка, мы не должны думать о ея возрожденіи», мы отмѣтимъ: «Государство — это безконечные вѣка гоненій и бѣдствій, и надъ нимъ произнесенъ смертный приговоръ!».

Между коммуной средневѣковой и той, которая установится въ скоромъ будущемъ, есть существенное различіе: между ними лежитъ цѣлая пропасть, вырытая семью вѣками эволюціи человѣчества. Разсмотримъ, въ чемъ это различіе.

Какова основная цѣль «союза», заключеннаго между собой жителями городовъ въ XII вѣкѣ? — Цѣль эта очень узка и опредѣленна. Она состоитъ въ томъ, чтобъ освободиться отъ гнета феодальныхъ владѣльцевъ. Всѣ жители города, купцы и ремесленники, объединяются и даютъ клятву, «не позволять кому бы то ни было обращаться съ собой, какъ съ рабами, и защищать другъ друга отъ всякаго произвола». Они организуются въ коммуны и съ оружіемъ въ рукахъ возстаютъ противъ своихъ прежнихъ господъ. «Коммуна», — говоритъ одинъ историкъ двѣнадцатаго вѣка, котораго цитируетъ Огюстэнъ Тіерри, — «слово новое, возмутительное, и вотъ, что оно означаетъ: оброчные должны платить деньги своимъ господамъ только разъ въ годъ; за всякій проступокъ они подвергаются штрафу, установленному закономъ; что же касается податей, налагаемыхъ на рабовъ, то отъ нихъ они совершенно освобождаются».

Коммуна среднихъ вѣковъ возставала противъ сеньёровъ, коммуна нашихъ дней возстаетъ противъ государства. Въ этомъ существенное различіе: государство, въ лицѣ короля, замѣтивъ, что коммуны стремятся къ полной независимости, посылало свои войска «наказывать», какъ говоритъ хроника, «всѣхъ смѣльчаковъ, которые ради осуществленія Коммуны, возставали противъ короны».

Коммуна будущаго не признаетъ надъ собой никакой власти; она войдетъ въ добровольное соглашеніе съ другими коммунами и будетъ считаться исключительно съ интересами федераціи.

Она знаетъ, что остановиться на полъ-пути нельзя: или Коммуна станетъ вполнѣ независимой, будетъ основывать какія ей угодно учрежденія, производить всѣ необходимыя реформы, или же она останется тѣмъ, чѣмъ была до сихъ поръ, отдѣленіемъ государства, связаннымъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, готовымъ каждую минуту вступить въ борьбу съ государствомъ, не имѣя никакой надежды на побѣду.

Коммуна знаетъ, что надо уничтожить государство и замѣнить его федераціей; въ этомъ смыслѣ она и будетъ дѣйствовать. Для достиженія этой цѣли у нея хватитъ силъ. Теперь уже не только мелкіе города, но и Парижъ,Ліонъ, Марсель, подымаютъ знамя возстанія; въ скоромъ будущемъ къ нимъ примкнутъ всѣ крупные цен-

тры. Это движеніе не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что происходило въ средніе вѣка.

Освобождаясь отъ ига феодальныхъ владѣльцевъ, освобождалась ли средневѣковая коммуна отъ гнета буржуазіи, которая путемъ торговли увеличила свои капиталы и пріобрѣла въ частную собственность крупныя владѣнія въ самомъ центрѣ городовъ? Нисколько!

Разрушивъ замки своихъ сеньёровъ, городскіе жители смотрѣли, какъ вырастали роскошные дворцы богатыхъ купцовъ и какъ эти послѣдніе стремились поработить ихъ силой своего капитала.

Исторія внутренней жизни коммунъ среднихъ вѣковъ, это — исторія ожесточенной борьбы бѣдняка съ богачемъ, борьбы, которая неизмѣнно приводила къ вмѣшательству короля. Видя, что аристократія растетъ съ каждымъ днемъ и подчиняетъ себѣ всѣ проявленія жизни Коммуны, народъ, освободившійся отъ гнета своихъ прежнихъ господъ и подпавшій подъ иго богачей, понялъ, что ему нечего ждать отъ Коммуны. Онъ покинулъ валы и ограды, воздвигнутые имъ для завоеванія свободы и ставшіе, благодаря индивидуалистическому режиму, путями къ новому рабству. Такъ какъ народу терять было нечего, онъ предоставилъ богачамъ самимъ защищать свои владѣнія, и они, конечно, были побѣждены; изнѣженные роскошью, разслабленные пороками, безъ поддержки народа, они должны были уступить требованіямъ герольдовъ короля и передать имъ ключи городовъ. Въ нѣкоторыхъ же коммунахъ богачи сами отперли ворота своихъ городовъ императорскимъ и королевскимъ арміямъ, чтобъ избѣгнуть народной мести, готовой обрушиться на нихъ.

Коммуна XIX вѣка поставитъ себѣ цѣлью уничтожить соціальное неравенство. Она постарается завладѣть всѣмъ общественнымъ капиталомъ и предоставитъ его тѣмъ, которые будутъ работать надъ улучшеніемъ благосостоянія всего общества. Она будетъ стремиться сломить силу капитала и предупреждать возможность возникновенія аристократіи, которая была причиной гибели коммунъ среднихъ вѣковъ. Возьметъ ли она въ союзники священника и монаха? Будетъ-ли она подражать предкамъ, которые, создавая Коммуну, учредили государство въ государствѣ и, уничтоживъ власть короля, создали въ коммунѣ ту же власть, забывая, что стѣны города не избавятъ этой власти отъ присущихъ ей недостатковъ? Будутъ ли пролетаріи нашего вѣка подражать флорентинцамъ, которые, уничтожая титулы или сохраняя ихъ, какъ клеймо, не препятствовали возникновенію новой аристократіи, аристократіи туго набитаго кошелька? Захотятъ ли они, подобно своимъ предшественникамъ, возсоздать ту іерархію власти, которую они только что низвергли? Будутъ ли они замѣнять однихъ людей другими, не касаясь самихъ учрежденій?

Конечно, нѣтъ! Коммуна XIX вѣка не повторитъ старыхъ ошибокъ. Она будетъ не только *коммуналистической, но и коммунистической.* Она произведетъ полный переворотъ какъ въ политикѣ, такъ, и въ вопросахъ производства и обмѣна. Коммуна будущаго не будетъ разрушать государства, чтобъ сейчасъ же возстановить его; она положитъ конецъ представительному правительству и не передастъ своихъ правъ случайно избраннымъ.

II.

Свергнувъ тяжелое иго своихъ господъ, попыталась ли Коммуна среднихъ вѣковъ нанести имъ окончательное пораженіе? помогла-ли она сельскому населенію, предоставила-ли ему свое оружіе, защитила ли тѣхъ несчастныхъ, на которыхъ гордо смотрѣла съ высоты своихъ стѣнъ? — Далеко нѣтъ! Руководимая чисто эгоистическимъ чувствомъ, средневѣковая Коммуна заперлась въ своихъ укрѣпленіяхъ. Сколько разъ она поднимала мосты и запирала ворота передъ рабами, тщетно пришедшими искать у нея спасенія; съ преступнымъ равнодушіемъ смотрѣла она, какъ ихъ истребляли на ея глазахъ. Гордая своей свободой, она не стремилась распространить ее на тѣхъ, которые изнемогали подъ тяжестью рабства. Цѣной этого рабства не одна коммуна получила свою независимость. Да и, собственно говоря, богатымъ буржуа было выгодно, чтобъ рабы были вѣчно прикрѣплены къ землѣ, не знали ни промышленности, ни торговли и были бы вынуждены обращаться къ городу за желѣзомъ, металлами и всѣми продуктами производства. Ремесленники пытались иногда протянуть руку рабамъ, но они были безсильны передъ буржуа, которые захватили власть, владѣли оружіемъ и платили наемнымъ войскамъ.

Теперь дѣло обстоитъ совершенно иначе. Парижская Коммуна, будь она побѣдительницей, не ограничилась бы тѣмъ, что дала бы себѣ болѣе или менѣе свободныя городскія учрежденія. Если бы парижскому пролетаріату удалось разорвать свои цѣпи, настала бы соціальная революція, которая изъ Парижа распространилась бы на всѣ сельскія коммуны. Парижская Коммуна въ моментъ самой отчаянной борьбы за свое существованіе не забыла бы крестьянина и кричала бы ему: «*Бери землю, всю землю!*» Она не ограничилась бы одними словами и, если бы это понадобилось, ея доблестные сыны съ оружіемъ въ рукахъ пошли бы въ отдаленныя деревни помогать крестьянину совершить свою революцію: изгнать скупщиковъ, завладѣть всей землей и передать ее тѣмъ, кто хочетъ и умѣетъ извлекать изъ нея урожаи. Коммуна среднихъ вѣковъ стремилась запереться въ своихъ стѣнахъ; Коммуна XIX вѣка стремится расшириться, стать всемірной. Она отказалась отъ привилегій данной коммуны во имя интересовъ и солидарности всего человѣчества.

Коммуна среднихъ вѣковъ могла до нѣкоторой степени изолировать себя отъ сосѣднихъ. Ея сношенія съ другими коммунами ограничивались заключеніемъ договоровъ для защиты правъ городовъ или для взаимнаго охраненія членовъ Коммуны во время ихъ дальнихъ путешествій. Лиги, заключенныя отдѣльными городами, какъ это было въ Ломбардіи, Испаніи и Бельгіи, были слишкомъ непрочны, вслѣдствіе разнородности интересовъ и различія привилегій; онѣ быстро распадались на отдѣльныя группы, или же гибли подъ давленіемъ сосѣднихъ государствъ.

Группы, которыя образуются теперь, не будутъ имѣть съ ними ничего общаго. Самая маленькая коммуна не просуществуетъ и недѣли безъ того, чтобъ не быть принужденной войти въ сношенія съ промышленными, торговыми и артистическими центрами; эти центры, въ свою очередь, почувствуютъ необходимость широко открыть свои

двери жителямъ сосѣднихъ деревень, окружающихъ коммунъ и отдаленныхъ городовъ.

Пустъ какой-нибудь крупный центръ провозгласитъ себя «коммуной», уничтожитъ у себя частную собственность и введетъ коммунизмъ, т.-е. коллективное пользованіе общественнымъ капиталомъ, орудіями и продуктами труда, и если этотъ городъ не будетъ окруженъ непріятельскими войсками, то по истеченіи нѣсколькихъ дней безконечные ряды подводъ устремятся на его рынки, и поставщики изъ отдаленныхъ портовъ будутъ присылать цѣлыя партіи сырого матеріала; продукты же производства этого города, удовлетворивъ потребностямъ его жителей, пойдутъ искать себѣ покупателей во всѣ концы свѣта. Иностранцы цѣлыми толпами устремятся въ этотъ городъ, будутъ восторгаться его порядками и разсказывать у себя дома о чудной жизни свободнаго города, гдѣ всѣ работаютъ, гдѣ нѣтъ ни бѣдныхъ, ни угнетенныхъ, гдѣ каждый пользуется плодами своего труда и никто не стремится захватить львиной доли. Отчужденности бояться нечего: если коммунисты Соединенныхъ Штатовъ и жалуются, то никакъ не на отчужденность, а на вмѣшательство сосѣдней буржуазіи въ ихъ дѣла.

Въ наше время торговля и обмѣнъ не только перешагнули черезъ искусственныя границы, но и разрушили стѣны средневѣковыхъ городовъ. Они установили ту связь, о которой нельзя было и думать въ средніе вѣка. Всѣ населенные пункты Западной Европы такъ тѣсно связаны между собой, что отчужденность стала невозможной. Не найдется ни одной деревни, будь она расположена даже на вершинѣ недоступной горы, которая не имѣла бы своего промышленнаго и торговаго центра, порвать съ которымъ она уже не можетъ.

Развитіе крупныхъ промышленныхъ центровъ имѣло еще большее значеніе.

И въ наше время личные интересы могутъ помѣшать объединенію двухъ сосѣднихъ коммунъ, возбудить между ними раздоры и вызвать ожесточенную борьбу. Но если эти причины и будутъ препятствовать союзу двухъ коммунъ, то онъ все же будетъ заключенъ, благодаря вмѣшательству крупныхъ центровъ. Часто встрѣчаются два мелкихъ сосѣднихъ городка, которые ничѣмъ между собой не связаны: ихъ рѣдкія сношенія приводятъ чаще къ столкновеніямъ, чѣмъ объединенію. Но оба они поддерживаютъ непрерывныя сношенія съ однимъ и тѣмъ же центромъ, безъ котораго они не могутъ существовать; какъ бы сильна ни была вражда между ними, ихъ принуждаетъ объединиться тотъ большой городъ, въ который они возятъ свои продукты и откуда получаютъ запасы. Каждый изъ нихъ долженъ будетъ примкнуть къ одной и той же федераціи, чтобъ поддерживать сношенія съ этимъ центромъ и группироваться вокругъ него.

Но этотъ центръ не будетъ имѣть значительнаго преобладанія надъ окружающими коммунами. Благодаря безконечному разнообразію нуждъ торговли и промышленности, всѣ населенныя мѣста имѣютъ по нѣсколько центровъ; по мѣрѣ развитія потребностей городовъ, они будутъ примыкать еще къ новымъ центрамъ, которые будутъ удовлетворять ихъ новымъ нуждамъ. Наши потребности такъ разнообразны и нарождаются съ такой быстротой, что скоро одна федерація не будетъ

въ состояніи ихъ удовлетворить. Коммуна почувствуетъ необходимость заключать новые союзы, основывать новыя федераціи. Состоя членомъ одной группы, завѣдующей доставленіемъ пищевыхъ продуктовъ, коммуна должна будетъ стать членомъ второй группы для пріобрѣтенія необходимыхъ предметовъ, напримѣръ, металловъ, потомъ третьей, четвертой для пріобрѣтенія матерій и произведеній искусства и т. д. Возьмите экономическій атласъ какой угодно страны, и вы увидите, что экономическихъ границъ не существуетъ: зоны производства и обмѣна различныхъ продуктовъ врѣзываются другъ въ друга, переплетаются и скрещиваются. Точно также федераціи коммунъ, если бы онѣ слѣдовали своему естественному развитію, стали-бы врѣзываться другъ въ друга, переплетаться и образовали-бы сѣть «единую и недѣлимую», несравненно болѣе компактную, чѣмъ современныя государства.

Тѣ, которые говорятъ, что коммуны, освободившись отъ опеки государства, будутъ постоянно сталкиваться, вести междуусобныя войны и уничтожать другъ друга, забываютъ, что теперь уже между отдѣльными мѣстностями установилась тѣсная связь, благодаря тяготѣнію къ центрамъ промышленности и торговли, непрерывнымъ сношеніемъ между ними и многочисленности этихъ центровъ. Они не даютъ себѣ отчета въ томъ, что представляли изъ себя средніе вѣка съ ихъ замкнутыми городами и караванами, медленно двигающимися по дорогамъ, охраняемымъ господами-разбойниками. Они забываютъ, что непрерывные потоки людей, товаровъ, писемъ, телеграммъ и идей циркулируютъ теперь между нашими городами, подобно водамъ неизсякаемыхъ рѣкъ; у нихъ нѣтъ яснаго представленія о различіи тѣхъ двухъ эпохъ, которыя они пытаются сравнивать.

Да и исторія говоритъ намъ, что федераціи стали самой насущной потребностью человѣчества. Какъ только государство будетъ дезорганизовано по той или другой причинѣ и правительственная машина потеряетъ свою силу, свободные союзы возникнутъ сами собой. Вспомните добровольныя федераціи вооруженной буржуазіи во времена великой революціи. Вспомните федераціи, возникшія въ Испаніи и отстоявшія независимость страны, когда государство было потрясено въ своихъ основахъ побѣдоносными арміями Наполеона. Какъ только государство теряетъ возможность насильственно поддерживать вынужденные союзы,—свободные союзы, соотвѣтствующіе естественнымъ потребностямъ, возникаютъ сами собой. Разрушьте государство, и на его развалинахъ вырастетъ федеративное общество; это будетъ общество дѣйствительно единое и недѣлимое, вполнѣ свободное и истинно солидарное въ силу своей свободы.

Но есть еще одно существенное различіе, которое упускаютъ изъ вида наши противники. Для буржуа среднихъ вѣковъ Коммуна была изолированнымъ государствомъ съ точно опредѣленными границами. Для насъ Коммуна уже не территоріальная агломерація; это скорѣе родовое понятіе, синонимъ группировки «равныхъ», не признающей ни границъ, ни стѣнъ. Соціальная Коммуна въ скоромъ будущемъ перестанетъ представлять собою нѣчто цѣлое и вполнѣ опредѣленное. Каждая группа Коммуны будетъ въ силу необходимости вступать въ сношенія съ тождественными ей группами другихъ коммунъ, заключать

съ ними союзы не менѣе прочные, во всякомъ случаѣ, чѣмъ союзы согражданъ и образуетъ Коммуну, основанную на общности интересовъ и имѣющую членовъ во всѣхъ городахъ и деревняхъ.

Каждый индивидуумъ найдетъ удовлетвореніе своимъ потребностямъ только тогда, когда онъ будетъ группироваться съ индивидуумами другихъ коммунъ, имѣющими тѣ же потребности.

Уже теперь съ каждымъ днемъ нарождаются новыя свободныя общества; которыя покрываютъ постепенно необъятное поле всей человѣческой дѣятельности. Не только для удовлетворенія своихъ научныхъ, литературныхъ или артистическихъ потребностей человѣкъ создаетъ общества. Не только для классовой борьбы заключаются теперь лиги.

Трудно найти хоть одну изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ отраслей человѣческой дѣятельности, которая не имѣла бы своимъ представителемъ свободнаго общества, организованнаго на добровольномъ соглашеніи; ихъ число растетъ съ каждымъ днемъ, завоевывая все болѣе и болѣе обширное поле дѣятельности, вплоть до тѣхъ отраслей, которыя раньше состояли исключительно въ вѣдѣніи самаго государства. Литература, искусство, наука, образованіе, торговля, промышленность, производство, развлеченія, гигіена, музеи, дальнія предпріятія, полярныя экспедиціи, даже защита территоріи, помощь раненымъ и суды... все служитъ источникомъ для проявленія частной иниціативы, облеченной въ формы свободнаго сообщества. Такова тенденція, такова отличительная черта второй половины XIX вѣка.

Эта тенденція, свободная въ своемъ развитіи, найдетъ новое обширное поле для примѣненія и послужитъ основой для общества будущаго. Соціальная Коммуна организуется путемъ свободной группировки, которая разрушитъ стѣны и уничтожитъ границы. Возникнутъ милліоны коммунъ, но не территоріальныхъ, а готовыхъ протянуть другъ другу руки черезъ рѣки, горные хребты, океаны и объединить въ одну единую и однородную семью «равныхъ» всѣхъ индивидуумовъ, разсѣянныхъ по различнымъ концамъ земного шара.

Парижская Коммуна.

18 марта 1871 года Парижъ возсталъ противъ ненавистнаго и всѣми презираемаго правительства и провозгласилъ себя свободнымъ и независимымъ.

Это низверженіе центральной власти произошло само собой, безъ ужасовъ, сопровождающихъ революціи: въ этотъ день не было ни одного выстрѣла, не было крови, пролитой на баррикадахъ. Правители исчезли при видѣ вооруженнаго народа на улицахъ; войска очистили городъ; сановники поспѣшили скрыться въ Версаль, унося съ собой все, что было возможно. Правительство испарилось, какъ гнилое болото, осушенное весеннимъ вѣтромъ, и девятнадцатаго Парижъ, не проливъ ни капли крови, былъ свободенъ отъ смрада, заражавшаго великій городъ.

Эта мирная революція открыла новую эру въ серіи революцій,

ведущихъ человѣчество отъ рабства къ свободѣ. Подъ именемъ Парижской Коммуны возникла новая идея, призванная стать исходнымъ пунктомъ всѣхъ будущихъ революцій.

Какъ всѣ великія идеи, она не была продуктомъ концепцій философа или ученаго: она создалась коллективной мыслью и работой цѣлаго народа. Эта идея была крайне неопредѣленна вначалѣ; даже тѣ, которые стремились привести ее въ исполненіе и посвятили ей свою жизнь, не понимали всего ея значенія. Они не отдавали себѣ отчета въ революціи, которую сами создавали; не понимали величія того новаго принципа, который стремились осуществить. Только въ послѣдующей работѣ мысли этотъ новый принципъ выяснился, опредѣлился и предсталъ во всей своей красотѣ и справедливости.

За пять, за шесть лѣтъ до Коммуны, въ эпоху усиленнаго развитія соціализма, передъ подготовителями будущей соціальной революціи предсталъ слѣдующій основной вопросъ: надо было найти способъ политической группировки обществъ. Наиболѣе соотвѣтствующій той великой экономической революціи, которой требуетъ отъ нашего поколѣнія существующій промышленный строй и которая приведетъ къ уничтоженію частной собственности и предоставленію во всеобщее пользованіе богатствъ, накопленныхъ предыдущими поколѣніями.

Интернаціональный Союзъ Трудящагося Народа далъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Группировка,—говоритъ онъ,—не можетъ ограничиться одной націей: она должна перешагнуть черезъ искусственныя границы. И вскорѣ эта великая идея охватила умы народовъ, овладѣла ихъ сердцами. Преслѣдуемая лигой всѣхъ реакцій, она не погибла; какъ только препятствія, мѣшающія ея развитію, падутъ по повелѣнію возставшихъ народовъ, она возродится, полная силы и могущества.

Но что будетъ представлять изъ себя подобная обширная ассоціація?

Двѣ могучихъ идеи отвѣтили на этотъ вопросъ: Народное Государство или Анархію.

Нѣмецкіе соціалисты говорятъ, что всѣ накопленныя богатства должны быть сосредоточены въ рукахъ государства, которое предоставитъ ихъ рабочимъ ассоціаціямъ, организуетъ производство и обмѣнъ и будетъ слѣдить за жизнью и работой общества.

На это болѣе опытные соціалисты латинской расы имъ возражаютъ, что подобное государство,—если-бы даже оно могло существовать,—было-бы самой ужасной изъ тираній. Этому идеалу, заимствованному изъ прошлаго, они противопоставляютъ новый идеалъ—анархію, т.-е. полное уничтоженіе государства и организацію, основанную на свободномъ союзѣ народныхъ силъ, на добровольномъ соглашеніи производителей и потребителей.

Многіе сторонники Народнаго Государства, наименѣе зараженные правительственными предразсудками, признаютъ въ Анархіи наиболѣе совершенную организацію; но анархическіе идеалы, по ихъ мнѣнію, такъ далеки отъ насъ, что намъ незачѣмъ ими заниматься. Съ другой стороны, анархической теоріи не доставало ясной и конкретной формулы, чтобъ опредѣлить свою исходную точку, оформить свои концепціи, доказать, что она опирается на стремленія самого народа. Союзъ ремесленныхъ корпорацій и потребительныхъ группъ, распространяю-

щійся за искусственныя границы, выходящій за предѣлы существующихъ государствъ, казался въ то время невозможнымъ. Кромѣ того, было ясно, что онъ не можетъ охватить всего разнообразія человѣческихъ проявленій. Надо было найти для анархіи болѣе ясную и доступную формулу.

Если-бы дѣло шло исключительно о выработкѣ теоретическихъ формулъ, мы-бы сказали: оставимъ всѣ теоріи! Но пока новая идея не получила яснаго и точнаго опредѣленія, она не овладѣваетъ умами, не вдохновляетъ на рѣшительную борьбу. Народъ боится неизвѣстности и не берется за дѣло, пока у него нѣтъ, какъ точки опоры, вполнѣ опредѣленной и ясно формулированной идеи.

Эту точку опоры указала ему сама жизнь.

Въ теченіе пяти мѣсяцевъ осады изолированный Парижъ узналъ какъ великъ избытокъ его экономическихъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ средствъ, какова сила его иниціативы. Онъ видѣлъ, что шайка болтуновъ, захватившая власть, неспособна организовать ни защиты Франціи отъ внѣшнихъ враговъ, ни ея внутренняго благоустройства. Онъ понялъ, что центральная власть препятствуетъ всякому свободному проявленію мысли и силъ великаго города, что правительство безсильно отражать удары и не можетъ облегчить эволюцію человѣчества. Во время осады онъ видѣлъ самую ужасную нищету, своихъ рабочихъ и защитниковъ наряду съ наглой роскошью правителей-бездѣльниковъ. Онъ понялъ, что центральная власть была причиной гибели всѣхъ его стремленій къ свободѣ, его попытокъ разрушить этотъ гнусный режимъ. Единственно возникла у него мысль преобразовать Парижъ въ независимую коммуну, способную осуществить все то, что продиктуетъ ей свободная мысль народа! Слово «Коммуна» вырвалось тогда изъ всѣхъ устъ.

Коммуна 1871 года—первая попытка. Рожденная на исходѣ войны, стиснутая двумя арміями, готовыми протянуть другъ другу руки, чтобъ раздавить народъ, она не посмѣла вступить на путь экономической революціи. Она не объявила себя открыто соціальной коммуной, не рѣшилась приступить къ экспропріаціи капиталовъ, къ организаціи труда. Она не порвала окончательно съ традиціями государства и представительнаго правительства, не постаралась осуществить въ Коммунѣ той организаціи, которую она представила себѣ, провозглашая независимость и свободную федерацію коммунъ. Если-бы Парижская Коммуна просуществовала еще нѣсколько мѣсяцевъ, естественный ходъ событій натолкнулъ-бы ее на путь экономической революціи. Потребовалось четыре года непрерывныхъ возстаній, чтобъ монархія стала буржуазной республикой; неудивительно, что парижскій народъ не сумѣлъ въ одинъ мигъ превратить государство грабителей въ анархическую коммуну. Будущая революція будетъ коммунистической и осуществитъ все то, чего не успѣла сдѣлать Парижская Коммуна.

Коммуна пала, и буржуазія мстила народу за страхъ, который онъ ей причинилъ своими попытками къ освобожденію.

Она доказала, что современное общество дѣйствительно раздѣлено на два класса; съ одной стороны рабочіе, отдающіе буржуазіи больше половины своего производства и легко прощающіе своимъ господамъ ихъ обиды; съ другой—бездѣльники съ инстинктами дикаго звѣря, ненавидящіе своихъ рабовъ и готовые ихъ растерзать за малѣйшую провинность.

Оцѣпивъ Парижъ войсками и закрывъ народу всѣ выходы, они напустили на него цѣлую армію солдатъ, озвѣрѣвшихъ отъ казармъ и вина и сказали имъ: «Убивайте этихъ волковъ, волчицъ и волчатъ!»

Народу же они сказали *):

— «Что бы ты ни дѣлалъ, ты погибнешь! Застанутъ тебя съ оружіемъ въ рукахъ,—смерть! Сложишь ты оружіе,—смерть! Будешь сопротивляться,—смерть! Будешь молить о пощадѣ,—смерть! Куда ты ни взглянешь: направо, налѣво, впередъ, назадъ, вверхъ, внизъ, всюду—смерть! Ты не только внѣ закона, ты внѣ человѣчества. Ни возрастъ, ни полъ не спасутъ ни тебя, ни твоихъ. Ты умрешь, но раньше ты насладишься агоніей своей жены, сестры, матери, дочерей, сыновей, младенцевъ, взятыхъ изъ колыбели! На твоихъ глазахъ будутъ вытаскивать раненыхъ изъ госпиталей, рубить ихъ шашками, добивать ружейными прикладами. Ты увидишь, какъ твоихъ братьевъ, обезумѣвшихъ отъ боли, будутъ тащить за сломанную ногу и окровавленную руку и бросать въ канавы, какъ кучу нечистотъ.

«Смерть! Смерть! Смерть!»

А послѣ дикихъ оргій и надругательствъ надъ грудами труповъ, послѣ массоваго истребленія—месть! месть самая мелочная и отвратительная: плети, кандалы, каторга, нищета, оскорбленія, голодъ и самыя утонченныя проявленія безумной жестокости!

Забудетъ-ли народъ всѣ эти ужасы?

«Подавленная, но не побѣжденная», Коммуна возрождается сегодня. Возрождается она, не какъ мечта побѣжденныхъ, ласкающихъ въ своемъ воображеніи красивый миражъ,—нѣтъ! Коммуна стала опредѣленной и близкой цѣлью наступающей революціи; эта идея проникла въ массы, стала ихъ лозунгомъ, объединила всѣ народы подъ однимъ знаменемъ.

Мы вѣримъ, что наше поколѣніе совершитъ *соціальную революцію въ Коммунѣ*, положитъ конецъ гнусной эксплоатаціи буржуазіей, освободитъ народы отъ опеки государства, откроетъ въ эволюціи человѣчества новую эру свободы, равенства и солидарности.

II.

Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ парижскій народъ, низвергнувъ правительство предателей, захватившихъ власть въ день паденія Имперіи, учредилъ Коммуну и провозгласилъ свою полную независимость **). И все же этотъ день остался самымъ свѣтлымъ въ воспоминаніи народа, все же къ нему обращены наши взоры и на-

*) Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris par Arthur Arnould.

**) Написано 17 марта 1881 года.

дежды. Годовщину 18 марта 1871 года предлагаютъ другъ другу торжественно праздновать пролетаріи Стараго и Новаго Свѣта. Завтра вечеромъ сотни тысячъ сердецъ будутъ биться въ унисонъ при воспоминаніи о смѣломъ возстаніи парижскаго пролетаріата; рабочіе Европы, Соединенныхъ Штатовъ и Южной Америки протянутъ другъ другу руки черезъ границы и океаны.

Идея, за которую французскій пролетаріатъ проливалъ кровь въ Парижѣ и долгіе годы страдалъ на берегахъ Новой Каледоніи,—одна изъ тѣхъ необъятныхъ революціонныхъ идей, которыя несутъ въ изгибахъ своего знамени всѣ стремленія народовъ, идущихъ къ освобожденію.

Конечно, если мы ограничимся разсмотрѣніемъ реальныхъ и осязательныхъ фактовъ, сопровождавшихъ Парижскую Коммуну, мы придемъ къ заключенію, что эта идея недостаточно обширна, что она охватила лишь минимальную часть революціонной программы. Но если мы проникнемся настроеніемъ, вдохновлявшимъ 17 марта народныя массы, если мы оцѣнимъ стремленія, пытавшіяся пробиться наружу и задавленныя грудами труповъ,—мы поймемъ все значеніе этого возстанія и раздѣлимъ симпатіи къ нему рабочихъ массъ всего міра. Коммуна привлекаетъ и вдохновляетъ не тѣмъ, что она сдѣлала, а тѣмъ, что она обѣщаетъ дать въ скоромъ будущемъ человѣчеству.

Откуда эта неодолимая сила движенія 1871 года, притягивающая къ себѣ симпатіи всѣхъ угнетенныхъ? Почему идея Парижской Коммуны такъ привлекательна для пролетаріевъ всѣхъ странъ, всѣхъ національностей?

Отвѣтъ очень простъ.—Революція 1871 года была народнымъ движеніемъ. Созданная самимъ народомъ, родившаяся внезапно въ его нѣдрахъ, она въ угнетенныхъ массахъ нашла своихъ защитниковъ, своихъ геровъ и мучениковъ. Этого характера «canaille» не проститъ ей никогда буржуазія. Основной идеей этой революціей,—еще не опредѣлившейся, но уже ясно намѣченной,—была идея соціальной революціи, пришедшей дать міру, послѣ многихъ вѣковъ борьбы, настоящую свободу, настоящее равенство.

Это была революція народа, идущаго завоевывать свои права.

Напрасно стараются исказить ея смыслъ и представить эту революцію, какъ простую попытку завоевать независимость Парижа и учредить такимъ образомъ. маленькое государство во Франціи. Парижъ никогда не стремился изолироваться, какъ не стремился подчинить себѣ оружіемъ остальной Франціи. Онъ не хотѣлъ укрыться въ своихъ стѣнахъ, какъ бенедиктинецъ въ монастырѣ, не вдохновлялся узкой замкнутой жизнью. Когда онъ требовалъ независимости, когда онъ стремился помѣшать вторженію въ свои дѣла какого-бы то ни было центральнаго правительства, онъ видѣлъ въ этомъ средство для совершенія соціальнаго переворота, для спокойной выработки основъ будущей организаціи. Онъ мечталъ о революціи, которая преобразуетъ современный режимъ производства и обмѣна, измѣнитъ людскія отношенія и создастъ общество, основанное на равенствѣ, справедливости и солидарности.

Независимость была только средствомъ въ глазахъ Парижа; цѣлью его была соціальная революція.

И онъ достигъ бы этой цѣли, если-бы революція 18 марта не была прервана въ своемъ бурномъ теченіи, если-бы парижскій народъ не былъ разстрѣлянъ картечью, изрубленъ шашками по приказанію версальскихъ убійцъ. Найти ясное, опредѣленное и доступное выраженіе для всего того, безъ чего не могла совершиться революція, было главною задачей Парижа съ перваго же дня освобожденія. Но великія идеи не созрѣваютъ въ одинъ день, какъ-бы усиленно ни работала мысль, какъ бы ускоренно ни вырабатывались и ни пропагандировались новыя идеи въ періоды революцій. Имъ нужно время, чтобъ развиться, проникнуть въ массы, перейти въ дѣйствія, а этого времени не было у Парижской Коммуны.

Рожденная въ переходное время, на рубежѣ двухъ періодовъ развитія современнаго соціализма, она не успѣла исполнить своей задачи. Что могъ дать свободнымъ мыслителямъ 1871 года признающій власть и правительство и даже религію коммунизмъ 1848 года? Гдѣ было найти парижанина, который согласился-бы запереться въ фаланстерскую казарму? Съ другой стороны, коллективизмъ, стремящійся впречь въ одну телѣгу заработную плату и коллективную собственность, оставался непонятымъ, мало привлекательнымъ и представлялъ непреодолимыя затрудненія при практическомъ примѣненіи. А свободный, анархическій коммунизмъ только что зарождался; онъ едва смѣлъ отражать нападки приверженцевъ правительства и власти.

Нерѣшительность царила въ умахъ, и соціалисты, не имѣя передъ собой опредѣленной цѣли, не смѣли приступить къ уничтоженію частной собственности. «Обезпечимъ себѣ побѣду, а тамъ посмотримъ что дѣлать», говорили они, успокаиваясь на этомъ шаблонномъ разсужденіи.

Обезпечить побѣду! Но развѣ можно основать свободную Коммуну, не коснувшись собственности! Развѣ можно побѣдить враговъ, пока народъ не заинтересованъ въ торжествѣ революціи, не увѣренъ, что она принесетъ человѣчеству матерьяльное, умственное и нравственное благосостояніе! Они пытались учредить Коммуну, откладывая на время соціальную революцію, когда единственнымъ средствомъ учрежденія Коммуны *является соціальная революція!*

Провозглашая Свободную Коммуну, парижскій народъ провозгласилъ принципъ преимущественно анархическій. Но, такъ какъ въ это время анархическія идеи не проникли еще въ сознаніе народа, онъ остановился на полъ-пути. Въ своей Коммунѣ онъ высказывался за старый принципъ власти и учредилъ Совѣтъ Коммуны, на подобіе Городской Думы.

Разъ мы признаемъ, что центральное правительство обсолютно не нужно для регулированія соотношеній между коммунами, неужели мы допустимъ его необходимость для регулированія взаимныхъ отношеній между группами, составляющими Коммуну! Разъ мы предоставля-

емъ свободной иниціативѣ коммунъ право входить въ соглашенія относительно предпріятій, касающихся нѣсколько коммунъ, неужели мы откажемъ въ этомъ правѣ группамъ, составляющимъ каждую коммуну? Правительство въ Коммунѣ не имѣетъ большаго raison d'être, чѣмъ правительство надъ Коммунной.

Въ 1871 году, парижскій народъ, низвергшій столько правительствъ, впервые возсталъ противъ самой правительственной системы; но онъ не сумѣлъ освободиться отъ правительственнаго фетишизма и тоже учредилъ у себя правительство. Мы знаемъ, каковы были послѣдствія. Онъ послалъ своихъ сыновъ въ Городскую Думу. Тамъ, вынужденные управлять, когда ихъ убѣжденія требовали работы совмѣстно съ народомъ вынужденные разсуждать, когда надо было дѣйствовать, они поняли всю безсмысленность своего положенія, все свое безсиліе. Утративъ вдохновеніе, вдали отъ народа, этого очага революціи, они въ свою очередь парализовали народную инціативу.

Зарожденная въ переходное время, въ періодъ глубокаго перерожденія соціализма, осуществленная на исходѣ войны, въ изолированномъ очагѣ, подъ громомъ пушекъ, Парижская Коммуна должна была погибнуть.

Но своимъ пролетарскимъ характеромъ и соціальными идеями, она положила начало новой эрѣ въ серіи революцій и была предвѣстницей Великой Соціальной Революціи. Массовыми избіеніями, неслыханными жестокостями, гнуснымъ издѣвательствомъ своихъ палачей надъ заключенными, буржуазія вырыла непроходимую пропасть между собой и пролетаріатомъ. Своей местью и оргіями каннибаловъ, она произнесла надъ собой смертный приговоръ. Теперь народъ знаетъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло; знаетъ, что его ожидаетъ, если во время будущей революціи онъ не одержитъ рѣшительной побѣды.

Когда Франція покроется сѣтью возставшихъ Коммунъ, народъ не изберетъ уже себѣ правительства и не будетъ ждать его приказаній. Изгнавъ всѣхъ паразитовъ, насѣвшихъ на него, онъ завладѣетъ общественными богатствами, и отдастъ ихъ во всеобщее пользованіе, согласно принципамъ анархическаго коммунизма. Онъ уничтожитъ частную собственность, правительство и государство и устроитъ свою жизнь на свободныхъ началахъ, продиктованныхъ ему силой необходимости. Разорвавъ цѣпи и разбивъ идолы, человѣчество откроетъ себѣ путь къ лучшему будущему. Въ своемъ гордомъ шествіи къ завоеванію свободы оно забудетъ, что были рабы и хозяева, и будетъ поклоняться только тѣмъ великимъ мученикамъ, которые своею кровью и страданіями положили начало его эмансипаціи.

Ш.

Празднества и публичныя собранія, организованныя въ память 18 марта во всѣхъ городахъ, гдѣ есть соціалистическія группы, заслуживаютъ вниманія, такъ какъ они ярко выражаютъ настроеніе соціалистовъ всего міра. Это праздники труда, праздники пролетарія. На этихъ митингахъ соціалисты высказываютъ свои новыя идеи и стремленія

и обсуждаютъ событія 1871 года. Они не ограничиваются тѣмъ, что восхваляютъ героизмъ парижскаго пролетаріата и призываютъ мстить виновникамъ майскихъ избіеній. Они стремятся доказать, что предразсудки о частной собственности и власти, царившіе въ то время въ пролетарскихъ организаціяхъ, помѣшали осуществленію Коммуны, не дали революціонной идеѣ развиться и освѣтить міръ своими живительными лучами.

1871 годъ послужилъ урокомъ для пролетаріевъ всѣхъ странъ. Они поняли, какова должна быть ихъ будущая революція и порвали со старыми предразсудками.

Будущее возстаніе коммунъ не будетъ уже простымъ *коммунистическимъ* движеніемъ. Народъ опередилъ тѣхъ, которые думаютъ, что надо учредить Коммуну и потомъ въ ней производить экономическія реформы. Онъ знаетъ, что только кореннымъ соціальнымъ переворотомъ и уничтоженіемъ частной собственности будущія коммуны обезпечатъ себѣ независимость.

Въ день торжества соціальной революціи, когда правители будутъ изгнаны, и буржуазія, поддерживаемая нынѣ государствомъ, потеряетъ свою силу—возставшій народъ не провозгласитъ уже новаго правительства и не будетъ ждать, чтобъ оно со свойственной ему мудростью, объявило экономическія реформы. Онъ уничтожитъ частную собственность насильственной экспропріаціей и завладѣетъ, во имя народа, всѣми общественными богатствами, добытыми тяжелымъ трудомъ предыдущихъ поколѣній. Онъ покинетъ свои сырые подвалы и переселится въ свѣтлые дома буржуевъ. Онъ немедленно примется за обработку естественныхъ богатствъ и постарается утилизировать цѣнности, накопленныя въ городахъ. Онъ самъ возьмется за производство и будетъ пользоваться общественнымъ капиталомъ такъ, какъ будто онъ никогда не былъ похищенъ у него буржуазіей. Когда капиталисты будутъ отстранены отъ промышленности, производство, уничтоживъ убивающія его спекуляціи, переродится и будетъ развиваться соотвѣтственно требованіямъ свободнаго труда.—«Никогда не пахали во Франціи такъ усердно, какъ въ 1793 году, когда земля была вырвана изъ рукъ сеньеровъ» говоритъ Мишле.—Никогда не работали такъ, какъ будутъ работать въ тотъ день, когда трудъ станетъ свободнымъ и успѣхъ каждаго рабочаго будетъ источникомъ благосостоянія для всей Коммуны.

Среди соціалистовъ существуютъ различные взгляды на общественную собственность. Школа коллективистовъ, замѣняя коллективизмъ стараго Интернаціонала доктринерскимъ коллективизмомъ, стремится установить различіе между капиталомъ, предназначеннымъ для производства, и капиталомъ, идущимъ на удовлетвореніе первыхъ нуждъ. Машины, мастерскія, сырой матеріалъ, пути сообщенія и земля съ одной стороны, жилища, мануфактурные продукты, одежда и съѣстные припасы съ другой. Первые должны быть коллективной собственностью, вторые—частной.

Но народъ, со свойственнымъ ему здравымъ смысломъ, убѣдился, что это различіе—кажущееся и что точно установить его невозможно. Онъ понялъ, что дома, укрывающіе насъ; уголь и газъ, сжигаемые нами; пища, поддерживающая нашу жизнь; одежда, защищающая насъ; книга, дающая намъ знанія, и даже развлеченія—являются необходимыми условіями нашего существованія. Они не менѣе способствуютъ успѣхамъ промышленности и прогрессивному развитію человѣчества, чѣмъ машины, сырой матеріалъ и другіе предметы производства. Народъ понялъ, что сохранить частную собственность на эти предметы, значило-бы сохранить неравенство, угнетеніе, эксплоатацію и заранѣе парализовать всѣ результаты частичной экспропріаціи. Перескочивъ черезъ препятствія, поставленныя теоретическимъ коллективизмомъ, народъ идетъ къ коммунизму, не признающему власти (communisme anti-autoritaire).

На революціонныхъ собраніяхъ пролетаріи предъявляютъ свои права на всѣ общественныя богатства и требуютъ уничтоженія частной собственности, какъ для потребительныхъ, такъ и для производительныхъ цѣнностей. «Въ день Соціальной Революціи мы завладѣемъ *всѣми* естественными богатствами, *всѣми* цѣнностями, накопленными въ городахъ, и предоставимъ ихъ во всеобщее пользованіе», говорятъ представители рабочихъ массъ.

«Пусть каждый беретъ изъ общей кучи все, что ему нужно, и будьте увѣрены, что въ житницахъ нашихъ городовъ хватитъ пищи, чтобъ прокормить весь міръ до дня объявленія свободы производства, достаточно одежды, чтобъ одѣть всѣхъ, и даже предметовъ роскоши хватитъ на весь міръ».

Однимъ словомъ, пролетарскія массы требуютъ отъ революціи: немедленнаго введенія анархическаго коммунизма и свободной организаціи производства. Эти два пункта окончательно установлены. Коммуны надвигающейся революціи не повторятъ ошибокъ своихъ предшественниковъ, которые своими страданіями и пролитой кровью открыли человѣчеству путь къ лучшему будущему.

Относительно взглядовъ на правительство среди соціалистовъ существуютъ различныя мнѣнія.

Одни говорятъ, что въ день наступленія революціи надо учредить *правительство* и передать ему власть. Сильное и рѣшительное, оно произведетъ революцію, издавая соотвѣтствующія постановленія и строго слѣдя за ихъ исполненіемъ.

«Печальное заблужденіе!»—говорятъ другіе.—«Центральное правительство, составленное изъ разнородныхъ элементовъ и призванное управлять одной націей, будетъ служить помѣхой для революціи, такъ какъ въ силу самой природы власти оно должно быть консервативнымъ. Неспособное вселить революціонный духъ въ отсталые коммуны, оно будетъ препятствовать развитію революціи въ коммунахъ, идущихъ впереди движенія. Внутри-же возставшей Коммуны правительство или будетъ санкціонировать факты, уже совершившіеся и слѣдовательно станетъ излишнимъ и даже вреднымъ; или же будетъ дѣйствовать по своей волѣ, т. е. регламентировать то, что должно быть свобод-

но выработано народомъ, примѣнять теоріи тамъ, гдѣ должна дѣйствовать свободная творческая сила соціальнаго организма, создающаго новыя формы общественной жизни. Люди, облеченные властью, запершись въ канцеляріяхъ будутъ тратить на праздные споры тѣ способности и силы, которыя при совмѣстной работѣ съ народомъ могли-бы быть употреблены на основаніе новыхъ организацій. Безсильное тамъ, гдѣ нужно настоящее дѣло, правительство будетъ служить тормазомъ для раціональнаго развитія человѣчества».

Какъ бы естественно и справедливо не было это разсужденіе, оно сталкивается съ вѣковыми предразсудками и встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны тѣхъ, кому выгодно поддерживать религію правительства на ряду съ религіей собственности и религіей божества.

Богъ, Собственность и Правительство—вотъ самыя опасныя препятствія для будущей революціи.

Однако, эти предразсудки уже сильно поколеблены. «Мы сами устроимъ свои дѣла, безъ вмѣшательства правителей. Намъ не нужна опека священника, собственника и правителя», говорятъ уже пролетаріи. Анархисты въ свою очередь энергично борются съ поклоненіемъ этимъ принципамъ и надо надѣяться, что ко дню наступленія революціи они будутъ достаточно поколеблены, чтобъ не увлечь пролетарскія массы на ложный путь.

Однако, есть существенный пробѣлъ въ дѣятельности революціонныхъ союзовъ. Дѣло въ томъ, что почти ничего не сдѣлано для деревни. Все ограничилось городами. Деревня, казалось, не существовала для городскихъ рабочихъ. Ораторы даже избѣгаютъ упоминать въ своихъ рѣчахъ о деревнѣ и о землѣ. Не зная стремленій крестьянъ, они не рѣшаются говорить отъ ихъ имени. Нужно-ли доказывать, на сколько это опасно?—Эмансипація пролетаріата неосуществима, пока революціонное движеніе не охватитъ деревни. Возстаніе не продержится болѣе года, если оно не встрѣтитъ сочувствія среди крестьянъ. Когда налоги и подати будутъ уничтожены, конечно, крестьяне поймутъ преимущества революціи. Но было бы крайне неосторожно разсчитывать на то, что революціонныя идеи проникнутъ изъ городовъ въ деревни безъ предварительной пропаганды. Надо узнать, каковы стремленія крестьянина, каковы его взгляды на земельную собственность, какъ онъ понимаетъ надвигающуюся революцію. Надо познакомить его съ дѣятельностью городскихъ пролетаріевъ и доказать ему, что они не будутъ вредить земледѣльцу. Необходимо, чтобъ рабочіе привыкли уважать крестьянина и дѣйствовать съ нимъ за одно.

Рабочіе должны *содѣйствовать пропагандѣ въ деревняхъ*. Въ каждомъ городѣ должна быть маленькая спеціальная организація, вѣтвь Аграрной Лиги, для пропаганды среди крестьянъ. Необходимо, чтобъ къ этой пропагандѣ относились такъ же, какъ къ пропагандѣ въ промышленныхъ центрахъ.

Отъ этого зависитъ успѣхъ революціи. Только въ тотъ день, когда рабочій и земледѣлецъ, рука объ руку, пойдутъ завоевывать Равенство для всѣхъ, революція побѣдитъ міръ и принесетъ счастье всему

человѣчеству, какъ въ убогую хижину, такъ и въ богатыя сооруженія крупныхъ промышленныхъ агглюмерацій.

Аграрный вопросъ.

I.

Вопросъ первостепенной важности предсталъ сейчасъ передъ Европой и требуетъ немедленнаго разрѣшенія.—Аграрный вопросъ, вопросъ о томъ, какова должна быть новая форма владѣнія и обработки земли? Кому будетъ принадлежать земля? Кто будетъ ее обрабатывать и какъ? Никто не станетъ отрицать важности этого вопроса. Тѣ, которые внимательно слѣдятъ за крестьянскимъ движеніемъ въ Ирландіи, въ Англіи, въ Испаніи, въ Италіи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи и Россіи, знаютъ, что въ деревняхъ, среди всѣми презираемаго класса земледѣльцевъ, готовится сейчасъ грандіозная революція.

Соціалистамъ все еще продолжаютъ возражать, что соціальные вопросы интересуютъ исключительно городскихъ рабочихъ, не затрагивая крестьянъ. Если уничтоженіе частной собственности и экспропріація фабрикантовъ и заводчиковъ встрѣчаютъ сочувствіе въ городахъ, то дѣло обстоитъ совершенно иначе въ деревняхъ. Крестьяне не довѣряютъ соціалистамъ и, если когда-нибудь городскіе рабочіе захотятъ привести въ исполненіе свои планы, то деревенскіе жители сумѣютъ помѣшать имъ.

Это возраженіе имѣло дѣйствительно нѣкоторое значеніе лѣтъ тридцать, сорокъ тому назадъ. Тогда крестьяне, менѣе нуждающіеся и болѣе покорные, не выражали признаковъ неудовольствія и предавали себя на волю Божію. Теперь дѣло обстоитъ совершенно иначе. Концентрація недвижимыхъ имуществъ въ рукахъ богачей, развитіе все растущаго деревенскаго пролетаріата, тяжелые налоги, подавляющіе земледѣліе, вторженіе машиннаго производства, конкурренція Америки и Австраліи и, наконецъ, быстрый обмѣнъ идей значительно измѣнили положеніе дѣлъ за послѣдніе тридцать лѣтъ. Теперь вся Европа охвачена сильнымъ аграрнымъ движеніемъ, которое растетъ съ каждымъ днемъ и придастъ будущей революціи значеніе, какого она никогда-бы не достигла, если-бы ограничилась только большими городами.

Кто изъ васъ не знаетъ, что происходитъ сейчасъ въ Ирландіи? Возстаніе противъ помѣщиковъ охватило больше половины страны. Крестьяне не платятъ владѣльцамъ земли арендныхъ денегъ; если-бы между ними и нашлись желающіе это сдѣлать, то они не посмѣли-бы ослушаться Аграрной Лиги—могучей тайной организаціи, имѣющей свои отдѣленія во всѣхъ деревняхъ и строго карающей за неисполненіе своихъ приказаній.

Помѣщики не рѣшаются требовать слѣдуемыхъ имъ денегъ, такъ какъ пришлось бы прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, а это неизбѣжно вызвало бы возстаніе. Если-бы кто-нибудь изъ помѣщиковъ

вздумалъ изгнать крестьянина за невзносъ платы, то на защиту послѣдняго выступили-бы тысячи вооруженныхъ крестьянъ. Да и ферма такого помѣщика не нашла бы себѣ арендатора, такъ какъ Лига или какая-нибудь другая тайная организація приговорила-бы измѣнника къ смерти, а крестьяне сожгли-бы его нивы и истребили скотъ. Положеніе становится невыносимымъ для самихъ помѣщиковъ; въ однихъ уѣздахъ стоимость земли пала на двѣ трети, въ другихъ помѣщики являются лишь номинальными владѣльцами своихъ имѣній: они не смѣютъ даже показаться крестьянамъ безъ охраны полиціи. Земля остается невоздѣланной, и, по словамъ Financial Reformer за 1879 годъ, цѣнность урожаевъ пала на 250 милліоновъ франковъ, а количество обрабатываемыхъ земель уменьшилось на 33.000 гектаровъ.

Положеніе дѣлъ принудило Гладстона дать ирландскимъ представителямъ формальное обязательство представить въ парламентъ проектъ закона, по которому владѣнія крупныхъ помѣщиковъ будутъ отчуждены и употреблены на общественныя нужды, земля будетъ объявлена собственностью націи и продана народу на условіяхъ ежегодныхъ погашеній въ теченіе 25 лѣтъ. Такой законъ не могъ быть, конечно, вотированъ англійскимъ парламентомъ, такъ какъ онъ нанесъ бы смертельный ударъ принципу земельной собственности въ Англіи. Уладить конфликтъ мирнымъ путемъ не предвидится никакой возможности. Повсемѣстное возстаніе крестьянъ можетъ быть предотвращено еще разъ, какъ въ 1846 году; но не далекъ тотъ день, когда ирландскій народъ выйдетъ, наконецъ, изъ терпѣнія послѣ столькихъ ненужныхъ страданій и обманутыхъ надеждъ. Какъ только произойдетъ малѣйшая дезорганизація власти въ Англіи, ирландскій крестьянинъ, подстрекаемый тайными обществами, поддерживаемый мелкой деревенской буржуазіей, жаждущей для своей выгоды наступленія новаго 1793 года, выйдетъ изъ своихъ берлогъ и осуществитъ все то, о чемъ ему говорили агитаторы. Онъ подожжетъ дворцы, завладѣетъ хлѣбами помѣщиковъ и захватитъ земли, о которыхъ онъ мечтаетъ уже столько лѣтъ.

Перенесемся на другой конецъ континента, въ Испанію, и посмотримъ, что дѣлается тамъ. Въ Андалузіи и Валенсіи, гдѣ земельная собственность сосредоточена въ рукахъ небольшого числа лицъ, цѣлые легіоны голодныхъ крестьянъ ведутъ непрерывныя войны съ помѣщиками. Подъ прикрытіемъ ночи они истребляютъ стада, поджигаютъ амбары, уничтожаютъ плантаціи; каждому, посмѣвшему выдать предводителей, и судьѣ, привлекающему ихъ къ отвѣтственности, не избѣжать смерти. Въ Валенсіи стачка мелкихъ фермеровъ, отказывающихся платить арендныя деньги, продолжается годами; горе дерзнувшему нарушить это взаимное соглашеніе!

Могучая тайная организація, вывѣшивая по ночамъ на деревьяхъ прокламаціи, постоянно напоминаетъ своимъ союзникамъ, что если они измѣнятъ общему дѣлу, имъ грозитъ истребленіе жатвъ и скота, и даже смерть.

Въ другихъ частяхъ Испаніи, гдѣ собственность раздроблена,

само государство дѣлаетъ все возможное, чтобъ вызвать недовольство. Оно отягощаетъ мелкихъ собственниковъ безконечными налогами: національными, провинціальными, городскими, постоянными и временными. Десятки тысячъ мелкихъ помѣстій конфискуются государствомъ и не находятъ себѣ покупателей на публичныхъ торгахъ. Населеніе деревень совершенно разорено почти во всѣхъ провинціяхъ и голодъ заставляетъ крестьянъ объединяться и возставать противъ налоговъ.

Таково-же положеніе въ Италіи. Во многихъ провинціяхъ земледѣльцы разорены въ конецъ. Доведенные до нищеты государствомъ, они не платятъ налоговъ, и правительство отнимаетъ у нихъ послѣдній клочекъ земли. Въ теченіе года 6644 мелкихъ имѣній, стоимостью въ среднемъ по 99 франковъ, были отобраны. Удивительно-ли, что въ этихъ провинціяхъ царитъ непрерывное возстаніе! То фанатикъ, проповѣдующій религіозный коммунизмъ, увлекаетъ за собой тысячи крестьянъ и настраиваетъ ихъ такъ, что разогнать сектантовъ можно лишь градомъ пуль; то цѣлыя деревни захватываютъ невоздѣланныя поля помѣщиковъ и обработываютъ ихъ для себя; то громадныя толпы крестьянъ собираются на площадяхъ передъ Городской Думой и требуютъ, подъ угрозой возстанія, хлѣба и работы.

Пусть не говорятъ намъ, что это единичные факты! До мая 1789 года возстанія французскихъ крестьянъ повторялись не чаще и были менѣе сознательны, а между тѣмъ они послужили основой для революціи большихъ городовъ!

На восточной окраинѣ Европы, въ Россіи, аграрный вопросъ своимъ теченіемъ напоминаетъ положеніе Франціи до 1789 года. Крѣпостное право уничтожено и каждая община владѣетъ землей; но надѣлы такъ малы, земля мѣстами такъ неплодородна, а подати, налоги и выкупные платежи такъ великй, что больше трехъ четвертей крестьянъ доведены до самой ужасной нищеты. Хлѣба не хватаетъ, и достаточно одного неурожайнаго года, чтобъ голодъ свирѣпствовалъ въ цѣлыхъ губерніяхъ, унося многочисленныя жертвы.

Но прошло то время, когда крестьяне безропотно переносили всю тягость своего положенія. Новыя идеи и стремленія къ лучшему будущему зарождаются въ деревняхъ, имѣющихъ сношенія съ крупными центрами, благодаря сѣти шоссейныхъ дорогъ. Крестьяне со дня на день ждутъ событій, которыя положатъ конецъ современному экономическому строю и отдадутъ имъ во владѣніе землю, принадлежащую народу по праву. Если какой-нибудь Артуръ Юнгъ объѣдетъ сейчасъ Россію, какъ онъ объѣзжалъ Францію наканунѣ 1789 года, онъ услышитъ изъ устъ русскихъ крестьянъ тѣ же слова надежды и завѣтныя желанія, которыя записаны въ его книгѣ. Повсемѣстно начались крестьянскіе бунты. Недовольство растетъ, и стоитъ только политическимъ событіямъ вызвать малѣйшее замѣшательство въ правительствѣ, чтобъ среди голодныхъ крестьянъ, поддерживаемыхъ мелкой деревенской буржуазіей, возникло сильное аграрное движеніе. Мятежи вспыхнутъ во всѣхъ концахъ, возстаніе охватитъ всю Россію, будетъ продолжаться годами и, изнуривъ армію и правитель-

ство, положить начало грандіозной революціи, имѣющей громадное значеніе для всей Европы.

Но если аграрное движеніе приметъ во всѣхъ этихъ странахъ значительные размѣры, если въ нихъ произойдетъ экспропріація земель, если вся старая Европа будетъ окружена, какъ огненнымъ кольцемъ, крестьянскими бунтами, неужели все это не отразится на центрѣ Европы, на такъ называемыхъ цивилизованныхъ странахъ? Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Если мы ознакомимся съ аграрнымъ положеніемъ Англіи, Франціи, Германіи и Швейцаріи, если мы обратимъ вниманіе на могучее вліяніе новаго элемента, заставляющаго Англію бить тревогу, если мы вникнемъ въ новыя идеи и стремленія, захватившія крестьянъ, мы придемъ къ убѣжденію, что аграрный вопросъ требуетъ немедленнаго разрѣшенія во всей Европѣ: какъ въ Россіи, такъ и въ Англіи, какъ въ Италіи, такъ и во Франціи. Мы поймемъ, что положеніе стало невыносимымъ, что такъ дальше итти нельзя. Не далекъ тотъ день, когда современный общественный строй долженъ будетъ уступить мѣсто новому порядку вещей, порядку, который переродитъ режимъ собственности и обработки земли. Тогда крестьянинъ не будетъ больше паріемъ общества, онъ займетъ достойное мѣсто на пиру жизни и прогресса. Тогда деревня перестанетъ быть очагомъ невѣжества и будетъ центромъ, испускающимъ лучи счастья и благосостоянія на всю страну.

II.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, насколько плачевно, вѣрнѣе возмутительно положеніе крестьянъ въ Ирландіи, въ Италіи, во Франціи и въ Россіи. Здѣсь аграрное возстаніе—вопросъ дня. Но въ Англіи, Германіи, Франціи и даже Швейцаріи, въ этихъ странахъ, которые мнятъ себя цивилизованными, положеніе земледѣльца также невыносимо.

Возьмемъ для примѣра Англію. Двѣсти лѣтъ тому назадъ — это была страна, въ которой земледѣлецъ, обрабатывая землю принадлежащую ему, пользовался нѣкоторымъ благосостояніемъ. Теперь — это страна баснословно богатыхъ помѣщиковъ и доведеннаго до нищеты земледѣльческаго пролетаріата.

Четыре пятыхъ пахатной земли, около 23.976.000 гектаровъ, составляютъ собственность 2.340 крупныхъ помѣщиковъ; треть Англіи принадлежитъ 710 лордамъ, такой-то маркизъ проѣзжаетъ 30 миль, не выходя за предѣлы своихъ владѣній; такому-то графу принадлежитъ цѣлая провинція; между тѣмъ, какъ остальные собственники, приблизительно полъ-милліона семействъ, должны довольствоваться одной третью гектара на долю каждаго.

Двѣ тысячи триста сорокъ семействъ получаютъ баснословные доходы, отъ 100.000 франковъ до 10.000.000 франковъ въ годъ. Маркизъ Вестминстерскій получаетъ 25.000 франковъ въ день, т.-е. 1.000 франковъ въ часъ — больше чѣмъ рабочій въ теченіе цѣлаго года. А въ это время сотнямъ тысячъ семействъ землевладѣльцевъ

едва удается заработать тяжелымъ трудомъ отъ 300 до 1.000 франковъ въ годъ. Крестьянинъ, обрабатывающій землю, считаетъ себя счастливымъ, если, работая по четырнадцати или даже шестнадцати часовъ въ сутки, онъ получитъ отъ 12 до 15 франковъ въ недѣлю— ровно столько, чтобъ не умереть съ голоду.

Позорное богатство и безсмысленныя траты бездѣльниковъ наряду съ вѣчной нищетой крестьянина.

Вы читали, должно быть, что, благодаря сосредоточенію собственности въ рукахъ небольшого числа лицъ, Англія стала самой культурной страной. Лорды не обрабатываютъ сами своихъ земель и отдаютъ ихъ въ аренду фермерамъ, но за то фермеры — говорятъ вамъ — дѣлаютъ изъ этихъ владѣній образцы раціональнаго земледѣлія.

Это все было вѣрно когда-то; теперь же дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе.

Огромныя пространства остаются невоздѣланными или обращаются въ парки, чтобъ осенью помѣщикъ могъ устраивать въ нихъ охоту для своихъ гостей. Нѣсколько тысячъ людей нашли бы себѣ пропитаніе на этихъ земляхъ. Но хозяину нѣтъ до этого дѣла: онъ безумно расточаетъ свое состояніе и для удовлетворенія своихъ прихотей отнимаетъ у крестьянина послѣдній клочекъ земли.

Огромныя пространства, которые когда-то воздѣлывались, отданы теперь подъ пастбища. Тысячи и тысячи земледѣльцевъ были изгнаны помѣщиками, ихъ поля, кормившія народъ, превращены въ луга для разведенія быковъ, служащихъ пищею богачамъ. Количество засѣваемой земли со дня на день уменьшается.

Даже фермеры, воздѣлывающіе отъ 50 до 100 гектаровъ земли, эти мелкіе буржуа, стремящіеся стать господами и жить чужимъ трудомъ, разоряются теперь. Внося громадныя арендныя деньги, они не могутъ улучшать своего хозяйства и бороться съ конкуренціей Америки и Австраліи. Газеты полны объявленій о продажѣ съ торговъ ихъ фермъ.

Вотъ каково аграрное положеніе Англіи. Народъ, оторванный отъ земли, стремится въ большіе города, въ мануфактурные центры, гдѣ идетъ ожесточенная конкуренція между голодающими. Земля сосредоточена въ рукахъ горсти помѣщиковъ, получающихъ баснословные доходы и расточающихъ ихъ на безсмысленную и непроизводительную роскошь. Посредники, фермеры хотѣли бы стать мелкими собственниками, но, разоренные непомѣрной арендной платой, они переходятъ на сторону народа, чтобъ помочь ему вырвать землю изъ рукъ крупныхъ помѣщиковъ. Это ненормальное положеніе земельной собственности отражается на жизни всей страны.

Удивительно ли, что крикъ «*Націонализація земли!*» сталъ девизомъ всѣхъ недовольныхъ. *Лига Земли и Труда* еще въ 1869 г. требовала конфискаціи земель крупныхъ помѣщиковъ; теперь эта идея получила широкое распространеніе. *Лига деревенскихъ рабочихъ*, насчитывающая у себя 150.000 членовъ, стала также требовать экспропріаціи земель помѣщиковъ, между тѣмъ, какъ десять лѣтъ тому на-

задъ единственною ея цѣлью было поднять заработную плату путемъ стачекъ.

Ирландская Лига Земли ведетъ широкую пропаганду въ Шотландіи и Англіи и вездѣ встрѣчаетъ сочувствіе. Мы знаемъ каковы будутъ ея дальнѣйшія дѣйствія. Она объявитъ, что арендная плата уменьшена на одну четверть, по рѣшенію Лиги. Она будетъ всѣми силами препятствовать изгнанію крестьянъ, вносящихъ три четверти арендной платы и терроризировать трусовъ, вносящихъ деньги сполна. Ставъ организованной силой, она вооружитъ крестьянъ и объявитъ отмѣну арендной платы. Въ рѣшительный моментъ она сдѣлаетъ то, что дѣлали французскіе крестьяне отъ 1789 до 1793 года: огнемъ и мечемъ принудитъ помѣщиковъ отказаться отъ своихъ правъ на землю.

Трудно предвидѣть, какова будетъ новая форма владѣнія землей въ Англіи послѣ революціи; это зависитъ отъ продолжительности революціи и отъ противодѣйствія, которое аристократія и буржуазія окажутъ революціоннымъ идеямъ. Однако несомнѣнно, что Англія идетъ къ уничтоженію частной собственности и что этотъ переворотъ не произойдетъ мирнымъ путемъ; для осуществленія своихъ цѣлей англійскій народъ будетъ принужденъ прибѣгнуть къ оружію.

III.

Франція.

Какъ будетъ возмущено населеніе французскихъ деревень, если оно прочтетъ, что пишутъ про его жизнь господа депутаты и экономисты. Въ своихъ красивыхъ книгахъ они говорятъ: «почти всѣ крестьяне состоятельны и вполнѣ довольны своей судьбой: у нихъ достаточно земли и скота; имъ не трудно платить налоги; арендная плата не высока, крестьяне получаютъ большіе доходы и ежегодными сбереженіями увеличиваютъ свое состояніе». Крестьяне отъ души ругаютъ этихъ господъ, и они вполнѣ правы.

Разсмотримъ, изъ какихъ элементовъ состоитъ двадцати четырехъ милліонное деревенское населеніе и каково число тѣхъ, которые довольны своимъ положеніемъ.

Начнемъ съ того, что во Франціи около 8.000 помѣщиковъ владѣютъ землями, приносящими отъ десяти до двухсотъ тысячъ франковъ въ годъ.

Они, конечно, довольны своей судьбой. Проведя нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ въ своихъ помѣстьяхъ, забравъ доходы, полученные благодаря тяжелому труду наемныхъ рабочихъ и фермеровъ, они устремляются въ города, гдѣ спускаютъ эти деньги.

Тамъ они пьютъ шампанское полными бокалами съ женщинами, которымъ бросаютъ горсти золота, живутъ въ роскошныхъ дворцахъ и не знаютъ чѣмъ украсить свой обѣденный столъ. Ихъ ежедневнаго расхода хватило бы на прокормленіе цѣлой семьи въ теченіе полугода. Отъ этихъ сытыхъ баловней судьбы вы не услышите, конечно, жалобъ; если они и недовольны чѣмъ-нибудь, то исключительно тѣмъ,

что крестьянинъ со дня на день становится менѣе сговорчивымъ и отказывается работать даромъ.

Не будемъ говорить о нихъ. Въ день революціи они услышатъ наше слово.

Ростовщики, маклера и торговцы, какъ коршуны, набрасываются на деревню и, придя изъ города почти безъ гроша, возвращаются туда богатыми собственниками и банкирами; нотаріусы и адвокаты возбуждаютъ и ведутъ процессы противъ крестьянъ; инженеры и чиновники грабятъ народъ и безсовѣстно расточаютъ государственныя и общественныя деньги. Вся эта шайка, какъ моль, съѣдаетъ деревню и разоряетъ города. Они, конечно, довольны существующимъ строемъ и не желаютъ никакихъ преобразованій. Крестьяне, доведенные до нищеты векселями; фермеры, разоряющіеся на процессы; бѣдняки, изъ которыхъ высасываютъ послѣдніе соки окружающіе ихъ пауки,— вотъ все, что нужно этимъ ростовщикамъ. Города и деревни, безпрекословно повинующіеся правителямъ; государство, расточающее общественное достояніе, — вотъ все, что нужно чиновникамъ. Когда Франція будетъ окончательно разорена, они пойдутъ набивать карманы въ Венгрію, въ Турцію и даже въ Китай. Ростовщичество не имѣетъ родины.

Эти эксплоататоры довольны своимъ положеніемъ. Но сколько ихъ? Пятьсотъ тысячъ? Милліонъ, можетъ быть? Вполнѣ достаточно, чтобъ разорить въ нѣсколько лѣтъ деревни, но слишкомъ мало, чтобъ оказать сопротивленіе возставшимъ крестьянамъ.

Разсмотримъ положеніе помѣщиковъ, имѣющихъ отъ 50 до 200 гектаровъ земли. Имъ нѣтъ дѣла до благосостоянія человѣчества, до чужой нищеты; въ случаѣ какихъ-нибудь преобразованій, единственной ихъ заботой будетъ удержать свои владѣнія. Если они находятся въ нуждѣ, ихъ не покидаетъ надежда выйти скоро изъ этого положенія: счастливая спекуляція, выгодное предпріятіе, смерть богатаго родственника, кончившаго жизнь самоубійствомъ, — и благосостояніе вернется. Нужда и трудъ имъ не знакомы. Для обработки своихъ земель, они нанимаютъ рабочихъ, платя имъ за тяжелый трудъ отъ 250 до 300 франковъ въ годъ.

Они, несомнѣнно, будутъ врагами революціи; уже теперь они враги свободы и равенства, оплотъ эксплоатаціи. Этихъ помѣщиковъ около 200,000, и они представляютъ значительную силу. Государство считается съ ними, а ихъ богатство обезпечиваетъ имъ большое вліяніе. Что станутъ дѣлать эти эгоисты во время революціи? Конечно, не сопротивляться потоку возставшихъ народовъ. Они благоразумно запрутся у себя и будутъ ждать окончанія борьбы.

Помѣщиковъ, имѣющихъ отъ 10 до 50 гектаровъ земли, значительно больше. Ихъ около 250.000, приблизительно 1.200.000, считая и семьи. Четверть пахотной земли всей Франціи принадлежитъ имъ.

Эти не порвали еще съ деревней и пользуются тамъ большимъ вліяніемъ. Они обработываютъ сами свои поля и остались до сихъ поръ, въ сущности говоря, крестьянами. На ихъ консервативный духъ и разсчитываютъ реакціонеры.

Въ первой половинѣ нашего вѣка этотъ классъ земледѣльцевъ, продуктъ великой революціи, пользовался нѣкоторымъ достаткомъ; тогда онъ былъ противъ всякихъ преобразованій, такъ какъ боялся потерять все завоеванное имъ во время революціи. Теперь условія значительно измѣнились. Во всей Франціи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей (юго-запада, напримѣръ), земледѣльцы этой категоріи терпятъ уже нужду. Они не могутъ дѣлать сбереженій и увеличивать своихъ имѣній, которыя раздробляются вслѣдствіе раздѣловъ. Въ то же время арендныя условія стали такъ тяжелы, что имъ приходится платить бѣшеныя деньги за землю.

Владѣя клочками земли, разсѣянными тамъ и сямъ, они получаютъ скудные доходы и съ трудомъ выплачиваютъ повинности. Хлѣбопашество не приноситъ почти ничего, а скотоводство даетъ самые незначительные барыши.

Государство обременяетъ этихъ мелкихъ помѣщиковъ налогами и община тоже не щадитъ ихъ: лошадь, повозка, удобреніе — все обложено податью. Налоги растутъ съ каждымъ днемъ и своими размѣрами напоминаютъ времена монархіи. Крестьянинъ опять сталъ вьючнымъ скотомъ для государства.

Ростовщики разоряютъ ихъ; подати обременяютъ; фабриканты эксплоатируютъ, заставляя платить за каждое орудіе тройную цѣну. Они только воображаютъ себя владѣльцами своихъ имѣній, но на самомъ дѣлѣ не пользуются ихъ доходами и работаютъ для обогащенія ростовщиковъ, для прокормленія чиновниковъ, для доставленія шелковыхъ платьевъ и богатыхъ выѣздовъ женамъ фабрикантовъ, для услажденія жизни всѣмъ городскимъ паразитамъ.

Вы думаете, крестьяне этого не понимаютъ! Какъ же! Они прекрасно все знаютъ и какъ только почувствуютъ въ себя силу, не замедлятъ стряхнуть съ себя иго этихъ господъ, живущихъ на ихъ счетъ.

Мы разсмотрѣли положеніе одной десятой деревенскаго населенія.—Поговоримъ теперь объ остальныхъ.

Остальные—это четыре милліона отцевъ семействъ (всего около 18.000,000 человѣкъ), имѣющихъ въ лучшемъ случаѣ пять или три гектара земли, иногда одну десятую гектара, а большею частью—ничего. Изъ нихъ 8.000,000 едва сводятъ концы съ концами, воздѣлывая свой жалкій клочекъ земли и посылая ежегодно въ городъ на заработки десятки тысячъ своихъ дѣтей; 7.000,000 живутъ тяжелымъ поденнымъ трудомъ, въ рѣдкихъ лишь случаяхъ имѣя домикъ и маленькій садъ; одинъ милліонъ истощенныхъ, умирающихъ съ голоду живетъ изо дня въ день, питаясь картофелью и хлѣбомъ...—Вотъ основное населеніе французскихъ деревень.

Экономисты не принимаютъ въ разсчетъ этой массы. Для насъ же она все; она—народъ, а остальные—грибы-паразиты, присосавшіеся къ стволу стараго дуба.

И про этихъ людей намъ говорятъ, что они богаты, довольны судьбой, не хотятъ перемѣнъ и не станутъ слушать соціалистовъ!

Замѣтимъ прежде всего, что каждый разъ, какъ мы говоримъ съ крестьянами, просто и ясно излагая наши мысли, они охотно выслушиваютъ насъ. Мы имъ не предлагали, права, выбрать насъ депутатами, не излагали въ длинныхъ рѣчахъ теорій научнаго соціализма, не совѣтывали отдать землю въ руки правительства, которое будетъ распредѣлять ее по усмотрѣнію своихъ чиновниковъ. Если-бы мы имъ предложили подобныя глупости, они бы дѣйствительно повернули намъ спину и были-бы совершенно правы.

Мы излагали крестьянамъ свои взгляды на революцію и всегда встрѣчали сочувствіе; они говорили, что ихъ идеи и стремленія вполнѣ совпадаютъ съ нашими.

Вотъ, что мы говорили крестьянамъ:

«Раньше земля принадлежала коммунамъ, состоящимъ изъ земледѣльцевъ, которые сами обработывали свои имѣнія. Но путемъ обмановъ, силы и ростовщичества, спекуляторы завладѣли всей землей. Теперь крестьянинъ не имѣетъ клочка земли для обработки и не можетъ прокормить своей семьи, между тѣмъ какъ богачи не обработываютъ сами своихъ владѣній и выжимаютъ изъ нихъ послѣдніе соки для удовлетворенія своихъ безумныхъ прихотей.

Надо, чтобы крестьяне, организовавъ коммуны, вернули себѣ свои земли и отдали ихъ въ пользованіе тѣмъ, которые сами будутъ ихъ обработывать.

Закладъ недвижимыхъ имуществъ—явная несправедливость. Никто не имѣетъ права за то, что одолжилъ вамъ денегъ, присвоить себѣ вашу землю, потому что земля пріобрѣла цѣну, благодаря труду вашихъ отцевъ, которые ее воздѣлывали, строили деревни, проводили дороги, осушали болота; теперь она производитъ только благодаря вашему труду. Интернаціоналъ будетъ считать своимъ долгомъ сжечь всѣ ипотечныя бумаги и положить конецъ этому постыдному установленію.

Налоги, взимаемые съ васъ, поѣдаются шайкой чиновниковъ, никому ненужной и безусловно вредной. Упраздните же ихъ. Провозгласите вашу полную независимость и объявите, что вы сами возьметесь за свои дѣла.

Вы хотите провести шоссейную дорогу?—Сговоритесь съ сосѣдними коммунами и вы это сдѣлаете лучше, чѣмъ министерство общественныхъ работъ.—Вамъ нужна желѣзная дорога? Заинтересованныя коммуны проложатъ ее гораздо лучше, чѣмъ подрядчикъ, который захочетъ нажить милліоны на этомъ предпріятіи.—У васъ нѣтъ школъ? Устраивайте ихъ сами, не прибѣгая къ помощи разныхъ господъ изъ Парижа.

Придется-ли вамъ защищаться отъ враговъ? Устраивайте сами свою защиту и не прибѣгайте къ помощи генераловъ, которые обязательно измѣнятъ вамъ.

Помните, что никогда ни одна армія не могла остановить нашествія завоевателей, между тѣмъ какъ народъ, когда онъ хотѣлъ сохранить свою независимость, побѣждалъ самыя сильныя арміи.

Вамъ нужны орудія, машины?

Войдите въ соглашеніе съ городскими рабочими, и они будутъ доставлять вамъ ихъ въ обмѣнъ на продукты; вы ихъ получите за свою цѣну, не переплачивая фабриканту, который наживается, обирая крестьянина-покупателя и рабочаго, изготовляющаго эти орудія.

Грозная сила правительства не страшна. Всѣ эти правительства, какъ бы они не казались несокрушимыми, рухнутъ подъ первыми ударами возставшаго народа. Не трудно предвидѣть, что черезъ нѣсколько лѣтъ вся Европа будетъ охвачена революціей, которая подорветъ авторитетъ власти. Воспользуйтесь этимъ моментомъ, чтобъ произвести *вашу* революцію. Прогоните крупныхъ помѣщиковъ и объявите ихъ владѣнія общественной собственностью, уничтожьте ростовщичество, положите, конецъ ипотекѣ и провозгласите вашу полную независимость. Городскіе рабочіе произведутъ тѣмъ временемъ свою революцію въ городахъ. Тогда организуйтесь свободно, основывайте коммуны; остерегайтесь тѣхъ, которые подъ видомъ благодѣтелей крестьянина будутъ навязывать вамъ свои услуги. Дѣлайте все сами, не надѣйтесь на другихъ».

Вотъ, что мы говорили крестьянамъ.

Единственное возраженіе, которое мы встрѣтили съ ихъ стороны, касалось не сущности нашихъ принциповъ, а ихъ практическаго примѣненія.

— «Все это вѣрно и было-бы осуществимо, говорили они, если-бы крестьяне могли сговориться!»

Такъ поможемъ-же имъ сговориться! Будемъ пропагандировать наши идеи, распространять прокламаціи, облегчать сношенія между деревнями, а въ день революціи пойдемъ сражаться съ ними, за нихъ.

День этотъ гораздо ближе, чѣмъ это предполагаютъ.

Представительное правительство.

I.

Наблюдая развитіе человѣческихъ обществъ, не считаясь съ его второстепенными и временными признаками, мы убѣждаемся, что политическій режимъ всегда является выразителемъ экономическаго.

Политическая организація не можетъ быть преобразована по желанію законодателей; она, правда, мѣняетъ свои названія: предстаетъ сегодня подъ видомъ монархіи, завтра—республики, но не претерпѣваетъ при этомъ соотвѣтствующихъ измѣненій; она всегда поддѣлывается подъ экономическій режимъ и служитъ его выраженіемъ, освященіемъ и оплотомъ.

Если политическій режимъ страны въ своей эволюціи отстанетъ отъ совершающагося въ ней экономическаго перерожденія, то въ рѣ-

нительный моментъ онъ подвергается внезапнымъ измѣненіямъ и приспособляется къ существующему экономическому строю.

Обратно: если, въ случаѣ революціи, политическій режимъ опередитъ экономическое состояніе страны, онъ остается мертвой буквой, формулой, записанной въ хартіяхъ, безъ практическаго примѣненія. Декларація Правъ Человѣка, какова бы ни была ея роль въ исторіи, является теперь лишь историческимъ документомъ; слова Liberté, Egalité, Fraternité останутся красивой мечтой, вѣрнѣе ложью, пока свобода и равенство не станутъ основами экономическаго строя.

Всеобщая подача голосовъ не совмѣстима съ рабствомъ, такъ же, какъ деспотизмъ не имѣетъ мѣста въ обществѣ, основанномъ на такъ называемой свободѣ мировыхъ сдѣлокъ, вѣрнѣе, свободѣ эксплоатаціи.

Рабочіе классы Западной Европы поняли уже эту простую истину. Они знаютъ, что человѣчество будетъ продолжать прозябать при современномъ политическомъ строѣ, пока существуетъ капиталистическій режимъ. Они знаютъ, что всѣ политическіе институты, не смотря на ихъ красивыя названія, основаны на господствѣ сильнаго, возведенномъ въ систему, на развратѣ, на подавленіи всякой свободы, всякаго прогресса и что измѣнить все это можно только установленіемъ экономическихъ отношеній, основанныхъ на принципѣ коллективной собственности. Они знаютъ, что глубокая и плодотворная политическая революція немыслима безъ экономической.

Обратно, при связи, существующей между политическимъ и экономическимъ режимомъ, переворотъ въ способахъ производства и распредѣленія продуктовъ не можетъ произойти безъ политической революціи.

Уничтоженіе частной собственности и эксплоатаціи, установленіе коллективистическаго или коммунистическаго режима несуществимы при нашихъ парламентахъ и короляхъ.

Новый экономическій режимъ требуетъ новаго политическаго; эта истина проникла въ сознаніе массъ: народная мысль стремится разрѣшить одновременно оба эти вопроса. Она работаетъ надъ созданіемъ лучшаго экономическаго и политическаго будущаго; рядомъ со словами «Коллективизмъ» и «Коммунизмъ» мы слышимъ слова: Рабочее Государство, Свободная Коммуна, Анархія, или: анархическій Коммунизмъ, коллективистическая Коммуна.

«Вы хотите, чтобы ваша работа была плодотворна? Освободитесь прежде всего отъ тысячи предразсудковъ, которые вамъ внушили!»— Этими словами начиналъ свои лекціи одинъ знаменитый астрономъ: они приложимы ко всѣмъ отраслямъ знанія; къ соціальнымъ же наукамъ, болѣе чѣмъ къ естественнымъ. Съ первыхъ же шаговъ въ этой области мы наталкиваемся на массу предразсудковъ, завѣщанныхъ намъ прошлыми вѣками, ложныхъ идей, распространенныхъ съ цѣлью обмануть народъ, софизмовъ, тщательно выработанныхъ—чтобы направить на ложный путь народную мысль.

Среди всѣхъ этихъ предразсудковъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ тотъ, который лежитъ въ основѣ современныхъ политическихъ организацій и проявляется почти во всѣхъ соціальныхъ тео-

ріяхъ. Этотъ предразсудокъ — вѣра *въ представительное правительство.*

Въ концѣ прошлаго вѣка французскій народъ свергнулъ монархію и послѣдній изъ королей искупилъ на эшафотѣ свои грѣхи и грѣхи своихъ предшественниковъ.

Тогда же выяснилось, что все великое, хорошее, что дала революція, было дѣломъ отдѣльныхъ лицъ или группъ, достигшихъ своей цѣли, благодаря дезорганизаціи и слабости центральнаго правительства. Казалось, что именно въ эту эпоху народъ не долженъ былъ искать ига новаго правительства, основаннаго на тѣхъ же принципахъ, какъ и только-что свергнутое.

Но, находясь подъ вліяніемъ предразсудковъ и введенный въ заблужденіе кажущейся свободой и мнимымъ благосостояніемъ конституціонныхъ государствъ Америки и Англіи, французскій народъ поспѣшилъ учредить у себя конституцію,—конституціи, которыя онъ преобразовывалъ безъ конца, не измѣняя однако принципу представительнаго правительства. Монархія или республика, не все ли равно! Народъ не свободенъ: онъ управляется представителями, болѣе или менѣе удачно выбранными. Онъ провозглашаетъ свою свободу, свои права, и самъ же спѣшитъ отречься отъ нихъ. Онъ избираетъ депутатовъ и поручаетъ имъ разобраться въ безконечномъ разнообразіи смѣшанныхъ интересовъ и сложныхъ человѣческихъ отношеній.

Во всѣхъ государствахъ континентальной Европы эволюція приняла тотъ же характеръ. Всѣ они, одно за другимъ, свергаютъ абсолютныя монархіи и вступаютъ на путь парламентаризма. Даже деспотическій Востокъ слѣдуетъ ихъ примѣру: Болгарія, Турція, Сербія пытаются учредить у себя конституцію; Россія, и та стремится свергнуть иго камарильи, чтобы замѣнить его болѣе сноснымъ игомъ представительнаго собранія.

Ужаснѣе всего то, что Франція, открывая новые пути, не можетъ освободиться отъ старыхъ предразсудковъ. Народъ, разочарованный въ конституціонной монархіи, свергаетъ ее, но на слѣдующій же день онъ провозглашаетъ новое правительство, основанное на старыхъ началахъ—правительство, готовое предать народъ въ руки какого-нибудь злодѣя, который навлечетъ на прекрасныя долины Франціи нашествіе непріятелей.

Черезъ двадцать лѣтъ онъ повторяетъ ту же ошибку. Видя, что Парижъ покинутъ войсками и правительствомъ, народъ, предоставленный самому себѣ, не пытается установить той новой формы политической жизни, которая привела-бы къ новому экономическому режиму. Замѣнивъ слово Имперія—Республикой, а это послѣднее—Коммуной, онъ и здѣсь прибѣгаетъ къ представительной системѣ. Онъ передаетъ свои права выборному собранію и поручаетъ ему создать ту новую форму человѣческихъ отношеній, которая дала-бы Коммунѣ силу и жизнь.

Конституціи, разорванныя въ клочки, разлетаются подобно мертвымъ листьямъ, увлекаемымъ въ рѣку осеннимъ вѣтромъ! Освободиться

отъ старыхъ предразсудковъ не такъ легко; уничтоживъ шестнадцатую конституцію, народъ создаетъ семнадцатую.

Даже въ теоріи мы встрѣчаемъ то же поклоненіе представительному принципу. Многіе реформаторы, разсматривая современное экономическое положеніе, требуютъ полнаго преобразованія способовъ производства и обмѣна и уничтоженія капиталистическаго режима. Но какъ только дѣло дойдетъ до ихъ политическаго идеала, они не рѣшаются коснуться представительной системы; въ Рабочемъ Государствѣ, и даже въ свободной Коммунѣ они стремятся сохранить представительное правительство.

Къ счастью, престижъ этого принципа падаетъ. Прослѣдимъ за развитіемъ представительнаго правительства. Мы имѣемъ возможность это сдѣлать. Оно функціонировало и функціонируетъ на открытой аренѣ Западной Европы во всемъ разнообразіи своихъ формъ—отъ умѣренной монархіи до революціонной коммуны. На него возлагали столько надеждъ, а оно явилось орудіемъ интригъ и личнаго обогащенія, препятствіемъ для развитія народа и проявленія его иниціативы. Поклоненіе принципу представительства не имѣетъ большаго raison d'être, чѣмъ поклоненіе королевской власти. Теперь уже понимаютъ, что недостатки представительнаго правительства не являются продуктомъ соціальнаго неравенства; осуществленное въ средѣ, въ которой капиталъ и трудъ равномѣрно распредѣлены между всѣми, оно приведетъ къ тѣмъ-же печальнымъ послѣдствіямъ. Не далекъ тотъ день, когда эта форма правленія, возникшая, по удачному выраженію Дж. Ст. Милля, изъ стремленія защитить себя отъ когтей и клюва короля коршуновъ, уступитъ мѣсто политической организаціи, созданной насущными потребностями человѣчества и основанной на слѣдующемъ принципѣ: настоящая свобода заключается въ томъ, чтобы каждый самъ устраивалъ свои дѣла, не предоставляя ихъ на волю Провидѣнія или выборнаго собранія.

Такое же заключеніе долженъ сдѣлать всякій, кто пойметъ, что главные недостатки правительственной системы присущи ей, какъ таковой, а не зависятъ отъ формы и мѣста ея примѣненія.

II.

«Современные обычаи предохраняютъ насъ отъ престижа королевской власти,—писалъ Огюстенъ Тьерри въ 1828 году,—теперь мы должны опасаться авторитета легальнаго порядка и представительнаго правительства» *). Бентамъ говорилъ приблизительно то же самое. Но въ то время ихъ предупрежденія остались незамѣченными. Вѣра въ парламентаризмъ была сильна, и этимъ критикамъ возражали слѣдующимъ аргументомъ: «парламентскій режимъ не сказалъ еще своего послѣдняго слова; о немъ нельзя судить, пока въ его основу не ляжетъ всеобщая подача голосовъ».

Съ тѣхъ поръ всеобщая подача голосовъ введена. Буржуазія,

*) Lettres sur l'histoire de France, lettre XXV.

послѣ долгихъ сопротивленій согласилась принять ее. Въ Соединенныхъ Штатахъ всеобщая подача голосовъ функціонируетъ уже около вѣка въ условіяхъ полной свободы; во Франціи и Германіи она тоже проложила себѣ путь. Но представительный режимъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ во времена Тьерри и Бентама; всеобщая подача голосовъ не измѣнила его; она только способствовала выясненію его недостатковъ. Вотъ почему теперь не только такіе революціонеры, какъ Прудонъ, возстаютъ противъ этой системы; люди болѣе умѣренные, какъ Миль *) и Спенсеръ **) кричатъ: «остерегайтесь парламентаризма!» Можно, основываясь на общепризнанныхъ фактахъ, написать цѣлые томы о непригодности этой системы и найти сочувствіе среди читателей. Представительное правительство было предано суду—и приговорено.

Его приверженцы постоянно указываютъ намъ на заслуги этого режима. Мы обязаны ему, говорятъ они, нашей политической свободой, о которой не могло быть и рѣчи при абсолютной монархіи.

Но, въ сущности говоря, не представительный режимъ намъ далъ и гарантировалъ свободу, которую мы завоевали вотъ уже больше вѣка. Эту свободу, такъ же какъ и народное представительство вырвалъ у правительствъ могучій потокъ народной мысли, рожденный революціей; духъ свободы и возстанія сумѣлъ сохранить ихъ, несмотря на постоянныя посягательства правительствъ и парламентовъ. Представительное правительство добровольно не даетъ народу никакихъ правъ и не пренебрегаетъ деспотизмомъ. Права приходится у него вырывать и защищать съ оружіемъ въ рукахъ, какъ во времена неограниченной монархіи. Да и это возможно лишь въ странахъ, гдѣ состоятельный классъ жаждетъ этихъ правъ и готовъ ихъ защищать противоправительственной агитаціей. Тамъ же, гдѣ этотъ классъ молчитъ, политическая свобода не можетъ существовать, будетъ-ли въ странѣ народное представительство или нѣтъ. Палата въ этихъ странахъ уподобляется прихожей королей. Примѣромъ тому служатъ парламенты Балканскаго полуострова, Австріи и Турціи.

Приверженцы представительнаго правительства постоянно указываютъ на свободу и права англійскаго народа и приписываютъ ихъ парламенту. Они забываютъ, какимъ рядомъ мятежей и возстаній эти права были завоеваны. Свобода печати, свобода союзовъ, свобода собраній,—все это было вырвано у парламента подъ угрозой возстанія.

Трэдъ-юніонами, стачками противъ парламентскихъ постановленій и разгромомъ фабрикъ, англійскіе рабочіе завоевали себѣ право союзовъ и стачекъ. Избивая полицію балясниками рѣшетки Hyde-Park'a, лондонскій народъ принудилъ конституціонное министерство дать ему право манифестацій на улицахъ и въ паркахъ столицы. Не парламентскими дебатами, а противно-парламентской агитаціей и угрозой поднять сотни тысячъ бѣдняковъ, готовыхъ разгромить министерства и дворцы аристократовъ, англійская буржуазія защищаетъ свою свободу. Что касается парламента, то онъ все время посягаетъ на политическія права народа и упраздняетъ ихъ однимъ росчеркомъ

*) La liberté; Gouvernement Représentif.

**) Introduction à l'étude de la Sociologie; Principe de Sociologie; divers Essais.

пера, не хуже любого короля, когда ему грозитъ возстаніе массъ. Куда дѣвалась неприкосновенность жилищъ и корреспонденціи, какъ только буржуазія уступила эти права правительству, чтобы оно защищало ее отъ революціонеровъ.

Приписывать парламентамъ то, что сдѣлано человѣчествомъ, надѣяться, что конституція можетъ дать свободу—это грѣшить противъ противъ исторической правды.

Дѣло не въ томъ, каковы преимущества представительнаго режима передъ правленіемъ царедворцевъ, обращающихъ себѣ на пользу капризы неограниченнаго монарха. Если онъ утвердился въ Европѣ, значитъ, именно этотъ режимъ соотвѣтствовалъ той фазѣ капиталистической эксплоатаціи, которую мы пережили въ XIX вѣкѣ. Онъ гарантировалъ безопасность промышленникамъ и коммерсантамъ, которымъ предоставилъ власть, вырванную изъ рукъ аристократіи.

Но и монархія, не смотря на свои недостатки, имѣла нѣкоторыя преимущества передъ правленіемъ феодальныхъ князей. Она въ свое время тоже была необходима. Должны-ли мы были изъ-за этого оставаться навѣки подъ гнетомъ королевской власти?

Намъ, людямъ конца XIX вѣка, надо выяснить, каковы недостатки представительнаго правительства, не является-ли оно въ наше время тѣмъ препятствіемъ для развитія человѣчества какимъ была монархія въ прошломъ вѣкѣ, и нельзя-ли преобразованіями приспособить его къ той экономической фазѣ, наступленіе которой мы предчувствуемъ? Вотъ чѣмъ мы должны заняться вмѣсто того, чтобы вести безконечные споры объ исторической роли политическаго режима буржуазіи.

Отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно.

Представительный режимъ—этотъ компромиссъ со старымъ режимомъ, сохранилъ правительству всѣ атрибуты неограниченной власти и подчинилъ его дѣйствія фиктивному контролю народа. Теперь онъ отжилъ свой вѣкъ и служитъ тормазомъ для прогресса человѣчества. Его недостатки не зависятъ отъ лицъ, стоящихъ у власти, они присущи самой системѣ и такъ глубоко вкоренились въ него, что никакое преобразованіе не приспособитъ его къ требованіямъ нашего времени.

Представительный режимъ—это организованное господство буржуазіи, исчезнетъ вмѣстѣ съ ней. Наступающая экономическая фаза требуетъ новой политической организаціи, не имѣющей ничего общаго съ представительствомъ.

Представительному правительству присущи всѣ недостатки правительства. Оно не только не умѣетъ ихъ сгладить, но даже создаетъ новые. Знаменитые слова Руссо о правительствѣ вообще примѣнимы къ нему, какъ нельзя лучше. «Чтобъ можно было передать свои права выборному собранію», говоритъ онъ, «оно должно состоять

изъ ангеловъ. Да и у нихъ выростутъ рога и когти, какъ только они примутся за управленіе людьми — «этимъ стадомъ скотовъ!»

Представительное правительство, — называется ли оно Парламентомъ, Конвентомъ, Совѣтомъ Коммуны или какимъ-нибудь другимъ нелѣпымъ именемъ, назначено ли оно префектами Бонапарта или архисвободно избрано населеніемъ возставшаго города, — всегда стремится подобно деспотамъ расширить свои права, вмѣшиваясь во всѣ проявленія жизни, замѣняя законами свободную иниціативу отдѣльныхъ лицъ и группъ. Оно забираетъ въ свои когти человѣка съ самаго дѣтства и ведетъ его до могилы отъ закона къ закону, отъ угрозы къ наказанію, никогда не выпуская его изъ-подъ своей опеки. Приходилось ли вамъ слышать, чтобы выборное правительство объявило себя некомпетентнымъ по какому-либо вопросу?

Подчинять своимъ законамъ всѣ проявленія человѣческой дѣятельности, вникать въ мельчайшія подробности жизни «своихъ подданныхъ» — вотъ цѣль государства и правительства. Правительство, будь оно конституціоннымъ или нѣтъ, стремится распространить свою власть, регламентировать всѣ функціи общества, не останавливаясь ни передъ какими преградами, кромѣ агитаціи и возстанія. Парламентское правительство, — оно уже доказало это, — не составляетъ исключенія.

Государство, говорятъ намъ, имѣетъ цѣлью защищать слабаго отъ сильнаго, бѣднаго отъ богатаго, трудящіеся классы отъ классовъ привилегированныхъ. Мы знаемъ, какъ правительства исполнили эту миссію: они поняли ее въ обратномъ смыслѣ. Вѣрныя своему происхожденію, правительства, вообще, являются покровителями привилегированныхъ противъ угнетенныхъ. Представительное правительство, въ частности, организовало защиту промышленной и коммерческой буржуазіи отъ аристократіи, съ одной стороны, и эксплоатируемаго народа съ другой; изысканно вѣжливое и заискивающее передъ аристократами, оно поражаетъ своей жестокостью по отношенію къ пролетаріямъ. Вотъ почему самый пустяшный законъ, охраняющій трудъ, долженъ быть вырванъ у парламента путемъ упорныхъ возстаній. Вспомните, цѣной какой борьбы, какихъ усилій удалось добиться отъ англійскихъ парламентовъ, швейцарскаго федеративнаго совѣта и французскихъ палатъ, нѣсколькихъ жалкихъ законовъ объ ограниченіи рабочаго дня. Впервые они были получены въ Англіи; рабочимъ удалось завоевать ихъ лишь путемъ разгрома фабрикъ.

Въ странахъ, гдѣ революція не лишила аристократіи ея значенія, дворянство прекрасно уживается съ буржуазіей. — «Признай, аристократъ, за мною право издавать законы, говоритъ буржуа, а я буду охранять твои дворцы». И онъ честно исполняетъ свое обѣщаніе, пока ему не грозитъ опасность.

Потребовалось сорокъ лѣтъ непрерывныхъ волненій, доходящихъ временами до возстаній и поджоговъ деревень, чтобы заставить англійскій парламентъ гарантировать фермерамъ тотъ излишекъ дохода, который получается съ арендованной земли, благодаря произведеннымъ ими улучшеніямъ. А знаменитый «аграрный законъ», вотированный

для Ирландіи? Послѣ какой тяжелой борьбы онъ достался народу! Страна должна была возстать, отказаться наотрѣзъ отъ взноса арендной платы и защищать свое имущество бойкотомъ и поджогами. Самъ Гладстонъ признаетъ, что это былъ единственный способъ принудить буржуазію вотировать этотъ жалкій законъ, который только съ виду защищаетъ голодную страну отъ притѣсненій лордовъ.

Но когда капиталистамъ угрожаетъ хоть малѣйшая опасность со стороны возставшаго народа, тогда представительное правительство, этотъ органъ господства капитала, сумѣетъ показать свою силу. Оно избиваетъ возставшихъ съ такимъ спокойствіемъ, съ такой жестокостью и подлостью, на которыя не способенъ ни одинъ деспотъ. Законъ противъ соціалистовъ въ Германіи не уступаетъ нантскому эдикту; ни Екатерина II послѣ Пугачевскаго бунта, ни Людовикъ XVI послѣ мучной войны (guerre des farines), не проявляли той жестокости, съ которой національныя собранія 1848 и 1871 года обрушились на беззащитную толпу. «*Убивайте этихъ волковъ, волчицъ и волчатъ!*» — кричали члены этихъ собраній и поздравляли, опьяненныхъ кровью, солдатъ съ ихъ блестящей побѣдой.

Безымянный звѣрь о 600 головахъ превзошелъ Людовика XI и Іоаннаго Грознаго.

Положеніе дѣлъ не измѣнится, пока будетъ существовать представительное правительство, будетъ ли оно регулярно избираться народомъ или само провозгласитъ себя при первыхъ искрахъ возстанія.

Можетъ быть, настанетъ экономическое равенство, и тогда равноправные и свободные граждане не передадутъ своихъ правъ въ руки избранныхъ, — они создадутъ новую политическую организацію и сами будутъ вести свои дѣла.

Или опять меньшинство, какое-нибудь четвертое сословіе, состоящее изъ привилегированныхъ буржуа, захватитъ въ свои руки экономическое господство надъ массами и тогда — горе угнетеннымъ! Представительное правительство, избранное этимъ меньшинствомъ, будетъ дѣйствовать въ его интересахъ. Оно издастъ законы, охраняющіе привилегіи этой новой буржуазіи, и силой оружія подчинитъ себѣ непокорныхъ.

Немыслимо здѣсь разобрать всѣ недостатки представительнаго правительства. Для этого надо было бы написать цѣлые томы. Ограничимся разсмотрѣніемъ только самыхъ существенныхъ недостатковъ. Одинъ изъ нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Удивительное дѣло! Представительное правительство имѣло цѣлью положить конецъ единоличному правленію; оно должно было передать власть въ руки цѣлаго класса, а между тѣмъ мы видимъ, что оно стремится подчиниться одному лицу.

Причина этой аномаліи ясна. Въ наше время правительство вооружено тысячами и тысячами полномочій; ему вручены всѣ дѣла страны и данъ бюджетъ въ нѣсколько милліардовъ. Можетъ ли безпорядочное парламентское собраніе взять на себя веденіе всѣхъ этихъ

неисчислимыхъ дѣлъ? Пришлось назначить исполнительную власть, — министерство, — которое облечено всѣми атрибутами королевской власти. Какъ ничтожна, въ самомъ дѣлѣ, власть Людовика XIV, дерзнувшаго сказать: — «государство — это я», — по сравненію съ властью конституціоннаго министерства нашихъ дней!

Палата можетъ, конечно, замѣнить одно министерство другимъ; но новое будетъ облечено тѣми же полномочіями и имѣть тѣ же недостатки, что и старое; если бы палата была послѣдовательна, оно не просуществовало бы болѣе недѣли. Вотъ почему она мирится съ существующимъ министерствомъ, пока страна не высказываетъ своего протеста; тогда она замѣняетъ его тѣмъ, которое было у власти два года тому назадъ. Гладстонъ — Биконсфильдъ, Биконсфильдъ—Гладстонъ, это не мѣняетъ сущности дѣла; страна управляется однимъ человѣкомъ.

Но если палата нападетъ на ловкаго министра, который гарантируетъ странѣ «порядокъ», т.-е. эксплоатацію внутри государства и сбытъ на внѣшнихъ рынкахъ, — тогда она подчиняется всѣмъ его капризамъ и вооружаетъ его все новыми и новыми полномочіями. Съ какимъ бы презрѣніемъ онъ ни относился къ конституціи, каково бы ни было его правленіе, палата мирится со всѣмъ; преслѣдуя его въ мелочахъ, она даетъ ему полную свободу дѣйствій во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Примѣромъ тому служатъ Бисмаркъ для насъ, Питтъ, Гизо и Пальмерстонъ для прошлыхъ поколѣній.

Это вполнѣ понятно: всякое правительство стремится стать единоличнымъ; таковы его происхожденіе и сущность. Избранъ ли парламентъ путемъ всеобщей подачи голосовъ или нѣтъ, будетъ ли онъ состоять исключительно изъ рабочихъ, — онъ одинаково будетъ стремиться подчиниться одному лицу и передать ему всѣ заботы о правленіи. Пока мы будемъ поручать рѣшеніе всѣхъ вопросовъ экономическихъ, политическихъ, военныхъ, финансовыхъ, промышленныхъ и т. д. небольшой группѣ, она, подобно отряду солдатъ во время похода, будетъ стремиться найти себѣ начальника.

Таково положеніе дѣлъ во время затишья. Но, пусть на границѣ появится непріятель, пусть внутри страны вспыхнетъ гражданская война — и тогда первый попавшійся властолюбецъ, какой-нибудь авантюристъ, захватитъ въ свои руки управленіе государственной машиной. Правительство не посмѣетъ препятствовать ему, напротивъ, оно будетъ парализовать сопротивленіе народа. Оба авантюриста, носящіе имя Бонапарта, не были случайнымъ явленіемъ, они неизбѣжное послѣдствіе концентраціи власти. Относительно того, насколько парламенты способны сопротивляться государственнымъ переворотамъ, Франція можетъ намъ разсказать много интереснаго. Развѣ палата спасла Францію отъ Coup d'Etat Макъ-Магона? Ее спасли противопарламентскіе комитеты. Намъ опять приведутъ въ примѣръ Англію. Но пусть она не хвастаетъ, что ея парламентскія постановленія остались неизмѣнными въ теченіе XIX вѣка. Она сумѣла за это время избѣгнуть классовой борьбы, но все предвѣщаетъ ея приближеніе и не трудно предсказать, что парламентъ не выйдетъ цѣлымъ изъ этой борьбы: его гибель неизбѣжна.

Если мы хотимъ во время будущей революціи открыть двери реак-

ціи, можетъ быть даже монархіи, достаточно передать наши дѣла представительному правительству. Реакціонная диктатура не заставитъ себя ждать; имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ орудія власти, она не замедлитъ утвердить свое господство.

Но не способствуетъ ли представительное правительство, этотъ источникъ столькихъ несчастій, мирному и прогрессивному развитію общества? Содѣйствуетъ ли оно децентрализаціи власти, препятствуетъ ли возникновенію войнъ? Способно ли оно понять потребности времени и пожертвовать устарѣлыми институтами, чтобы избѣгнуть гражданской войны? Обезпечиваетъ ли оно прогрессъ внутри страны?

Какой горькой ироніей дышатъ эти вопросы! Исторія нашего времени убѣждаетъ насъ, что представительное правительство не идетъ навстрѣчу ни одной изъ этихъ потребностей.

Парламенты, вѣрные традиціямъ королевской власти и ея видоизмѣненію — якобинству, сконцентрировали власть въ рукахъ правительства. Крайній бюрократизмъ — характеристика представительнаго правительства. Съ начала вѣка идутъ разговоры о децентрализаціи, автономіи, а правительство усиливаетъ централизацію, уничтожаетъ всякіе признаки автономіи. Швейцарія уже подверглась этому вліянію, Англія готова ему подчиниться. Если бы не сопротивленія промышленниковъ и коммерсантовъ, мы теперь испрашивали бы у Парижа разрѣшенія зарѣзать быка въ отдаленной деревнѣ Франціи. Правительство понемногу подчиняетъ своей власти всѣ проявленія государственной жизни; ему не удается только захватить въ свои руки веденіе промышленности, торговли, производства и потребленія. Но соціалъ-демократы, ослѣпленные правительственными предразсудками, мечтаютъ о днѣ, когда они будутъ въ берлинскомъ парламентѣ завѣдывать организаціей производства и потребленія для всей Германіи.

Спасаетъ ли насъ это, якобы миролюбивое, правительство отъ разрушительныхъ войнъ? Конечно, нѣтъ! Никогда не истребляли другъ друга съ такой яростью, какъ при представительномъ режимѣ. Буржуазія ищетъ преобладанія на рынкахъ, а его можно завоевать лишь гранатами и картечью. Адвокаты и журналисты жаждутъ военной славы и съ этой цѣлью изощряются въ краснорѣчіи, ведутъ дипломатическіе споры, которые большею частью кончаются кровопролитіемъ.

Идетъ ли парламентъ навстрѣчу требованіямъ времени? Упраздняетъ ли онъ институты, пришедшіе въ упадокъ? Какъ у членовъ Конвента приходилось съ оружіемъ въ рукахъ вырывать признаніе уже совершившихся фактовъ, такъ теперь только упорнымъ возстаніемъ можно добиться отъ «представителей народа» малѣйшей реформы.

Что касается усовершенствованій самаго представительнаго режима, то никакое обновленіе не вдохнетъ въ него жизнь. Онъ пришелъ въ упадокъ и теперь близокъ къ смерти. Во времена Людовика-Филиппа уже говорили о разложеніи парламента. Теперь, это смрадное болото вызываетъ отвращеніе у всѣхъ близко стоящихъ къ нему.

Но, можетъ быть, новый элементъ, элементъ рабочихъ, вольетъ

въ него струю свѣжей крови. Приглядимся къ представительнымъ собраніямъ, прослѣдимъ за ихъ дѣятельностью и мы поймемъ, что мечтать объ ихъ обновленіи такъ же наивно, какъ сочетать бракомъ короля съ крестьянкой въ надеждѣ получить новое здоровое поколѣніе молодыхъ королей!

Ш.

Недостатки представительныхъ собраній покажутся намъ вполнѣ естественными, если мы вспомнимъ, какъ набираются ихъ члены и приглядимся къ ихъ дѣятельности. Не стану воспроизводить ужасной и омерзительной картины выборовъ. Въ буржуазной Англіи и демократической Швейцаріи, во Франціи и Соединенныхъ Штатахъ, въ Германіи и Аргентинской республикѣ — вездѣ повторяется одна и та же гнусная комедія. Не стану разсказывать, какъ агенты и избирательные комитеты проводятъ своихъ кандидатовъ, какъ они раздаютъ направо и налѣво обѣщанія: въ собраніяхъ сулятъ политическія реформы, частнымъ лицамъ — мѣста и деньги; какъ они проникаютъ въ семьи избирателей и тамъ льстятъ матери, хвалятъ ребенка, ласкаютъ собачку, страдающую астмой, или любимаго котенка. Какъ они разсыпаются по ресторанамъ, заводятъ между собой вымышленные споры, завязываютъ съ избирателями разговоры, стараясь поймать ихъ на словѣ, подобно шулерамъ, стремящимся завлечь васъ въ азартную игру. Какъ послѣ всѣхъ этихъ махинацій кандидатъ заставляетъ себя просить и наконецъ появляется среди «дорогихъ избирателей» съ благосклонной улыбкой на губахъ, со скромнымъ взоромъ и вкрадчивымъ голосомъ, — совсѣмъ какъ старая мегера, старающаяся поймать жильца ласковой улыбкой и ангельскими взглядами.

Не стану перечислять лживыхъ программъ — одинаково лживыхъ, — будь они оппортунистическими или соціалъ-революціонными, программъ, которымъ не вѣритъ ни одинъ изъ кандидатовъ, защищающихъ ихъ съ жаромъ, съ дрожью въ голосѣ, съ пафосомъ, достойнымъ сумасшедшаго или ярмарочнаго актера. Недаромъ народъ въ своихъ комедіяхъ сталъ теперь изображать на ряду съ мошенниками, Тартюфами и банковскими плутами — народныхъ представителей, бѣгающихъ за избирателями и выманивающихъ у нихъ голоса.

Не стану приводить здѣсь смѣты расходовъ по выборамъ; газеты насъ достаточно хорошо знакомятъ съ этимъ вопросомъ. Не стану воспроизводить списковъ расходовъ избирательныхъ агентовъ, въ которые занесены телячьи окорока, фланелевые жилеты и разныя сладости, купленныя кандидатомъ для «дорогихъ дѣтей» избирателей. Не стану упоминать о расходахъ на моченыя яблоки и тухлыя яйца, предназначенныя «для смущенія противника», которые отягощаютъ бюджетъ Соединенныхъ Штатовъ, также какъ и о расходахъ на разныя объявленія и «маневры въ послѣдній часъ передъ выборами», которые играютъ такую видную роль при выборахъ во всѣхъ государствахъ Европы.

А когда выступаетъ правительство съ своими «мѣстами», сотнями тысячъ «мѣстъ», предлагаемыхъ тому, кто больше за нихъ заплатитъ, съ своими орденами, съ своей протекціей, обѣщанной въ мѣстахъ

азартной игры и разврата, съ своей постыдной прессой, съ своими шпіонами, съ мошенниками, судьями и агентами...

Но довольно, оставимъ эту грязь! Есть ли хоть одна страсть, самая низкая, самая гнусная, которая не появилась бы на сцену въ день выборовъ? Обманъ, клевета, лицемѣріе, ложь, самыя низкія проявленія человѣка-звѣря — вотъ картина страны во время выборовъ.

Таково положеніе дѣлъ, и оно не измѣнится, пока люди будутъ назначать себѣ начальниковъ и терпѣть ихъ господство. Создайте общество изъ свободныхъ и вполнѣ равноправныхъ рабочихъ, и въ тотъ день, когда они захотятъ избрать себѣ правителей—у нихъ повторится та же гнусная исторія. Можетъ быть будутъ больше подносить телячьихъ окороковъ, но ложь и лесть останутся въ силѣ и моченыя яблоки не будутъ забыты. Да и можно ли ждать чего-либо хорошаго, когда люди торгуютъ своими самыми священными правами.

Въ самомъ дѣлѣ, мы поручаемъ избирателямъ найти человѣка, которому можно было бы передать право подчинять законамъ всѣ проявленія нашей жизни, распоряжаться всѣмъ, что у насъ есть самаго дорогого: нашими дѣтьми, трудомъ и правами. Найти человѣка, который вмѣстѣ съ другими избранными, губилъ бы нашихъ дѣтей, запиралъ ихъ на три, а если ему вздумается на десять лѣтъ въ казармы и посылалъ бы на вѣрную смерть, когда ему захочется вести войну. Человѣка, который могъ бы по своему желанію открывать, закрывать университеты, принимать и исключать студентовъ. Этотъ новый Людовикъ XIV будетъ по своему усмотрѣнію покровительствовать одной отрасли промышленности, убивать другую; жертвовать сѣверомъ для юга, югомъ для сѣвера; уступать одну провинцію, присоединять другую. Онъ будетъ располагать въ годъ тремя милліардами, отнятыми у бѣдняковъ. У него будетъ царское право назначать исполнительную власть, которая своимъ деспотизмомъ и тираніей не уступитъ королевской. Людовикъ XVI имѣлъ въ распоряженіи десятки тысячъ чиновниковъ, а онъ—сотни тысячъ; король употреблялъ на удовлетвореніе своихъ прихотей нѣсколько жалкихъ мѣшковъ золота, а конституціонный министръ нашего времени искусственнымъ повышеніемъ бумагъ на биржѣ въ одинъ день «честно» наживаетъ милліоны.

Неудивительно, что страсти разгораются, когда дѣло идетъ о выборѣ повелителя, облеченнаго такою властью. Когда испанскій престолъ былъ объявленъ свободнымъ, удивлялся ли кто-нибудь, что флибустьеры сбѣгались со всѣхъ сторонъ? Пока будутъ торговать царскими правами, ничто не можетъ быть измѣнено: выборы останутся ярмаркой тщеславія и совѣсти.

Если бы даже уменьшили права депутатовъ и обратили бы каждую общину въ маленькое государство, то положеніе дѣлъ не измѣнилось бы.

Мы не отрицаемъ окончательно права передачи своей власти выборнымъ делегатамъ. Сто—двѣсти человѣкъ, встрѣчающіеся ежедневно на общей работѣ и хорошо знающіе другъ друга, обсудили со

всѣхъ сторонъ какой-нибудь вопросъ и пришли къ вполнѣ опредѣленному заключенію; тогда они выбираютъ кого-нибудь изъ своей среды и посылаютъ его для переговоровъ по этому дѣлу съ другими делегатами. Такимъ образомъ выборы происходятъ вполнѣ сознательно; каждый имѣетъ ясное представленіе о томъ, что онъ можетъ поручить своему делегату. Да и этотъ послѣдній долженъ будетъ только передавать другимъ делегатамъ тѣ соображенія, которыя привели его довѣрителей къ данному заключенію. Не будучи уполномоченнымъ рѣшить дѣла своею властью, онъ будетъ стремиться придти къ какому-нибудь соглашенію съ другими делегатами; ихъ предложенія онъ передастъ своимъ довѣрителямъ, которые по своему усмотрѣнію могутъ принять ихъ или нѣтъ. Таково происхожденіе делегацій; когда однѣ коммуны посылали своихъ делегатовъ въ другія, у нихъ не было иныхъ полномочій. Такъ же поступаютъ въ наши дни метеорологи и статистики, когда они устраиваютъ международные конгрессы; къ тому же прибѣгаютъ делегаты желѣзнодорожныхъ компаній и почтовыхъ администрацій различныхъ государствъ.

Но, что требуется теперь отъ избирателей?

— Десять, двадцать тысячъ человѣкъ, которые не знаютъ другъ друга, никогда не встрѣчались, не имѣли общаго дѣла, должны выбрать одного представителя. Ему они поручатъ не изложеніе опредѣленнаго дѣла или защиту данной резолюціи: онъ долженъ будетъ знать все, рѣшать всевозможные вопросы, и его рѣшеніе будетъ закономъ.

Такого всевѣдующаго человѣка не найти. Но вотъ способный, здравомыслящій, честный гражданинъ, получившій нѣкоторое образованіе. Будетъ ли онъ избранъ? Конечно, нѣтъ! Едва двадцать человѣкъ, товарищей по училищу, знаютъ его и цѣнятъ его способности. Онъ никогда не прибѣгалъ къ рекламѣ, презираетъ всѣ пріемы легкаго успѣха, не стремится стать популярнымъ среди избирателей. При такихъ условіяхъ онъ не получитъ больше 200 голосовъ; да кандидатура его и не будетъ выставлена. Въ число депутатовъ попадетъ какой-нибудь адвокатъ или журналистъ, краснобай или писака, которые перенесутъ въ парламентъ нравы трибуны и газеты и будутъ увеличивать избирательное стадо министерства или оппозиціи. Можетъ быть, проскочитъ какой-нибудь негоціантъ, жаждущій получить званіе депутата, готовый издержать хоть 10,000 франковъ, чтобъ пріобрѣсти нѣкоторую извѣстность. А тамъ, гдѣ нравы по преимуществу демократическіе, какъ, напр., въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ комитеты легко учреждаются и до нѣкоторой степени ослабляютъ вліяніе капитала,—тамъ въ депутаты изберутъ худшаго изъ всѣхъ: это будетъ человѣкъ, занимающійся политикой по профессіи, гнусное существо, ставшее язвой великой республики, шарлатанъ, который смотритъ на политику, какъ на промышленность, и примѣняетъ къ ней всѣ ухищренія крупной промышленности,—рекламу, обманъ и развратъ.

Измѣняйте избирательную систему сколько вамъ угодно: замѣните баллотировку по округамъ баллотировкой по избирательнымъ спискамъ, введите двухстепенные выборы, какъ въ Швейцаріи (я говорю о подготовительныхъ собраніяхъ), примѣняйте ваши системы въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, преобразовывайте сколько угодно избирательныя коллегіи,—избавиться отъ недостатковъ, присущихъ избира-

тельной системѣ, какъ таковой, вамъ не удастся. Наибольшее число голосовъ (за рѣдкими исключеніями, большею частью, въ партіяхъ преслѣдуемыхъ правительствомъ) получитъ человѣкъ, ничтожный, безъ опредѣленныхъ убѣжденій, словомъ тотъ, который сумѣетъ удовлетворить всѣхъ.

Вотъ почему,—какъ это давно уже замѣтилъ Спенсеръ,—парламенты стоятъ на такомъ низкомъ уровнѣ. Палата, говоритъ онъ въ своемъ введеніи, всегда ниже средняго уровня страны, какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Если бы страна поклялась выбрать своими представителями круглыхъ невѣждъ, она не сумѣла бы сдѣлать этого лучше, чѣмъ при теперешнихъ выборахъ. Что касается честности депутатовъ, мы знаемъ, какова ей цѣна. Прочтите только, что говорятъ о ней экс-министры, которые успѣли узнать депутатовъ и ихъ оцѣнитъ.

Какъ жаль, что нѣтъ спеціальныхъ поѣздовъ для избирателей, чтобъ они могли пріѣхать полюбоваться своей «палатой».

Они скоро почувствовали бы къ ней полное отвращеніе. Древніе народы напаивали рабовъ пьяными, чтобъ вселить въ дѣтяхъ отвращеніе къ пьянству. Парижане, подите въ палату, послушайте вашихъ представителей, и вы навсегда откажетесь отъ представительнаго правительства.

И этому-то сброду ничтожностей народъ передаетъ всѣ свои права, за исключеніемъ права замѣнять отъ времени до времени однихъ депутатовъ другими. Но новое собраніе, составленное по старой системѣ, облеченное той же властью, будетъ имѣть тѣ же недостатки, какъ и предыдущее; вотъ почему большая часть избирателей перестала интересоваться этой комедіей и ограничивается лишь незначительными измѣненіями, принимая тѣхъ кандидатовъ, которые наиболѣе настойчиво навязываются.

Но если выборы заражены неисправимыми пороками, то что же сказать о томъ, какъ собраніе выполняетъ возложенныя на него обязанности. Вдумайтесь на мгновеніе, и вы поймете всю безплодность и нелѣпость задачи, которую мы предлагаемъ этому собранію.

Вашъ представитель долженъ будетъ подавать голосъ и имѣть опредѣленное мнѣніе относительно всего ряда безконечно-разнообразныхъ вопросовъ, которые возникаютъ въ этой огромной машинѣ, именуемой централизованнымъ государствомъ.

Онъ долженъ будетъ установлять налоги на собакъ и утверждать реформы по высшему образованію, когда ноги его не было въ университетѣ, и онъ никогда не видѣлъ деревенскихъ собакъ. Онъ долженъ будетъ защищать преимущества одной системы ружей передъ другими, выбирать мѣсто для помѣщенія управленія государственнаго коннозаводства, высказывать свое мнѣніе относительно филлоксеры, гуано, табаку, начальнаго обученія и оздоровленія городовъ, говорить о Кохинхинѣ и Гвіанѣ, о парижской обсерваторіи и устройствѣ каминовъ. Не имѣя понятія о военномъ искусствѣ, онъ будетъ размѣщать военные корпуса; не зная жизни арабовъ, онъ долженъ будетъ преобразовывать мусульманскій земельный кодексъ въ Алжирѣ. Онъ будетъ

подавать голосъ за киверъ или кепи, сообразуясь съ вкусами своей супруги. Онъ будетъ покровительствовать сахарному производству, въ ущербъ воздѣлыванію пшеницы, убивать виноградарство, стремясь способствовать его развитію, подавать голосъ за лѣсоводство, и въ то же время покровительствомъ полеводству убивать лѣсное дѣло. Онъ выскажется противъ прорытія даннаго канала, за проведеніе такой-то желѣзной дороги, не зная даже, въ какой части Франціи они проэктируются. Онъ введетъ новыя статьи въ уложеніе о наказаніяхъ, не заглянувъ даже въ него. Всевѣдующій и всемогущій, сегодня военный, завтра скотоводъ, потомъ банкиръ, академикъ, докторъ, астрономъ, аптекарь, фабрикантъ, купецъ, въ зависимости отъ порядка дня въ палатѣ, онъ никогда ни въ чемъ не будетъ сомнѣваться. Привыкшій, какъ адвокатъ, журналистъ и ораторъ публичныхъ собраній, говорить о томъ, чего онъ не знаетъ, онъ будетъ смѣло рѣшать всѣ дѣла, съ той только разницей, что своей газетой онъ забавлялъ праздную публику, на судѣ пробуждалъ рѣчами дремлющихъ судей и присяжныхъ засѣдателей, а въ палатѣ его мнѣніе будетъ закономъ для тридцати, сорока милліоновъ жителей.

Но такъ какъ немыслимо понимать и имѣть опредѣленное мнѣніе относительно всѣхъ вопросовъ, предложенныхъ палатѣ на рѣшеніе, онъ будетъ проводить время за вышивкой, сплетничать съ сосѣдями и писать письма, чтобъ разжечь энтузіазмъ своихъ «дорогихъ избирателей», въ то время, какъ министръ будетъ читать начиненный цифрами, докладъ, написанный къ этому дню его секретаремъ. Въ моментъ же голосованія, вашъ представитель выскажется за или противъ доклада, въ зависимости отъ знака, поданнаго главаремъ его партіи.

Возникнетъ ли вопросъ о прокормленіи свиней или экипировки солдатъ—это послужитъ только поводомъ для парламентской стычки между партіями министерской и оппозиціонной. Вашимъ представителямъ совершенно безразлично нуждаются ли свиньи въ кормѣ, не нагружены ли солдаты подобно вьючнымъ животнымъ; они интересуются только тѣмъ, чтобъ своимъ голосомъ обезпечить большій успѣхъ своей партіи. Одержитъ ли верхъ министерство или оппозиція, это парламентское сраженіе одинаково ляжетъ тяжелымъ бременемъ на солдата, земледѣльца и рабочаго.

Бѣдный Прудонъ, я себѣ представляю его разочарованіе: съ дѣтской наивностью изучалъ онъ всѣ вопросы, входящіе въ порядокъ дня, выступалъ передъ собраніемъ съ широкими планами, рядомъ точныхъ данныхъ и цифръ, съ смѣлыми и глубокими идеями,—а его даже не слушали. Вопросы окончательно рѣшаются до засѣданія, причемъ руководствуются слѣдующимъ простымъ соображеніемъ: выгодно ли это или нѣтъ для данной партіи? Опросъ голосовъ произведенъ заранѣе; тѣ, которые готовы подчиниться требованіямъ данной партіи, зарегистрированы; противящіеся же имъ тщательно опрошены и сосчитаны.

Рѣчи произносятся лишь для вида: ихъ слушаютъ только, если онѣ художественны или могутъ вызвать скандалъ.

Всѣ думаютъ, что Руместанъ своимъ краснорѣчіемъ склонилъ палату къ данному рѣшенію, а Руместанъ послѣ засѣданія обсуждаетъ съ друзьями, какъ повыгоднѣе раздѣлаться съ обѣщаніями,

которыя онъ щедро раздавалъ, чтобъ провести свое предложеніе. Его краснорѣчіе—это кантата, составленная для даннаго случая, спѣтая для завоеванія популярности, для забавы публики.

«Провести свое предложеніе!» Но кто будетъ его обсуждать и своимъ голосомъ колебать парламентскіе вѣсы? Кто будетъ составлять и проваливать министерства, даровать странѣ политику реакціи или внѣшнихъ авантюръ, выбирать между министерствомъ и оппозиціей?

Тѣ, которыхъ такъ мѣтко прозвали «болотными жабами!» Тѣ, у которыхъ нѣтъ никакихъ убѣжденій, которые всегда садятся между двухъ стульевъ и виляютъ между двумя основными партіями палаты.

Именно эта группа людей, человѣкъ пятьдесятъ ничтожныхъ и безвольныхъ, лавирующихъ между либералами и консерваторами, подкупленныхъ обѣщаніями, мѣстами, лестью и паникой,—и рѣшаетъ всѣ дѣла страны. Она издаетъ законы, составляетъ министерства и измѣняетъ направленіе политики.—Страна управляется группой въ пятьдесятъ человѣкъ, самыхъ ничтожныхъ и жалкихъ;—вотъ къ чему сводится парламентскій режимъ.

И это неизбѣжно, каковъ бы ни былъ составъ парламента. Сколько бы въ немъ ни было звѣздъ первой величины и честныхъ людей—послѣднее слово будетъ принадлежать «болотнымъ жабамъ». Ничто не можетъ быть измѣнено, пока будетъ въ силѣ принципъ подчиненія меньшинства большинству.

Указавъ вкратцѣ основные недостатки представительныхъ собраній, мы должны были бы перейти къ разсмотрѣнію ихъ дѣятельности. Намъ бы слѣдовало показать, что всѣ они, отъ Конвента до Совѣта Коммуны 1871 года, отъ англійскаго парламента до сербской скупщины, заражены одними и тѣми же пороками, что вся ихъ дѣятельность—по выраженію Бокля—ограничивается замѣной старыхъ законовъ новыми, завоеванными народомъ путемъ возстаній и цѣною крови. Но это отвлекло бы насъ въ сторону.

Впрочемъ, тѣ, въ комъ предразсудки, внушенные нашимъ порочнымъ воспитаніемъ, не убили окончательно здраваго смысла, найдутъ въ исторіи современнаго представительнаго правительства достаточно примѣровъ для подтвержденія нашей мысли. Они поймутъ, что будетъ ли представительное собраніе состоять изъ рабочихъ или буржуа, войдутъ ли въ него даже соціалисты-революціонеры,—оно сохранитъ всѣ недостатки представительнаго собранія, такъ какъ эти недостатки зависятъ не отъ состава даннаго собранія, а присущи самой системѣ.

Рабочее Государство, управляемое выборнымъ собраніемъ, одно изъ самыхъ зловредныхъ мечтаній, внушенныхъ намъ воспитаніемъ, признающимъ власть и авторитетъ.

Хорошій парламентъ также неосуществимъ, какъ желаніе быдѣть въ Ріензи и Александрѣ III хорошихъ царей. Будущее соціализма пойдетъ по иному пути: оно откроетъ человѣчеству новые горизонты для усовершенствованія политическаго строя.

IV.

Сдѣлаемъ бѣглый обзоръ исторіи представительнаго режима, вспомнимъ, каково его происхожденіе, прослѣдимъ какимъ образомъ онъ извращался по мѣрѣ развитія государства, и мы поймемъ, что время его прошло, и онъ долженъ уступить мѣсто новому способу политической организаціи.

Перенесемся въ XII вѣкъ и разсмотримъ эпоху освобожденія коммунъ.

Въ нѣдрахъ феодальнаго общества зарождается освободительное движеніе. Города свергаютъ иго своихъ господъ; ихъ жители «клянутся» другъ другу въ взаимной поддержкѣ, стремятся къ независимости, организуются и объединяются для производства и обмѣна, промышленности и торговли. Они созидаютъ города, которые потомъ три, четыре вѣка служили убѣжищемъ свободному труду, искусству, наукѣ, освободительнымъ идеямъ, и положили начало той цивилизаціи, которой мы гордимся еще въ наши дни.

Одни ученые утверждаютъ, что коммуны романскаго происхожденія, другіе—что германскаго; между тѣмъ, онѣ являются естественнымъ продуктомъ среднихъ вѣковъ, плодомъ все растущаго значенія городовъ, какъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ. Такъ, мы видимъ, что почти одновременно, въ Италіи, во Фландріи, въ Галліи, въ Скандинавіи и даже среди славянъ, гдѣ романское вліяніе сводилось къ нулю, а германское было совсѣмъ ничтожно, въ XI и XII вѣкѣ возникаютъ свободные и независимые города. Въ теченіе трехъ вѣковъ они ведутъ самостоятельную жизнь, а потомъ становятся составными элементами современныхъ государствъ.

Союзы буржуазіи вооружаются для своей защиты и организуются вполнѣ независимо отъ власти свѣтской, духовной и даже королевской. Свободные города процвѣтаютъ и, не смотря на свое стремленіе господству надъ деревнями, заражаютъ крестьянъ духомъ свободы. Nus sumes homes cum il sunt.—«Мы такіе же люди, какъ они», поютъ, крестьяне,—и вѣрными шагами идутъ къ уничтоженію рабства.

Свободные города, эти «пріюты, открытые для трудовой жизни», по своему внутреннему устройству уподобляются лигамъ независимыхъ корпорацій. У каждой корпораціи своя юрисдикція, администрація и милиція. Каждый житель рѣшаетъ самостоятельно всѣ вопросы, касающіеся не только его ремесла или торговли, но и всѣхъ тѣхъ отраслей общественной жизни, которыя позже вошли въ вѣдѣніе государства: обученіе, санитарныя мѣры, уголовныя и гражданскія дѣла, военная защита страны. Эти корпораціи, какъ органы политическіе, промышленные и торговые, объединяются при помощи *форума;* народъ сзывается набатомъ и обсуждаетъ дѣла, касающіеся всего города; онъ разрѣшаетъ споры между отдѣльными корпораціями и устанавливаетъ соглашенія относительно общихъ крупныхъ предпріятій.

Въ коммунѣ среднихъ вѣковъ мы не замѣчаемъ еще признаковъ представительнаго правительства. Вся корпорація, весь городъ, въ полномъ составѣ, принимаютъ участіе въ рѣшеніи общихъ дѣлъ; принципъ большинства не признается, вопросы обсуждаются до тѣхъ

поръ, пока сторонники различныхъ мнѣній не придутъ къ общему соглашенію.

Но возможно ли такое соглашеніе?—Отвѣтомъ служатъ намъ произведенія искусства, которыми мы восторгаемся и до сихъ поръ тщетно пытаясь имъ подражать. Всѣ памятники, завѣщанные намъ концомъ среднихъ вѣковъ, принадлежатъ этимъ городамъ. Соборы, эти величественныя сооруженія, говорящія намъ своими точенными камнями объ исторіи и стремленіяхъ коммунъ, построены свободными корпораціями, которая работали изъ благочестія, любви къ искусству и привязанности къ своему городу; онѣ соперничали между собой въ украшеніи этихъ городовъ, строили роскошныя ратуши и воздвигали величественныя укрѣпленія.

Освобожденнымъ коммунамъ обязаны мы возрожденіемъ искусства. Корпораціямъ купцовъ, чаще всѣмъ жителямъ города, принимавшимъ участіе въ снаряженіи каравана или флота обязаны мы развитію торговли, которое привело къ ганзейскимъ союзамъ и морскимъ открытіямъ. Корпораціямъ промышленниковъ, такъ глупо осмѣяннымъ невѣжествомъ и эгоизмомъ производителей, обязаны мы возникновенію крупной промышленности, которая приноситъ намъ теперь большіе барыши.

Но Коммуна среднихъ вѣковъ должна была погибнуть: ее подтачивали одновременно внутренніе и внѣшніе враги.

Торговля, войны, эгоистическое господство надъ деревнями, способствовали усиленію неравенства между членами Коммуны, обогащая однихъ и разоряя другихъ. Въ теченіе нѣкотораго времени, корпорація препятствовала развитію пролетаріата въ городахъ, но вскорѣ она погибла въ неравной борьбѣ.

Торговля, поддерживаемая грабежомъ, и непрерывныя войны обогащали однихъ и разоряли другихъ. Нарождающаяся буржуазія сѣяла раздоръ и способствовала усиленію имущественнаго неравенства. Населеніе городовъ раздѣлилось на богатыхъ и бѣдныхъ, «бѣлыхъ» и «черныхъ»; зародилась классовая борьба, и съ нею выступило на сцену Государство. По мѣрѣ того, какъ бѣдняки разорялись, порабощенные богачами путемъ ростовщичества и муниципальнаго представительства, въ Коммунѣ утверждалось выборное правительство, т.-е. правительство богачей. Коммуна преобразовалась въ представительное государство съ его муниципальной кассой, наемной милиціей, вооруженными кондотьерами, государственной службой и чиновниками. Какъ маленькое государство, она естественно должна была стать добычей большого государства, которое уже зарождалось подъ покровительствомъ королевской власти. Подточенная изнутри, Коммуна пала подъ натискомъ внѣшняго врага—короля.

Централизованное государство зародилось еще въ періодъ процвѣтанія свободныхъ городовъ.

Оно развивалось вдали отъ шума форума, вдали отъ стремленій, вдохновлявшихъ независимые города. Нарождающаяся королевская власть могла утвердиться лишь въ новомъ городѣ, въ Парижѣ, въ Москвѣ. Чѣмъ былъ король до тѣхъ поръ? Начальникомъ шайки разбой-

никовъ, который взималъ дань со всѣхъ желающихъ купить у него миръ и спокойствіе. Что могъ сдѣлать такой король, запертый въ стѣнахъ свободнаго и независимаго города? Если онъ пытался изъ защитника укрѣпленій стать хозяиномъ города, форумъ его немедленно изгонялъ. Тогда онъ находилъ себѣ пріютъ въ нарождающейся агломераціи, въ новомъ городѣ. Тамъ, пользуясь трудомъ рабовъ, онъ накоплялъ значительныя богатства. Не встрѣчая препятствій со стороны народа, онъ, путемъ денегъ, обмана, интригъ и оружія, способствовалъ развитію централизаціи. Вѣрными его союзниками были непрерывныя войны и нашествія, которыя толкали всѣ европейскіе народы на тотъ же путь.

Коммуны, прошедшія уже въ упадокъ и ставшія сами государствами, послужили ему исходнымъ пунктомъ и образцомъ. Надо было соединить эти Коммуны, захватить въ свои руки всѣ ихъ исполнительные органы и воспользоваться ими, какъ орудіемъ для развитія королевской власти. Такъ и поступали короли; очень осторожные вначалѣ, они становились все грубѣе и безцеремоннѣе по мѣрѣ того, какъ росли ихъ силы.

Писанные законы зародились въ хартіяхъ Коммунъ. Они послужили основой для Государства. Позже, римское право санкціонировало какъ государство, такъ и королевскую власть. Теорія императорской власти, взятая изъ римскихъ учебниковъ, усердно пропагандировалась въ интересахъ короля. Церковь, въ свою очередь, поспѣшила благословить ее и, послѣ тщетной попытки учредить всемірную Имперію, заключила союзъ съ королемъ, при помощи котораго она надѣялась захватить въ свои руки власть надъ всей землей.

Въ теченіе пяти столѣтій королевская власть всѣми силами способствовала процессу агломераціи: она возстановляла Коммуны и рабовъ противъ сеньоровъ, а потомъ подавляла возстанія при помощи тѣхъ же сеньоровъ, ставшихъ ея вѣрными служителями. Королевская власть льстила Коммунамъ и въ то же время ждала, чтобъ междуусобныя войны открыли ей ихъ двери, предоставили кассы и уступили укрѣпленія, куда она поставитъ своихъ наемниковъ. Признавая за Коммунами нѣкоторыя привилегіи, королевская власть все же стремилась ихъ поработить.

Король въ то время былъ исключительно начальникомъ своихъ солдатъ, которые повиновались ему до тѣхъ поръ, пока онъ могъ предоставить имъ добычу. При немъ всегда состоялъ совѣтъ изъ его помощниковъ. Въ XIV или XV вѣкѣ совѣтъ этотъ превратился въ Совѣтъ Дворянства. Позже къ нему присоединился Совѣтъ Духовенства. Когда король распространилъ свою власть на Коммуны, онъ сталъ призывать ко двору—главнымъ образомъ въ критическія эпохи—представителей отъ «своихъ дорогихъ городовъ», чтобы просить у нихъ субсидіи.

Таково происхожденіе парламентовъ. Но, замѣтьте это, права этихъ представительныхъ органовъ, также какъ и королевская власть, были очень ограничены. Къ нимъ обращались только за денежной помощью для войны, да и эта помощь, вотированная делегатами, должна

была быть ратификована городомъ. Во внутреннее управленіе Коммунъ король не вмѣшивался.—«Такой-то городъ готовъ дать такую-то субсидію, чтобъ предотвратить нашествіе. Онъ согласенъ принять вашъ гарнизонъ для укрѣпленія стѣнъ и отраженія врага»,—вотъ какіе мандаты давались въ то время представителямъ. Сравните это съ тѣми неограниченными полномочіями, охватывающими всѣ вопросы жизни, которыя мы даемъ теперь нашимъ депутатамъ!

Но ошибка была допущена, и послѣдствія ея стали неизбѣжны. Королевская власть, развивавшаяся благодаря борьбѣ между бѣдными и богатыми, утвердилась подъ знаменемъ національной защиты. Представители Коммунъ, видя, какъ королевскій дворъ безразсудно расточаетъ ихъ субсидіи, рѣшили положить этому конецъ. Они попытались ограничить королевскую власть и взять въ свои руки управленіе національной кассой. Въ Англіи имъ это удалось, благодаря поддержкѣ аристократіи. Во Франціи, послѣ разгрома Пуатье, они были близки къ завоеванію этихъ правъ; но Парижъ, возставшій подъ вліяніемъ Этьена Марселя, и Жакерія должны были уступить натиску королевской власти, которая почерпнула въ этой побѣдѣ новыя силы.

Съ тѣхъ поръ все способствуетъ централизаціи власти въ рукахъ короля. Субсидіи обращаются въ налоги, и буржуазія спѣшитъ предоставить къ услугамъ короля свои администраторскія способности. Упадокъ коммунъ, подчиняющихся одна за другой власти короля; безсиліе крестьянъ, доведенныхъ до рабства,—если не личнаго, то экономическаго; теорія римскаго права, извлеченная изъ архивовъ юристами, непрерывныя войны,—все способствуетъ утвержденію королевской власти. Короли начинаютъ вмѣшиваться во всѣ проявленія жизни своихъ подданныхъ, и дѣло доходитъ до того, что Людовикъ XIV рѣшается сказать: «Государство—это я!».

Послѣ того короли подчиняются вліянію своихъ куртизанокъ, и ихъ авторитетъ сильно падаетъ; Людовикъ XVI въ началѣ своего царствованія стремится поднять его либеральными мѣрами, но скоро онъ падаетъ жертвой своихъ проступковъ.

Великая Революція стала возможной только благодаря дезорганизаціи центральной власти, проявлявшей въ теченіе четырехъ лѣтъ полное свое безсиліе и сведенной на роль машины, записывающей факты, уже совершившіеся. Возстаніе городовъ и деревень, отказавшихся повиноваться и платить налоги, окончательно вырвало власть изъ рукъ правительства.

Буржуазія не могла примириться съ такимъ положеніемъ вещей. Она прекрасно знала, что народъ, уничтоживъ привилегіи аристократіи, не захочетъ признать привилегій городской и деревенской буржуазіи. Она рѣшила взять въ свои руки власть надъ нимъ, и это ей удалось. Съ этой цѣлью она стала апостоломъ представительнаго правительства и въ продолженіи четырехъ лѣтъ съ присущими ей организаторскими способностями и энергіей работала надъ прове-

деніемъ въ жизнь этой идеи. Ея идеалъ совпадалъ съ идеаломъ Этьена Марселя; онъ состоялъ въ томъ, чтобъ король, облеченный въ теоріи неограниченной властью, на дѣлѣ былъ лишенъ всякой власти парламентомъ, состоящимъ, конечно, изъ представителей буржуазіи. Всемогущество буржуазіи, осуществленное парламентомъ, подъ прикрытіемъ королевской власти,—вотъ ея цѣль. Народъ заставилъ буржуазію принять республику, но она была противъ нея и поспѣшили положить ей конецъ.

Уничтоженіе центральнаго правительства, децентрализація и раздробленіе власти предоставили бы народу рѣшеніе всѣхъ дѣлъ страны и привели бы къ настоящей народной революціи. Вотъ почему буржуазія стремилась усилить центральное правительство, облечь его властью, о которой король и не смѣлъ мечтать, подчинить ему всю Францію,—и потомъ захватить все въ свои руки при помощи Національнаго Собранія.

Этотъ идеалъ якобинцевъ остался до сихъ поръ идеаломъ всей буржуазіи, представительное же правительство служитъ ей орудіемъ для борьбы.

Но можетъ ли этотъ идеалъ быть нашимъ идеаломъ? Могутъ ли соціалисты мечтать о новой буржуазной революціи? Могутъ ли они стремиться усилить центральное правительство, предоставляя ему экономическое господство; передадутъ ли они управленіе всѣми дѣлами, политическими, экономическими и соціальными представительному правительству? Долженъ ли этотъ компромиссъ между королевской властью и буржуазіей стать идеаломъ соціалистовъ?

Конечно, нѣтъ!

Новой экономической фазѣ соотвѣтствуетъ новая политическая фаза. Глубокій переворотъ, о которомъ мечтаютъ соціалисты, не совмѣстимъ съ политическими формами прошлаго. Новое общество, основанное на полномъ равенствѣ всѣхъ условій, на коллективномъ владѣніи орудіями труда, не сумѣетъ приспособиться къ представительному режиму, какими бы преобразованіями ни пытались оживить этотъ трупъ.

Представительный режимъ отжилъ свой вѣкъ. Его исчезновеніе такъ же неизбѣжно, какъ нѣкогда было неизбѣжно его возникновеніе. Этотъ режимъ—режимъ буржуазіи. На немъ основано ея господство и онъ долженъ исчезнуть вмѣстѣ съ ней. Мы, стремящіеся къ Соціальной Революціи, должны найти новый способъ политической организаціи, который соотвѣтствовалъ бы новому способу экономической организаціи.

Способъ этотъ уже намѣченъ. Это переходъ отъ простого къ сложному, это образованіе свободныхъ группъ, организующихся для удовлетворенія многочисленныхъ потребностей всѣхъ членовъ общества.

Современное общество идетъ уже по этому пути. Повсюду свободная группировка, свободная федерація стремятся вытѣснить пассивную покорность. Насчитываютъ уже десятки милліоновъ свободныхъ группъ; новыя возникаютъ ежедневно—и скоро всѣ страсти человѣческой дѣятельности будутъ въ ихъ рукахъ. Наука, искусство, промышленность, торговля, даже защита территоріи, общественная без-

опасность и суды—все будетъ въ ихъ вѣдѣніи. Свободныя группы разростаются, и въ скоромъ будущемъ въ ихъ рукахъ будетъ все то, что прежде составляло прерогативы короля и парламента.

Будущее принадлежитъ свободной группировкѣ заинтересованныхъ лицъ, а не правительственной централизаціи,—свободѣ, а не власти.

Но прежде чѣмъ намѣтить въ общихъ чертахъ организацію, которая возникнетъ изъ свободной группировки, мы должны разрушить всѣ политическіе предразсудки, живущіе и до сихъ поръ въ нашемъ обществѣ. Этимъ мы займемся въ слѣдующихъ главахъ.

Законъ и власть.

I.

«Когда невѣжество господствуетъ въ обществѣ, а безпорядокъ царитъ въ умахъ, новые законы нарождаются съ каждымъ днемъ. Люди ждутъ всего отъ законодательства, и каждый новый законъ является новымъ разочарованіемъ; они требуютъ отъ закона того, что должно исходить отъ нихъ самихъ, чего можно ждать отъ ихъ воспитанія, отъ состоянія ихъ нравовъ».—Приведенныя строки принадлежатъ не революціонеру, даже не реформатору. Это слово Dalloz, автора сборника французскихъ законовъ, извѣстнаго подъ названіемъ «Répertoire de la législation».—Эти строки, написанныя составителемъ и поклонникомъ законовъ, характеризуютъ какъ нельзя лучше анормальное состояніе нашего общества.

Въ современныхъ государствахъ на новый законъ смотрятъ, какъ на вѣрное средство отъ всѣхъ бѣдствій. Вмѣсто того, чтобы самимъ преобразовывать все, признанное негоднымъ, требуютъ изданія предписывающаго реформы. Стала ли непроходимой дорога между двумя деревнями,—крестьянинъ требуетъ изданія закона о проселочныхъ дорогахъ. Обошелся ли грубо съ кѣмъ нибудь лѣсной сторожъ, оскорбленный требуетъ изданія закона, предписывающаго вѣжливость лѣснымъ сторожамъ. Замѣчается ли застой въ торговлѣ или земледѣліи? «Намъ нужны покровительственные законы», говорятъ земледѣльцы, скотоводы и спекуляторы на хлѣбѣ. Даже старьевщикъ требуетъ закона, охраняющаго его жалкую торговлю. Понизитъ ли хозяинъ заработную плату, увеличитъ ли онъ число рабочихъ часовъ,—«нуженъ законъ, который положитъ конецъ этому произволу!»—кричатъ депутаты вмѣсто того, чтобъ внушить рабочимъ, что есть простое и вѣрное средство «положить навсегда конецъ этому произволу»:—отобрать у хозяина все, что онъ отнялъ у цѣлыхъ поколѣній рабочихъ. Словомъ, вездѣ законъ! Законъ о проселочныхъ дорогахъ, законъ о способахъ производства, законъ о бѣшеныхъ собакахъ, законъ о добродѣтели, законъ, какъ преграда всѣмъ порокамъ, всѣмъ бѣдствіямъ—этимъ плодамъ человѣческой безпечности, малодушія и подлости!

Мы всѣ до того испорчены воспитаніемъ, которое съ ранняго

дѣтства убиваетъ въ насъ всякое стремленіе къ свободѣ и самостоятельности и развиваетъ поклоненіе авторитету и подчиненіе власти, до того развращены нашимъ существованіемъ подъ ферулой закона, регулирующаго все: наше рожденіе, наше воспитаніе, развитіе, любовь, дружбу,—что, если это будетъ продолжаться такъ дальше, мы потеряемъ всякую иниціативу, всякую способность мыслить самостоятельно и свободно. Наше общество не способно понять, что можно жить при иномъ режимѣ, чѣмъ режимъ закона, выработаннаго представительнымъ правительствомъ, примѣняемаго горстью правителей; когда ему удается освободиться отъ ига стараго режима, оно спѣшитъ провозгласить новую власть, новыхъ правителей. «Годъ I Свободы» просуществовалъ не болѣе дня; провозгласивъ свою независимость, народъ сейчасъ же сталъ искать новаго ига Закона и Власти.

Вотъ уже тысячи лѣтъ, какъ наши правители твердятъ намъ на всѣ лады: «Уважайте законъ, подчиняйтесь власти!» Отецъ и мать воспитываютъ дѣтей своихъ въ поклоненіи этимъ принципамъ. Школа стремится ихъ утвердить и доказываетъ ихъ необходимость, убивая въ дѣтяхъ способность къ самостоятельному и свободному мышленію и давая имъ лишь спеціально подобранные, жалкіе обрывки знанія; поклоненіе закону она возводитъ въ культъ, подчиненіе требованіямъ учителей—въ религіозные обряды. Героями она считаетъ тѣхъ, кто безпрекословно подчиняется закону и охраняетъ его отъ посягательства всѣхъ свободныхъ людей.

Когда ребенокъ вступаетъ въ жизнь, общество и литература непрерывно, подобно каплѣ, долбящей камень, продолжаютъ внѣдрять ему тотъ же предразсудокъ. Книги по исторіи, политической экономіи и общественнымъ наукамъ дышатъ тѣмъ же уваженіемъ къ закону; даже естественныя науки они умудрились заставить служить этому фетишу. Всѣми силами стараются затемнить нашъ разумъ, и все это для того, чтобъ внушить намъ уваженіе къ этому пресловутому закону. Газеты преслѣдуютъ тѣ же цѣли; вы не найдете въ нихъ ни одной статьи, гдѣ бы не проповѣдывали поклоненія закону, хотя бы на слѣдующей же страницѣ констатировали всю безмысленность этого закона и показывали, какъ смѣшиваютъ его съ грязью тѣ, которые призваны его охранять. Рабское подчиненіе закону стало добродѣтельно; я думаю, не найдется ни одного революціонера, который не былъ бы въ молодости ярымъ защитникомъ закона противъ такъ называемыхъ «злоупотребленій», этихъ естественныхъ и неизбѣжныхъ слѣдствій самаго закона.

Искусство вторитъ наукѣ. Герой скульптора, художника и музыканта защищаетъ своимъ щитомъ законъ и, вдохновенный, съ горящими глазами, готовъ пронзить всякаго, посмѣвшаго посягнуть на его святыню. Закону воздвигаютъ храмы, посвящаютъ верховныхъ жрецовъ, коснуться которыхъ не смѣютъ даже революціонеры. Да и революція, разрушая въ своемъ могучемъ потокѣ пережитки прошлаго, старается закономъ санкціонировать свое дѣло.

Всѣ эти правила, завѣщанныя намъ рабствомъ, крѣпостничествомъ, феодализмомъ и королевской властью и именуемыя Закономъ,

замѣнили тѣ каменныя чудовища, которымъ приносились человѣческія жертвы и къ которымъ порабощенный язычникъ не смѣлъ прикоснуться изъ страха передъ громами небесными.

Культъ закона воцарился со временъ французской революціи, съ момента усиленія буржуазіи. При старомъ режимѣ мало говорили о законахъ; только Монтескье, Руссо и Вольтеръ стремились противопоставить ихъ причудамъ королевской власти. Каждый долженъ былъ подчиняться капризамъ короля и его лакеевъ подъ угрозой быть брошеннымъ въ тюрьму или повѣшеннымъ. Но во время и послѣ революціи адвокаты, достигшіе власти, употребили всѣ усилія, чтобъ утвердить этотъ принципъ, на которомъ они думали построить въ будущемъ свое господство. Буржуазія приняла его, какъ якорь спасенія, какъ плотину отъ надвигающагося народнаго потока. Церковь поспѣшила санкціонировать его, чтобъ спасти свою ладью, готовую погибнуть въ волнахъ этого могучаго потока. Наконецъ, народъ согласился принять его, видя въ немъ нѣкоторую гарантію отъ произвола и жестокостей прошлаго.

Надо перенестись въ XVШ вѣкъ, чтобъ понять отношеніе народа къ закону. Надо проникнуться всѣми ужасами и жестокостями, которые творились въ ту эпоху всемогущими аристократами, ихъ издѣвательствомъ и надругательствомъ надъ простымъ народомъ, чтобъ понять магическое вліяніе на простолюдина словъ: «равенство передъ закономъ, подчиненіе закону, безъ различія происхожденія и состоянія». Съ простолюдиномъ обращались до сихъ поръ хуже, чѣмъ со скотомъ; онъ не могъ добиться суда или защиты и, доведенный до изступленія возмутительными поступками аристократа, убивалъ его изъ мести, и платился за это головой. Законъ, въ теоріи по крайней мѣрѣ, признавалъ равенство аристократа и простолюдина въ ихъ личныхъ правахъ. Каковъ бы ни былъ этотъ законъ, онъ обѣщалъ одинаково относиться къ аристократу и простолюдину, онъ провозглашалъ равенство передъ судомъ богатаго и бѣднаго. Мы знаемъ теперь, что это обѣщаніе было ложью, — но въ ту эпоху оно было шагомъ впередъ, нѣкоторой уступкой справедливости. Вотъ почему, когда буржуазія была въ опасности, ея спасители, Робеспьеры и Дантоны, основываясь на трудахъ философовъ буржуазіи, Руссо и Вольтеровъ, провозгласили «почитаніе закона равнаго для всѣхъ». Народъ, истощенный продолжительной и кровавой борьбой, видя передъ собой хорошо организованнаго противника, пошелъ на компромиссъ. Онъ подставилъ шею подъ ярмо Закона, чтобъ избавиться отъ произвола случайныхъ господъ.

Буржуазія съ тѣхъ поръ усердно эксплуатируетъ этотъ принципъ. Законъ и представительное правительство вотъ все, что дала философія XIX вѣка — этого вѣка буржуазіи. Буржуазія проповѣдывала свою философію въ школахъ, создала свою науку, свое искусство; она всюду вводила законъ, какъ ханжа суетъ свои молитвы. Ея усердіе и энергія довели народъ до того, что въ моментъ пробужденія своего сознанія, стремясь къ свободѣ и уничтоженію всякой власти, онъ обращается къ своимъ правителямъ съ просьбой

поддержать его преобразованіемъ законовъ, созданныхъ этими же самыми правителями.

Но за послѣднее столѣтіе настроеніе умовъ сильно измѣнилось. Все чаще и чаще встрѣчаются люди, которые отказываются подчиняться Закону, если имъ не выяснять каково его происхожденіе, есть ли въ немъ необходимость, откуда взялось обязательство признавать его и подчиняться ему. Надвигающаяся революція — «Революція», а не простое возстаніе, уже потому, что въ наши дни возставшіе подвергаютъ своей критикѣ всѣ основы современнаго общества и прежде всего тотъ фетишъ, которому оно поклоняется,—Законъ.

Они анализируютъ происхожденіе закона и убѣждаются, что въ его основѣ лежатъ или богъ — это созданіе стихійнаго страха дикарей, — или кровавая побѣда, достигнутая огнемъ и мечемъ. Они изучаютъ характеръ закона и убѣждаются, что, отличительная черта его — неподвижность, косность, а не эволюція, между тѣмъ какъ человѣчество развивается непрерывно. Они пытаются узнать, чѣмъ поддерживается законъ, и передъ ними предстаютъ ужасы византизма, жестокости инквизиціи, пытки среднихъ вѣковъ, цѣпи, палица, топоръ палача, темныя подземелья тюремъ, страданія, стоны, плачъ и проклятія. Въ наши дни — все то же: топоръ, ружье, веревка и тюрьма. Съ одной стороны, заключенный, посаженный подобно дикому звѣрю въ желѣзную клѣтку, доведенный до полнаго упадка умственныхъ и нравственныхъ силъ, съ другой — судья, лишенный всякаго человѣческаго чувства, живущій въ мірѣ юридическихъ фикцій, посылающій людей на гильотину съ сладострастіемъ и холоднымъ спокойствіемъ сумасшедшаго, не сознающій даже, до какого паденія онъ дошелъ.

Передъ нами цѣлое племя законодателей, издающихъ законы, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что они дѣлаютъ, вотирующихъ законъ о санитарномъ состояніи городовъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о гигіенѣ, издающихъ приказы о вооруженіи войскъ, не зная ни одной системы ружей, обсуждающихъ реформы по народному образованію и воспитанію, не будучи въ состояніи дать порядочнаго воспитанія своимъ собственнымъ дѣтямъ. Но, издавая законы вкривь и вкось, они никогда не забываютъ придумать наказанія для голышей, точно и опредѣленно рѣшить вопросъ о тюремномъ заключеніи, ссылкѣ на каторгу и преслѣдованіи тѣхъ, которые не подчиняются ихъ требованіямъ. Передъ нами тюремщикъ, идущій вѣрными шагами къ потерѣ всякаго человѣческаго чувства, жандармъ, дрессированный не хуже гончей собаки, сыщикъ, любующійся своими дѣяніями, доносъ, возвеличенный въ доблесть, развратъ, возведенный въ систему. Самыя гнусныя стороны человѣческой природы, самые низкіе пороки поддерживаются и поощряются для торжества Закона.

Мы видимъ все это, и вотъ почему, вмѣсто того, чтобъ безсмысленно повторять старую формулу: «Уваженіе къ закону», мы говоримъ — «Презрѣніе къ закону и ко всѣмъ его атрибутамъ!» Гнусныя и трусливыя слова: «Подчиненіе закону», мы замѣняемъ словами: «Отрицаніе всякихъ законовъ и возстаніе противъ нихъ!» Вспомните

злодѣянія, совершенныя во имя закона, взвѣсьте добро и зло, принесенное имъ, — и вы увидите, что мы правы.

II.

Законъ появился сравнительно недавно: цѣлые вѣка человѣчество жило, не имѣя никакихъ законовъ, ни писанныхъ, ни даже высѣченныхъ на камняхъ, въ видѣ изображеній, при входѣ въ храмы. Въ ту эпоху отношенія между людьми опредѣлялись обычаями и привычками, строгое слѣдованіе которымъ вселяло къ нимъ уваженіе. Каждый, съ ранняго дѣтства, пріобрѣталъ привычку исполнять ихъ наравнѣ съ умѣніемъ добывать себѣ пищу охотой, скотоводствомъ и земледѣліемъ. Всѣ человѣческія общества прошли черезъ эту примитивную фазу, да и теперь большая часть человѣчества не имѣетъ писанныхъ законовъ. Мелкія племена до сихъ поръ руководствуются своими обычаями, у нихъ есть свое «обычное право», какъ говорятъ юристы, свои соціальныя привычки, и этого вполнѣ достаточно для поддерживанія хорошихъ отношеній между членами отдѣльныхъ деревень, племенъ и общинъ. То же самое происходитъ и у культурныхъ народовъ; внѣ большихъ городовъ взаимныя отношенія между жителями устанавливаются не по писаннымъ законамъ законодателей, а по стариннымъ обычаямъ, получившимъ право гражданства. Въ Россіи, Италіи, Испаніи и даже въ большей части Франціи и Англіи, крестьяне не имѣютъ никакого представленія о писанномъ законѣ. Они сталкиваются съ нимъ только при своихъ сношеніяхъ съ государствомъ; для взаимныхъ же отношеній, иногда очень сложныхъ, они пользуются старинными обычаями.

Изучая обычаи первобытныхъ народовъ, мы замѣчаемъ, что ихъ порождаютъ два совершенно различныхъ теченія.

Вслѣдствіе того, что человѣкъ живетъ въ обществѣ, въ немъ выработываются чувства и привычки, необходимыя для сохраненія общества и размноженія расы. Безъ соціальныхъ чувствъ, безъ стремленій къ солидарности, совмѣстная жизнь была бы невозможна. Ихъ создалъ не законъ: они существовали раньше всякихъ законовъ. Ихъ провозгласила не религія: они предшествовали какой бы то ни было религіи и встрѣчаются у всѣхъ животныхъ, живущихъ обществами. Эти чувства и стремленія развиваются сами собой, въ силу необходимости, подобно тѣмъ привычкамъ животныхъ, которыя назвали инстинктами; они являются плодами естественной эволюціи и поддерживаютъ общество въ его борьбѣ за существованіе. Дикари перестаютъ поѣдать другъ друга и приходятъ къ заключенію, что имъ выгоднѣе пріобщиться къ какой-нибудь культурѣ, чѣмъ сохранить за собой право разъ въ годъ полакомиться человѣческимъ мясомъ. Среди племенъ, вполнѣ независимыхъ, не признающихъ ни законовъ, ни властей, убійства изъ-за разныхъ пустяковъ становятся все рѣже и рѣже, такъ какъ привычка къ совмѣстной жизни выработала въ нихъ нѣкоторыя чувства братства и солидарности. Гостепріимство первобытныхъ народовъ, уваженіе къ человѣческой жизни, чувство взаим-

ной отвѣтственности, храбрость и состраданіе, доходящія до самопожертвованія, — всѣ эти качества развиваются у человѣка помимо законовъ, независимо отъ религіи, какъ у всѣхъ общественныхъ животныхъ. Эти чувства и привычки не присущи человѣку (какъ это утверждаютъ священники и метафизики), а являются естественнымъ результатомъ жизни въ обществѣ.

Но на ряду съ этими обычаями, безъ которыхъ немыслима жизнь обществъ и сохраненіе расы, въ человѣческихъ ассоціаціяхъ зарождаются еще другія стремленія, страсти и желанія, а слѣдовательно, и другіе нравы и обычаи. Стремленіе господствовать надъ себѣ подобными и подчинять ихъ своимъ желаніямъ, стремленіе захватывать продукты труда у сосѣднихъ племенъ, стремленіе порабощать людей, заставлять ихъ работать и производить все необходимое, чтобъ самому предаваться наслажденіямъ и праздности, — вотъ что порождаетъ другое эгоистическое теченіе, которое отразилось въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ. Священникъ, — этотъ шарлатанъ, который эксплоатируетъ невѣжество народа и, освободившись самъ отъ суевѣрнаго страха передъ дьяволомъ, стремится внушить его другимъ, и воинъ — этотъ храбрецъ, подстрекающій другихъ къ нападеніямъ и грабежу, чтобъ самому захватить какъ можно больше добычи и рабовъ, употребили всѣ усилія, чтобъ подчинить себѣ первобытныя общества и распространить тѣ обычаи, которыя должны были обезпечить имъ господство намъ массами. Пользуясь безпечностью, малодушіемъ, страхомъ и инертностью толпы, они сумѣли упрочить тѣ обычаи, которыя служатъ и теперь исходнымъ пунктомъ ихъ господства.

Для этого они особенно усердно эксплоатировали рутинный духъ, присущій человѣку и достигающій поразительнаго развитія у дѣтей, дикихъ народовъ и животныхъ. Человѣкъ, зараженный суевѣріемъ, боится всякихъ новшествъ и поклоняется всему старому. Наши отцы придерживались такихъ-то взглядовъ, они прожили свой вѣкъ, воспитали насъ и были болѣе или менѣе счастливы; слѣдуйте ихъ примѣру!» — говорятъ старики молодымъ людямъ, когда эти послѣдніе стремятся ввести какія-либо преобразованія. Неизвѣстное ихъ страшитъ; они цѣпляются за прошлое даже если въ этомъ прошломъ нѣтъ ничего, кромѣ нищеты, угнетенія и рабства. Надо замѣтить, что чѣмъ человѣкъ несчастливѣе, тѣмъ больше онъ боится измѣнить свое положеніе изъ страха стать еще несчастнѣе. Лучъ надежды и тѣнь благосостоянія должны посѣтить его убогую хижину, чтобы онъ сталъ стремиться къ лучшему, критиковать свою прежнюю жизнь и жаждать перемѣнъ. До тѣхъ поръ лока надежда не зародится въ его душѣ, пока онъ не освободится отъ опеки тѣхъ, которые ловко эксплоатируютъ его суевѣріе и страхъ, онъ предпочитаетъ не измѣнять своего положенія. Какъ только молодежь пытается ввести какія-либо преобразованія, старики бьютъ тревогу и возстаютъ противъ новаторовъ. Любой дикарь предпочтетъ умереть, чѣмъ отступить отъ обычаевъ своей страны, такъ какъ съ ранняго дѣтства ему внушали, что малѣйшее отступленіе отъ установленныхъ обычаевъ принесетъ ему несчастіе и станетъ причиной гибели всего его племени. Да и въ наши дни

сколько политическихъ дѣятелей, экономистовъ и, якобы, революціонеровъ поддаются тому же страху и цѣпляются за уплывающее прошлое. Сколько пылкихъ новаторовъ ищутъ прецедентовъ и стремятся слѣпо копировать предшествующія революціи.

Этотъ духъ рутины, порожденный суевѣріемъ, малодушіемъ и трусостью, во всѣ времена былъ могучимъ оружіемъ въ рукахъ угнетателей; въ первобытныхъ обществахъ священники и военно-начальники ловко эксплоатировали его, стремясь увѣковѣчить тѣ обычаи, которые могли обезпечить имъ власть надъ племенами.

Пока начальники могли держать въ своихъ рукахъ власть надъ народомъ, ловко эксплоатируя консервативный духъ его; пока естественныя неравенства между людьми не увеличились въ десять и даже въ сто разъ благодаря концентраціи власти и капитала—не было нужды въ законѣ и поддерживающихъ его судахъ и наказаніяхъ.

Но когда общество раздѣлилось на два враждебныхъ класса, изъ которыхъ одинъ хотѣлъ установить свое господство, а другой стремился избѣжать его ига, между ними завязалась борьба. Въ наши дни побѣдитель старается закрѣпить совершившійся фактъ, сдѣлать его неоспоримымъ, святымъ и почитаемымъ, пользуясь всѣмъ тѣмъ, чему поклоняются побѣжденные.

Законъ появляется на сцену; его санкціонируетъ священникъ, а воинъ предоставляетъ къ его услугамъ свой мечъ. Законъ стремится утвердить обычаи, выгодные для господствующаго меньшинства, а военная сила беретъ на себя обязанность поддерживать полное подчиненіе закону. Эта новая функція является въ рукахъ военныхъ новымъ орудіемъ для утвержденія ихъ власти; они уже не грубая военная сила: они защитники Закона.

Но если Законъ представлялъ бы собою сборникъ предписаній, выгодныхъ только для господствующихъ классовъ, то онъ не былъ бы принятъ, и никто не подчинился бы ему. Вотъ почему законодатели положили въ основу своего кодекса оба теченія обычаевъ, о которыхъ мы говорили: принципы морали и солидарности, выработанные совмѣстной жизнью, и положенія, санкціонирующія неравенство. Обычаи, необходимые для существованія общества, ловко совмѣщены въ этомъ кодексѣ съ принципами, выгодными для господствующихъ классовъ и требуютъ къ себѣ одинаковаго уваженія со стороны народа.—«Не убивай!» говоритъ кодексъ и «плати священнику», сейчасъ же прибавляетъ онъ.—«Не воруй», говоритъ кодексъ и вслѣдъ за этимъ: «Если ты не заплатишь налога, тебѣ отрѣжутъ руку».

Вотъ каковъ Законъ; свой двойственный характеръ онъ сохранилъ и до сихъ поръ. Его происхожденіе—стремленіе господствующихъ классовъ увѣковѣчить обычаи, искусственно навязанные народу для своей выгоды. Его характеръ—ловкое совмѣщеніе обычаевъ полезныхъ для общества—обычаевъ, которымъ не нуженъ законъ, чтобъ ихъ почитали,—съ обычаями, которые предоставляютъ всѣ выгоды господствующимъ классамъ, вредны для массъ и исполняются лишь подъ страхомъ пытокъ.

Законъ, такъ же какъ и частный капиталъ—этотъ плодъ обмана

и насилія, развившійся подъ покровительствомъ Власти,—не имѣетъ права на уваженіе. Рожденный насиліемъ и суевѣріемъ, установленный въ интересахъ священника, побѣдителя и богатаго эксплоататора, законъ долженъ быть уничтоженъ въ тотъ день, когда народъ захочетъ разорвать свои цѣпи.

Мы въ этомъ убѣдимся, изучая въ слѣдующей главѣ позднѣйшее развитіе Закона подъ покровительствомъ религіи, власти и современнаго парламентскаго режима.

III.

Мы видѣли, что законъ произошелъ изъ установившихся обычаевъ и привычекъ, и что онъ представлялъ изъ себя съ самаго начала ловкое совмѣщеніе общественныхъ обычаевъ, необходимыхъ для сохраненія человѣческой расы съ другими обычаями, навязанными тѣми, кто эксплоатируетъ въ свою пользу народныя суевѣрія и право сильнаго. Этотъ двойственный характеръ Закона опредѣляетъ его дальнѣйшее развитіе у культурныхъ народовъ. Но между тѣмъ, какъ сущность обычаевъ общественныхъ, записанныхъ въ Законы, претерпѣваетъ въ теченіе вѣковъ лишь медленное и незначительное измѣненіе,—другая часть обычаевъ быстро развивается въ пользу господствующихъ и въ ущербъ угнетенныхъ классовъ.

Только отъ времени до времени удается вырвать у господствующихъ классовъ какой-нибудь законъ, который представляетъ или, вѣрнѣе, долженъ представлять нѣкоторую гарантію для обездоленныхъ. Но этотъ законъ только и дѣлаетъ, что уничтожаетъ предшествующій, изданный исключительно въ интересахъ—господствующихъ классовъ. «Лучшими изъ законовъ, говоритъ Бокль, были тѣ, которые совершенно уничтожили предшествующіе законы». Но сколькихъ нечеловѣческихъ усилій, какихъ потоковъ крови стоило уничтоженіе каждаго изъ тѣхъ институтовъ, при помощи которыхъ господствующіе классы держатъ народъ въ желѣзныхъ цѣпяхъ. Чтобъ уничтожить послѣдніе остатки рабства и феодальныхъ правъ, чтобъ сломить силу королевской камарильи, Франція должна была пережить четыре года непрерывной революціи и двадцать лѣтъ войны. Чтобъ отмѣнить самый ничтожный изъ несправедливѣйшихъ законовъ, завѣщанныхъ намъ прошлымъ, нужны десятки лѣтъ ожесточенной борьбы; да и то, эти законы исчезаютъ только въ эпохи революцій.

Соціалисты уже много разъ выясняли намъ, каковъ генезисъ Капитала и доказывали, что онъ плодъ войнъ, грабежа, рабства, крѣпостничества, обмана и современной эксплоатаціи. Они показали, какъ онъ былъ вскормленъ кровью народа, и какъ онъ понемногу покорилъ весь міръ. Они должны теперь дать намъ исторію генезиса и развитія Закона.

Народная мысль, какъ всегда, опередила уже кабинетныхъ ученыхъ; она создала философію этой исторіи и поставила ея основныя вѣхи.

Придуманный, чтобъ охранять плоды грабежа, захвата и эксплo-

атаціи, Законъ прошелъ черезъ тѣ же фазы развитія, какъ и Капиталъ. Эти близницы шли рука объ руку, питаясь страданіями и нищетой человѣчества. Ихъ исторія почти одна и та же во всѣхъ странахъ Европы. Стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на развитіе Закона во Франціи или Германіи, чтобъ ознакомиться въ общихъ чертахъ съ фазами его развитія почти во всѣхъ европейскихъ странахъ.

Вначалѣ, Законъ былъ договоромъ или національнымъ контрактомъ. На Марсовомъ полѣ войска и народъ принимали этотъ контрактъ; Майское поле примитивныхъ коммунъ Швейцаріи является памятникомъ той эпохи, несмотря на измѣненія, которому оно подверглось благодаря вмѣшательству буржуазной и централизирующей цивилизаціи. Конечно, этотъ контрактъ не всегда являлся добровольнымъ соглашеніемъ; богатый и сильный уже въ ту эпоху стремились подчинить все своей власти. Но тогда они встрѣчали сопротивленіе своимъ завоевательнымъ попыткамъ со стороны народныхъ массъ, постоянно напоминающихъ имъ о своей силѣ.

По мѣрѣ того, какъ церковь и сеньоръ порабощали народъ, право издавать законы ускользало изъ рукъ всей націи и переходило въ руки привилегированныхъ. Церковь расширяла свои права; поддерживаемая богатствами, скопившимися въ ея несгораемыхъ сундукахъ, она все больше и больше вторгалась въ частную жизнь и подъ предлогомъ спасенія душъ налагала свои руки на трудъ рабовъ; она взимала налоги со всѣхъ классовъ общества и расширяла свою юрисдикцію; она умножала число преступленій и наказаній и обогащалась на счетъ совершенныхъ преступленій, такъ какъ всѣ штрафы стекались въ ея сундуки. Законы перестали считаться съ національными интересами: «они, казалось, издавались соборомъ религіозныхъ фанатиковъ, а не законодателями», замѣчаетъ одинъ изъ спеціалистовъ по исторіи французскаго права.

Въ то же время сеньоръ расширялъ свои права и распространялъ свои власть на земледѣльцевъ и городскихъ ремесленниковъ; онъ сталъ судьей и законодателемъ. Въ X вѣкѣ единственными источниками публичнаго права служили трактаты, опредѣляющіе повинности, барщину и подати рабовъ и вассаловъ сеньора. Законодатели той эпохи—это шайки разбойниковъ, которые организовались для грабежа и угнетенія народа, который становился все болѣе и болѣе миролюбивымъ по мѣрѣ того, какъ онъ предавался земледѣлію. Они эксплоатировали для своей выгоды чувство справедливости, присущее всѣмъ народамъ; они захватили въ свои руки судебную власть, обратили проведеніе принциповъ справедливости въ источникъ дохода и издавали законы, которые должны были служить оплотомъ ихъ господства.

Эти законы, собраны и классифицированные законовѣдами, и легли въ основу нашихъ современныхъ кодексовъ. И намъ еще предлагаютъ уважать эти кодексы—это наслѣдіе священника и барона?

Первой революціи, революціи Коммунъ, удалось уничтожить лишь нѣкоторую часть этихъ законовъ. Хартіи освобожденныхъ коммунъ были по большей части компромиссомъ между сеньоральнымъ или епи-

скопскимъ законодательствомъ и новыми взаимоотношеніями, зарожденными въ нѣдрахъ самой Коммуны. Но какая разница между тѣми законами и нашими современными законами! Коммуна не позволяла себѣ заключать въ тюрьмы и посылать на гильотину своихъ гражданъ ради государства; она ограничивалась тѣмъ, что изгоняла всѣхъ вступившихъ въ заговоръ съ врагами Коммуны. Большею частью, такъ называемые «преступленія и проступки» она облагала штрафами; въ Коммунахъ XII вѣка признавался тотъ вполнѣ естественный и забытый теперь принципъ, что вся Коммуна отвѣчаетъ за проступки каждаго своего члена. Общество того времени смотрѣло на преступленіе, какъ на случайность или несчастіе—таковъ и до сихъ поръ взглядъ русскаго крестьянина,—не признавало личной мести, проповѣдуемой библіей, и понимало, что вина за каждый проступокъ падаетъ цѣликомъ на все общество. Потребовалось все могучее вліяніе византійской церкви, перенесшей на Западъ утонченную жестокость восточныхъ деспотовъ, чтобы ввести въ обычаи галловъ и германцевъ смертную казнь и пытки; потребовалось все вліяніе римскаго гражданскаго кодекса, этого продукта разложенія императорскаго Рима, чтобъ ввести начало неограниченной земельной собственности и уничтожить коммунистическіе обычаи первобытныхъ народовъ.

Мы знаемъ, что свободныя Коммуны должны были погибнуть: онѣ сдѣлались добычей королевской власти. По мѣрѣ усиленія королевской власти право законодательства сосредоточивалось въ рукахъ горсти царедворцевъ. Обращались къ народу только для санкціонированія налоговъ, назначенныхъ королемъ. Парламенты, созываемые на разстояніи двухъ вѣковъ по капризу двора, «экстренныхъ совѣтовъ», «засѣданій нотаблей», гдѣ министры едва выслушивали «жалобы» королевскихъ подданныхъ,—вотъ ихъ законодательные органы. Позже когда вся власть сосредоточилась въ рукахъ одного лица, провозглашавшаго «Государство—это я»,—«въ тайникахъ королевскаго совѣта», въ зависимости отъ минутной фантазіи министра или короля-самодура фабриковались различные указы, которымъ подъ страхомъ смерти должны были покоряться всѣ подданные. Судебныя гарантіи были уничтожены, народъ сталъ рабомъ королевской власти и горсти царедворцевъ; примѣнялись самыя ужасныя наказанія: колесованіе, сжиганіе на кострахъ, четвертованіе и всевозможныя пытки,—продуктъ больной фантазіи монаховъ и буйно-помѣшанныхъ, находящихъ наслажденіе въ мученіяхъ своихъ жертвъ,—вотъ что появилось на сцену въ ту эпоху.

Великая революція положила начало уничтоженію законовъ, завѣщанныхъ намъ феодализмомъ и королевской властью. Разрушивъ нѣкоторыя части стараго зданія, революція передала законодательное право въ руки буржуазіи, которая въ свою очередь начала воздвигать новое сооруженіе законовъ, предназначенныхъ стать основой и поддержкой ея господства надъ массами. Въ своихъ парламентахъ буржуазія издаетъ безчисленное множество законовъ, и груды бумагъ накопляются съ неимовѣрной быстротой. Но что, въ сущности говоря, представляютъ изъ себя эти законы?

Большая часть изъ нихъ имѣетъ цѣлью покровительствовать частной собственности, т. е. накопленію богатствъ путемъ эксплоатаціи человѣка человѣкомъ; они стремятся открыть капиталу новое поле для эксплоатаціи, санкціонировать новыя формы, которыя принимаетъ эксплоатація по мѣрѣ того, какъ Капиталъ захватываетъ все новыя и новыя отрасли человѣческой жизни: желѣзныя дороги, телеграфъ, электрическое освѣщеніе, заводскую промышленность, литературу, науку и т. д. Остальные законы преслѣдуютъ ту же цѣль; они поддерживаютъ правительственную машину, которая гарантируетъ Капиталу эксплоатацію и захватъ всѣхъ богатствъ. Судебная власть, полиція, армія, народное просвѣщеніе, финансы—все служитъ одному и тому же богу: Капиталу, все стремится облегчить эксплоатацію рабочаго капиталистомъ. Проанализируйте законы, изданные за послѣдніе восемьдесятъ лѣтъ,—и вы убѣдитесь въ этомъ. Защитники Закона говорятъ, что его миссіей является огражденіе правъ отдѣльныхъ лицъ, но, въ сущности говоря, въ нашемъ законодательствѣ это огражденіе занимаетъ послѣднее мѣсто; въ современномъ обществѣ нападенія на отдѣльныхъ лицъ изъ личной мести или жестокости замѣтно исчезаютъ. Теперь убиваютъ большей частью ради грабежа, а не изъ личной мести и, если число подобнаго рода преступленій уменьшается съ каждымъ днемъ, то мы этому обязаны, конечно, не законодательству, а гуманитарному развитію нашего общества и его соціальнымъ привычкамъ. Пусть завтра уничтожатъ всѣ законы, ограждающіе права отдѣльныхъ лицъ, пусть перестанутъ преслѣдовать за подобныя преступленія, и число покушеній, внушенныхъ личной местью или жестокостью, нисколько не увеличится.

Намъ возразятъ, можетъ быть, что за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ было издано достаточное количество либеральныхъ законовъ. Но стоитъ только вникнуть въ сущность этихъ законовъ, и мы поймемъ, что они только отмѣняютъ законы, завѣщанные намъ варварствомъ предыдущихъ вѣковъ. Всѣ либеральные законы, всѣ радикальныя программы могутъ быть выражены словами: уничтоженіе законовъ, ставшихъ помѣхой даже для самой буржуазіи, и возвратъ къ свободѣ коммунъ XII вѣка, распространенной на всѣхъ гражданъ. Уничтоженіе смертной казни, судъ присяжныхъ для всѣхъ «преступленій» (судъ присяжныхъ, болѣе либеральный чѣмъ современный, существовалъ въ XII вѣкѣ), выборная магистратура, право преданія суду чиновниковъ, упраздненіе постояннаго войска, свобода собраній, свободное обученіе, словомъ, все, что приписываютъ современному либерализму, является возвратомъ къ свободѣ, существовавшей до тѣхъ поръ, пока церковь и король не наложили своихъ цѣпей на человѣчество.

Покровительство эксплоатаціи,—прямое въ изданіи законовъ о правѣ собственности и косвенное въ поддержкѣ государства—вотъ сущность современныхъ кодексовъ, вотъ главная забота дорого-стоющихъ уловокъ нашего законодательства. Но пора перестать обмѣни-

ваться фразами и дать себѣ отчетъ въ томъ, что изъ себя представляютъ въ дѣйствительности законы. Законы, которые были вначалѣ сборникомъ обычаевъ, необходимыхъ для охраненія общества,—стали теперь исключительно орудіемъ для поддержки эксплоатаціи и господства праздныхъ богачей надъ трудящимися массами. Культурная миссія Закона теперь сведена къ нулю, единственнымъ его назначеніемъ является поддержка эксплоатаціи.

Вотъ что намъ говоритъ исторія развитія Закона. Неужели мы должны поклоняться одному имени Закона! Конечно, нѣтъ! Онъ не имѣетъ права на наше уваженіе, такъ же какъ и капиталъ, этотъ продуктъ грабежа. Революціонеры XIX вѣка должны будутъ первымъ дѣломъ предать ауто-да-фе всѣ существующіе законы, какъ они это сдѣлаютъ съ документами на собственность.

IV.

Изучая милліоны законовъ, которые тяготѣютъ надъ человѣчествомъ, мы видимъ, что они могутъ быть раздѣлены на три главныхъ категоріи: покровительство собственности, покровительство правительству, покровительство отдѣльнымъ лицамъ. Анализируя эти три категоріи, мы приходимъ къ слѣдующему логическому и необходимому заключенію: *безплодность и вредъ Закона.*

Что касается покровительства собственности, соціалисты хорошо знаютъ, какова ей цѣна. Законы о правѣ собственности не гарантируютъ ни отдѣльнымъ индивидуумамъ, ни обществу пользованія продуктами ихъ труда. Напротивъ, они отнимаютъ у производителя часть его производства и закрѣпляютъ за нѣкоторыми привилегированными ту часть продуктовъ, которую эти избранные похитили у производителей или у общества. Когда законъ утверждаетъ права даннаго лица на какой-нибудь домъ, онъ утверждаетъ его право не на хижину, построенную имъ самимъ, и не на домъ, воздвигнутый имъ съ помощью нѣсколькихъ друзей,—никто не сталъ бы оспаривать у него этого права. Законъ утверждаетъ права этого лица на домъ, который не является продуктомъ его труда, во-первыхъ потому, что его строили тѣ, которымъ онъ не уплатилъ всей стоимости ихъ работы, и во вторыхъ потому, что этотъ домъ представляетъ собой общественную цѣнность, которую онъ не могъ бы произвести одинъ: законъ утверждаетъ права этого лица на часть общественнаго достоянія, принадлежащимъ *всѣмъ* и никому въ частности. Стоимость дома всецѣло зависитъ отъ того, заброшенъ ли онъ гдѣ-нибудь въ Сибири или стоитъ въ центрѣ большого города; здѣсь онъ пріобрѣлъ цѣнность благодаря труду нѣсколькихъ десятковъ поколѣній, которые основали этотъ городъ, украсили его, снабдили водою, газомъ, красивыми бульварами, построили университеты, театры, магазины, желѣзныя дороги и всевозможные пути сообщенія. Признавая права даннаго лица на какой-нибудь домъ въ Парижѣ, Лондонѣ или Руанѣ, законъ—несправедливо—отдаетъ ему въ собственность часть продуктовъ труда всего человѣчества. Именно потому, что такое присвоеніе является вопіющей несправедливостью (всѣ остальныя формы собственности носятъ тотъ же характеръ), пришлось для его утвержденія противопоставить

здравому смыслу человѣчества и чувству справедливости, присущему всѣмъ людямъ, цѣлый арсеналъ законовъ и многочисленную армію солдатъ, полицейскихъ и судей.

Половина нашихъ законовъ, — гражданскіе кодексы всѣхъ странъ,—имѣютъ цѣлью способствовать этому присвоенію, поддерживать эту монополію нѣсколькихъ избранныхъ въ ущербъ всему человѣчеству. Три четверти дѣлъ, разбираемыхъ въ нашихъ судахъ, это ссоры между монополистами—ворами, дѣлящими добычу. Большая часть нашихъ уголовныхъ законовъ преслѣдуетъ ту же цѣль: они стремятся удержать рабочаго въ состояніи полнаго подчиненія хозяину и способствуютъ эксплоатаціи.

Но нѣтъ ни одного закона, который бралъ бы на себя обязанность гарантировать производителю продукты его труда. Это настолько просто и естественно такъ вошло въ нравы и привычки человѣчества, что законъ даже не подумалъ объ этомъ. Открытый грабежъ съ оружіемъ въ рукахъ немыслимъ въ наше время; люди труда не отнимаютъ другъ у друга продуктовъ своего труда; въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній, они обращаются не къ закону, а къ содѣйствію третьяго лица; если кто-нибудь и рѣшается присвоивать продукты чужого труда, то это именно хозяинъ—собственникъ, который предъявляетъ свои права на львиную долю. Что же касается человѣчества вообще, оно и безъ спеціальныхъ законовъ всегда признавало и уважаетъ право каждаго на продукты его труда.

Всѣ эти законы о правахъ собственности, составляющіе цѣлые томы и изданные на радость нашимъ адвокатамъ, преслѣдуютъ одну единственную цѣль: покровительство несправедливому присвоенію монополистами продуктовъ труда всего человѣчества, и потому они не имѣютъ никакого raison d'être; соціалисты-революціонеры твердо рѣшили освободиться отъ нихъ въ день революціи. Съ полнымъ сознаніемъ своего права мы передадимъ ауто-да-фе всѣ законы, касающіеся такъ называемыхъ «правъ собственности», всѣ документы на собственность, всѣ архивы,—словомъ все то, что имѣетъ отношеніе къ этому институту, который подобно рабству и крѣпостничеству прошлыхъ вѣковъ, является позорнымъ пятномъ въ исторіи человѣчества.

Все, что мы говорили относительно законовъ о правахъ собственности, примѣнимо и ко второй категоріи законовъ,—къ законамъ конституціоннымъ, къ законамъ поддерживающимъ правительство.

Это цѣлый арсеналъ законовъ, указовъ, предписаній и т. п., покровительствующихъ всевозможнымъ формамъ представительнаго правительства, изъ-подъ ига котораго стремятся освободиться всѣ человѣческія общества. Мы прекрасно знаемъ—анархисты неоднократно намъ доказывали это безпощадной критикой существующихъ формъ правленія,—что единственной миссіей всѣхъ правительствъ,—монархическихъ, конституціонныхъ и республиканскихъ, является покровительство и поддержка путемъ вооруженной силы привилегій имущихъ классовъ: аристократіи, духовенства и буржуазіи. Большая часть нашихъ законовъ,—законовъ «основныхъ», законовъ о налогахъ, пошлинахъ, ор-

ганизаціи министерствъ и ихъ канцелярій, объ арміи, полиціи, церкви и т. д.—ихъ наберется нѣсколько десятковъ тысячъ въ каждой странѣ,—имѣетъ единственною цѣлью поддерживать, обновлять и развивать правительственную машину, которая, въ свою очередь, заботится исключительно о привилегіяхъ имущихъ классовъ. Вникните въ смыслъ всѣхъ этихъ законовъ, прослѣдите за ихъ дѣйствіями изо дня въ день, и вы убѣдитесь, что они всѣ должны быть уничтожены—всѣ, начиная отъ тѣхъ, которые отдали коммуны, связанныя по рукамъ и ногамъ, во власть священнику, буржуа и префекту, и кончая той знаменитой конституціей (девятнадцатой или двадцатой со временъ 1780 года), которая дала намъ палату кретиновъ и грабителей, ведущую насъ къ диктатурѣ какого-нибудь авантюриста или къ правленію коронованнаго сумасброда.

Словомъ, относительно законовъ этой категоріи не можетъ быть никакого сомнѣнія. Не только анархисты, но и всѣ болѣе или менѣе революціонно настроенные буржуа пришли къ заключенію, что всѣ законы, касающіеся организаціи правительства, должны быть преданы огню.

Остается еще третья категорія законовъ, самая важная, такъ какъ съ ней связано множество предразсудковъ: законы объ огражденіи правъ отдѣльныхъ лицъ, о наказаніяхъ и о предупрежденіи «преступленій». Если теперь и считаются съ закономъ, то исключительно потому, что эту третью категорію законовъ признаютъ безусловно необходимой для обезпеченія полной безопасности отдѣльнымъ членамъ общества. Это тѣ законы, которые развились изъ обычаевъ, необходимыхъ для существованія человѣческихъ обществъ и ловко эксплоатировались господствующими классами для санкціонированія ихъ господства. Власть начальниковъ племени, богатыхъ семействъ въ коммунахъ и короля была основана на томъ, что эти люди исполняли должности судей; и до сихъ поръ, когда утверждаютъ необходимость существованія правительства, указываютъ главнымъ образомъ на его функцію, какъ верховнаго судьи.—«Безъ правительства люди передушатъ другъ друга», говорятъ деревенскіе мудрецы.—«Конечно, цѣль всякаго правительства, говоритъ Боркъ, дать каждому обвиняемому двѣнадцать честныхъ присяжныхъ засѣдателей».

Но, несмотря на всѣ существующія предразсудки, анархисты должны заявить во всеуслышаніе, что и эта категорія законовъ такъ же не нужна и даже вредна, какъ и предшествующія.

Двѣ трети и даже три четверти такъ называемыхъ «преступленій» совершаются съ цѣлью захвата богатствъ, принадлежащихъ другому лицу. Эта категорія «преступленій и проступковъ» исчезнетъ въ тотъ день, когда перестанетъ существовать частная собственность.

«Но, скажутъ намъ, среди насъ есть люди — скоты, которые будутъ покушаться на жизнь гражданъ, наносить другъ другу удары ножами при малѣйшей ссорѣ, мстить за пустяшную обиду убійствомъ, если не будетъ законовъ и наказаній, чтобъ ихъ сдерживать». Вотъ припѣвъ, который намъ постоянно повторяютъ, какъ только мы высказываемъ сомнѣніе относительно права общества прибѣгать къ наказа-

ніямъ. На это мы можемъ возразить слѣдующимъ установленнымъ положеніемъ: строгость наказаній не уменьшаетъ числа «преступленій». Вѣшайте, четвертуйте, если это вамъ угодно, убійцъ, число убійствъ отъ этого нисколько не уменьшится. И потому, уничтожьте смертную казнь; по крайней мѣрѣ, однимъ убійствомъ будетъ меньше. Статистики и законовѣды признаютъ, что уменьшеніе строгости наказаній никогда не приводило къ увеличенію числа покушеній на жизнь гражданъ.

Съ другой стороны, хорошій урожай, дешевизна хлѣба, тепло, солнце — уменьшаютъ число убійствъ. Статистикой доказано, что число преступленій растетъ пропорціонально цѣнѣ съѣстныхъ припасовъ и въ зависимости отъ хорошей или дурной погоды. Я не говорю, что причиной всѣхъ убійствъ служитъ голодъ. Но хорошій урожай, дешевизна съѣстныхъ припасовъ дѣлаетъ людей менѣе несчастными и болѣе жизнерадостными; они не предаются мрачнымъ мыслямъ, угрюмымъ страстямъ и не убиваютъ изъ-за пустяковъ себѣ подобныхъ.

Кромѣ того, мы знаемъ, что страхъ передъ наказаніемъ никогда не останавливалъ ни одного убійцу. Тотъ, кто рѣшился убить своего сосѣда изъ мести или нужды, мало заботится о послѣдствіяхъ своего преступленія; нѣтъ убійцы, который бы не вѣрилъ въ возможность избѣжать преслѣдованія. Впрочемъ, пусть каждый проанализируетъ сущность преступленій и наказаній, вникнетъ въ ихъ мотивы и послѣдствія и, если онъ способенъ мыслить, не поддаваясь вліянію предвзятыхъ идей, то онъ неизбѣжно придетъ къ слѣдующему заключенію:

Не только въ обществѣ будущаго, гдѣ человѣкъ будетъ получать хорошее образованіе, гдѣ развитіе всѣхъ его способностей и возможность ихъ примѣненія къ любимому дѣлу будутъ доставлять ему такое наслажденіе, что изъ боязни лишиться его, онъ не совершитъ убійства, но даже въ нашемъ обществѣ, съ тѣми печальными продуктами нищеты, которые мы видимъ въ кабакахъ большихъ городовъ,— число убійствъ не увеличится въ тотъ день, когда наказанія перестанутъ угрожать убійцамъ; возможно даже, что оно уменьшится, такъ какъ придется исключить число убійствъ, совершенныхъ рецидивистами, озвѣрѣвшими въ нашихъ же тюрьмахъ».

Защитники власти намъ постоянно говорятъ о благотворномъ вліяніи закона и о цѣлительномъ свойствѣ наказаній. Но пытались ли они когда-либо сопоставить благодѣянія, приписываемыя закону и наказаніямъ, съ растлѣвающимъ вліяніемъ наказаній на человѣчество? Пусть они себѣ представятъ, сколько низкихъ страстей пробуждали въ зрителяхъ тѣ ужасныя пытки, которымъ подвергались преступники на нашихъ улицахъ. Кто лелѣялъ и развивалъ въ человѣкѣ инстинкты жестокости (инстинкты, незнакомые животнымъ и превратившіе человѣка въ самаго жестокаго звѣря), какъ не король, судьи и священникъ; вооружившись закономъ, они безумно терзали свои жертвы: ломали имъ кости, выворачивали конечности, вырѣзали куски мяса, заливали свѣжія раны кипящей смолой — и все это для поддержанія своей власти и во имя закона! Пусть они вглядятся въ

могучій потокъ разврата, который вноситъ въ наше общество система доносовъ, поддерживаемая судьями, оплачиваемая звонкой монетой правительства, подъ предлогомъ раскрытія преступленій. Пусть они пойдутъ къ заключеннымъ и посмотрятъ, чѣмъ становится человѣкъ, лишенный свободы, въ развращающей атмосферѣ нашихъ тюремъ; пусть они поймутъ, что, чѣмъ больше преобразовываютъ наши дома заключенія, тѣмъ они становятся отвратительнѣе и что современныя образцовыя тюрьмы дѣйствуютъ болѣе растлѣвающимъ образомъ, чѣмъ подземелья средневѣковыхъ замковъ. Пусть прослѣдятъ за развратомъ мысли, поддерживаемомъ въ нашемъ обществѣ *идеями подчиненія*, — этой основой Закона, — идеями наказанія и власти, имѣющей право судить и карать; пусть представятъ себѣ все растлѣвающее вліяніе существованія должностей палача, тюремщика, доносчика, — словомъ, все зло, приносимое этимъ сложнымъ сооруженіемъ, именуемымъ Закономъ и Властью. Пусть они вникнутъ во все это; и тогда они согласятся съ нами, что законъ и карательныя мѣры — это ужасы, которые должны исчезнуть.

Народы, менѣе культурные и, слѣдовательно, менѣе зараженные предразсудками о необходимости власти, прекрасно понимаютъ, что тотъ, кого называютъ «преступникомъ», въ сущности говоря, несчастный человѣкъ; они знаютъ, что безцѣльно сѣчь, заковывать въ цѣпи, гноить въ тюрьмахъ или приговаривать къ смертной казни преступника; надо помогать ему, облегчать его страданія братской заботливостью, обращаться съ нимъ, какъ съ равнымъ, поселить его среди честныхъ людей. Мы надѣемся, что будущая Революція крикнетъ человѣчеству:

— «Сожжемъ гильотины, разрушимъ тюрьмы, прогонимъ судей, полицейскихъ, доносчиковъ — все это гнусное отродье; будемъ обращаться, какъ съ братьями, съ тѣми, которыхъ страсти довели до преступленія; лишимъ всѣхъ крупныхъ преступниковъ, эти гнусные продукты буржуазной праздности, возможности выставлять на показъ свои пороки подъ соблазнительными формами, — и тогда въ нашемъ обществѣ почти не будетъ преступленій!

Преступленіямъ способствуютъ (кромѣ праздности) Законъ и Власть: законы о правахъ собственности, законы о правительствѣ, законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ и Власть, которая беретъ на себя обязанность издавать законы и слѣдить за ихъ исполненіемъ».

Долой законы, долой судей! Свобода, Равенство и Солидарность, вотъ тѣ принципы, та неразрушимая плотина, которую мы можемъ противопоставить анти-соціальнымъ инстинктамъ извѣстной части нашего общества.

Революціонное правительство.

I.

Современныя правительства должны пасть, чтобъ свобода, равенство и братство перестали быть словами и облеклись въ реальную форму. Всѣ виды правительства, испытанные до сихъ поръ, были лишь различными формами угнетенія и должны быть замѣнены новой

формой группировки; на этомъ сходятся всѣ, болѣе или менѣе революціонно-настроенные, члены нашего общества. Да и не надо быть новаторомъ, чтобъ придти къ этому заключенію; пороки современныхъ правительствъ и невозможность ихъ преобразовать такъ очевидны, что бросаются въ глаза каждому мало-мальски разумному наблюдателю. Мы знаемъ, что въ извѣстныя эпохи низвергнуть правительство почти ничего не стоитъ. Есть моменты, когда правительства, подобно карточнымъ домикамъ, рушатся почти сами собой отъ малѣйшаго натиска возставшаго народа. Мы это видѣли въ 1848 и въ 1870 году; мы это увидимъ въ скоромъ будущемъ.

Низвергнуть правительство — вотъ конечная цѣль для революціонера-буржуа. Для насъ же это только начало Соціальной Революціи. Когда Государственная машина лопнетъ, когда іерархія чиновниковъ будетъ дезорганизована, и солдаты потеряютъ довѣріе къ своимъ начальникамъ, словомъ, когда армія защитниковъ Капитала будетъ побѣждена, — передъ нами предстанетъ великое дѣло разрушенія институтовъ, стремящихся увѣковѣчить экономическое и политическое рабство. Положимъ, свобода дѣйствій пріобрѣтена, — что же будутъ дѣлать революціонеры?

На этотъ вопросъ только анархисты отвѣчаютъ: «Долой правительство, да здравствуетъ анархія!» Всѣ же остальные провозглашаютъ «революціонное правительство». Разногласіе между ними происходитъ лишь относительно формы, которую нужно будетъ дать правительству, избранному путемъ всеобщей подачи голосовъ, въ Государствѣ или въ Коммунѣ. Нѣкоторые же высказываются за революціонную диктатуру.

«Революціонное правительство!» Какъ странно звучатъ эти два слова для тѣхъ, которые понимаютъ чѣмъ должна быть Соціальная Революція и что такое правительство. Эти два слова противорѣчатъ другъ другу, взаимно уничтожаются. Мы знаемъ, что изъ себя представляетъ деспотическое правительство; — стоять за реакцію противъ революціи, стремиться къ деспотизму — вотъ сущность всякаго правительства; но никто никогда не видѣлъ революціоннаго правительства. Революція — это синонимъ «безпорядка», низверженія въ нѣсколько часовъ вѣковыхъ институтовъ, насильственнаго разрушенія установившихся формъ собственности, уничтоженія кастъ, внезапнаго перерожденія взглядовъ на нравственность, вѣрнѣе на заступающее ея мѣсто лицемѣріе, синонимъ личной свободы и свободы дѣйствій, — словомъ отрицаніе правительства, этого синонима «порядка», консерватизма, сохраненія существующихъ институтовъ, отрицанія частной иниціативы и свободы дѣйствій. И, тѣмъ не менѣе, намъ безпрестанно говорятъ объ этомъ «бѣломъ дроздѣ», какъ будто бы «революціонное правительство» — самая обыденная вещь на свѣтѣ, столь же знакомая всѣмъ и каждому, какъ королевство, имперія или папство.

Революціонеры изъ буржуазіи должны проповѣдывать эту идею; оно вполнѣ понятно. Мы знаемъ, что они называютъ революціей. Это подштукатуриваніе буржуазной республики; это захватъ, такъ

называемыми, республиканцами, доходныхъ должностей, сосредоточенныхъ сейчасъ въ рукахъ бонапартистовъ и роялистовъ; это разрывъ брака между Церковью и Государствомъ, замѣненный ихъ конкубинатомъ; это секвестрація церковныхъ имуществъ въ пользу Государства, вѣрнѣе, въ пользу управляющихъ этими имуществами; быть можетъ, это референдумъ, или что-либо въ этомъ родѣ... Но что революціонеры-соціалисты стали апостолами этой идеи — абсолютно непонятно, если не допустить слѣдующихъ двухъ предположеній. Или ея защитники такъ заражены буржуазными предразсудками, которые они почерпнули, можетъ быть, даже безсознательно, въ литературѣ и, главнымъ образомъ, въ исторіи, сфабрикованной спеціально для буржуазіи самими буржуа, такъ проникнуты духомъ рабства, этимъ плодомъ долгихъ вѣковъ крѣпостничества, что они не способны даже представить себѣ, что могутъ быть свободными. Или же приверженцы этой идеи вовсе не хотятъ той Революціи, о которой они безпрестанно говорятъ: они удовлетворятся нѣкоторымъ преобразованіемъ существующихъ институтовъ, лишь бы это обезпечило имъ власть. Они борются съ правительствомъ исключительно для того, чтобъ какъ можно скорѣе занять его мѣсто. Съ ними мы и не станемъ разсуждать. Поговоримъ съ тѣми, которые искренно заблуждаются.

Разберемъ первую изъ двухъ провозглашенныхъ формъ «революціоннаго правительства» — правительство выборное.

Королевская власть низвергнута, армія защитниковъ Капитала побѣждена, вездѣ броженіе, жажда работать для общаго дѣла, стремленіе впередъ. Возникаютъ новыя идеи, сознается необходимость коренныхъ перемѣнъ, — надо дѣйствовать, надо приняться за безпощадную работу разрушенія, чтобъ очистить путь для новой жизни. Что же предлагаютъ намъ дѣлать? — Созвать народъ для выборовъ, провозгласить правительство и передать ему ту работу, которую каждый изъ насъ долженъ дѣлать самъ, руководствуясь своей собственной иниціативой.

Такъ и сдѣлалъ Парижъ послѣ 18 марта 1871 года. — «Я никогда не забуду, — говорилъ мнѣ одинъ пріятель, — этихъ чудныхъ моментовъ освобожденія. Я спустился изъ своей маленькой комнаты въ латинскомъ кварталѣ, чтобъ войти въ этотъ огромный клубъ подъ открытымъ небомъ, чтобъ смѣшаться съ толпой, наводнявшей улицы Парижа. Всѣ обсуждали общее дѣло; всякая личная забота была на время отложена: дѣло шло не о куплѣ и продажѣ, всѣ были готовы душой и тѣломъ ринуться въ неизвѣстное будущее. Даже буржуа, захваченные общимъ порывомъ, съ ликованіемъ смотрѣли, какъ открывался новый міръ. «Если нужна соціальная революція,—произведемъ ее: пусть все станетъ общимъ достояніемъ; мы готовы!» Элементы революціи были на лицо: надо было употребить ихъ въ дѣло. Придя вечеромъ домой, я подумалъ: «Какъ человѣчество прекрасно! Его не знаютъ и всегда клевещутъ на него!» Потомъ наступили выборы, члены Коммуны были назначены, — и понемногу потухла сила самоотверженія и усердіе къ дѣлу. Каждый принялся за

свою обычную работу, говоря: «Теперь у насъ есть честное правительство; предоставимъ ему поступать какъ оно хочетъ»... Мы знаемъ, каковы были послѣдствія.

Народъ, вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать самостоятельно, идти впереди, смѣло ринуться навстрѣчу новому порядку вещей, передалъ своимъ правителямъ право иниціативы. Вотъ первое послѣдствіе — неизбѣжный результатъ выборовъ. Что же будутъ дѣлать эти правители, облеченные всеобщимъ довѣріемъ?

Никогда выборы не были такъ свободны, какъ въ мартѣ 1871 г. Даже враги Коммуны признали это. Никогда избиратели не были такъ проникнуты желаніемъ поставить у кормила правленія лучшихъ людей, людей будущаго, революціонеровъ. Такъ они и сдѣлали. Всѣ извѣстные революціонеры были избраны подавляющимъ большинствомъ; якобинцы, бланкисты, интернаціоналисты, всѣ три революціонныхъ фракціи имѣли своихъ представителей въ Совѣтѣ Коммуны. Выборы не могли дать лучшаго правительства.

Мы знаемъ, каковы были результаты. Запертые въ Городской Думѣ, обязанные дѣйствовать, придерживаясь формъ установленныхъ предшествующими правительствами, эти ярые революціонеры, эти реформаторы потеряли способность что-либо создать. Несмотря на ихъ страстное желаніе, на ихъ храбрость, они не сумѣли организовать даже защиту Парижа. Теперь въ этомъ обвиняютъ отдѣльныхъ личностей; но причина неудачи не въ нихъ, а въ самой системѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, собраніе, избранное при всеобщей подачѣ голосовъ, будетъ въ лучшемъ случаѣ состоять изъ представителей средняго уровня понятій, распространенныхъ въ данное время въ массахъ; но въ началѣ революціи эти представители не понимаютъ даже, что предстоитъ совершить и абсолютно не знаютъ, какъ взяться за дѣло. Ахъ, если бы большая часть націи или Коммуны могла до начала движенія сговориться и опредѣлить, что дѣлать, какъ только правительство будетъ низвергнуто! Если бы эта мечта кабинетныхъ утопистовъ могла бы быть осуществлена, у насъ никогда бы не было кровавыхъ революцій: когда желаніе большинства націи было бы опредѣленно высказанно, меньшинство добровольно подчинилось бы ему. Но на дѣлѣ выходитъ иначе. Революція разражается задолго до того, какъ можетъ быть установлено общее соглашеніе, и тѣ, которые понимаютъ, что надо дѣлать на другой день послѣ взрыва, составляютъ въ этотъ моментъ лишь незначительное меньшинство. Большая часть народа лишь въ общихъ чертахъ представляетъ себѣ ту цѣль, къ осуществленію которой она стремится, и не знаетъ, какіе пути ведутъ къ ея достиженію. Практическое рѣшеніе выяснится лишь въ тотъ моментъ, когда начнутся преобразованія: оно будетъ продуктомъ самой революціи, продуктомъ работы народа, или же оно будетъ — ничѣмъ, выдумкой отдѣльныхъ лицъ, абсолютно неспособныхъ найти то рѣшеніе, которое должно быть рождено жизнью самаго народа.

Это положеніе вещей неизбѣжно отражается на собраніи, избранномъ путемъ всеобщей подачи голосовъ, даже если оно не заражено пороками, присущими вообще всѣмъ представительнымъ правительствамъ. Представители революціонной идеи данной эпохи слишкомъ малочисленны и теряются среди представителей революціонныхъ школъ прошлаго и защитниковъ существующаго порядка вещей. Эти люди въ дни революціи должны быть среди народа, чтобъ широко распространять свои идеи, привести массы въ движеніе и уничтожить институты прошлаго; а между тѣмъ они сидятъ тутъ, прикованные къ залѣ Собраній, и ведутъ безконечные споры, стремясь вырвать уступки у умѣренныхъ и переубѣдить своихъ противниковъ, которыхъ только осуществленіе новой идеи можетъ обратить въ ея сторонниковъ. Правительство превращается въ парламентъ со всѣми недостатками буржуазныхъ парламентовъ. Это «революціонное» правительство становится непреодолимымъ препятствіемъ для революціи и народъ, если онъ хочетъ перестать топтаться на мѣстѣ, долженъ отставить тѣхъ, которыхъ еще вчера онъ привѣтствовалъ, какъ своихъ избранныхъ. Но это уже не такъ легко. Новое правительство успѣло организовать цѣлую іерархію администраторовъ для расширенія своей власти и подчиненія себѣ народа, теперь оно уже добровольно не уступитъ своего мѣста. Стремясь удержать власть въ своихъ рукахъ, оно цѣпляется за нее со всей энергіей молодого правительства, котораго еще не успѣло коснуться старческое разложеніе. Оно готово противопоставить силу силѣ и, чтобъ его свергнуть, надо снова взяться за оружіе, произвести новую революцію.—И все это для того, чтобъ освободиться отъ тѣхъ, на кого было возложено столько надеждъ!

И вотъ, революція распалась! Потерявъ столько времени на ожиданіе, она теперь будетъ тратить свои силы на распри между приверженцами новаго правительства и тѣми, которые сознали необходимость освободиться отъ него! И все это потому, что никто не хочетъ понять слѣдующей простой истины: новая жизнь требуетъ новыхъ формъ, нельзя произвести революцію, цѣпляясь за старыя формы, революція и правительство несовмѣстимы, одно,—подъ какимъ бы видомъ оно ни было представленно,—всегда уничтожаетъ другое; внѣ анархіи—нѣтъ революціи!

То же самое можно сказать о другой формѣ «революціоннаго правительства»—революціонной диктатурѣ.

II.

Опасность, которой подвергается Революція, когда надъ ней господствуетъ выборное правительство, такъ очевидно, что цѣлая школа революціонеровъ совершенно отказалась отъ этой идеи. Они понимаютъ, что возставшій народъ не можетъ путемъ выборовъ провозгласить правительство, которое не являлось бы представителемъ прошлаго и не мѣшало народу совершить тотъ грандіозный, экономическій, политическій и нравственный переворотъ, который мы называемъ Соціальной Революціей. Они окончательно отказываются отъ мысли о «легальномъ» правительствѣ, по крайней мѣрѣ, на періодъ

возстанія противъ легальности, и провозглашаютъ «революціонную диктатуру».

Та партія,—говорятъ они,—которая свергнетъ правительство, захочетъ сама занять его мѣсто. Она захватитъ власть въ свои руки и будетъ дѣйствовать революціоннымъ путемъ. Она приметъ всѣ необходимыя мѣры, чтобъ обезпечить успѣхъ возстанію, разрушить старые институты и организуетъ защиту территоріи. Всѣмъ, кто не захочетъ признать ея власть,—гильотина; всѣмъ, будь они изъ народа или буржуазіи, которые откажутся подчиняться ея приказамъ, изданнымъ съ цѣлью регулировать ходъ революціи,—тоже гильотина!» Вотъ какъ разсуждаютъ будущіе Робеспьеры, которые изъ великой эпопеи прошлаго вѣка запомнили лишь періодъ упадка и рѣчи прокуроровъ республики.

Мы, анархисты, произнесли окончательный приговоръ надъ диктатурой, какъ одного лица, такъ и одной какой-нибудь партіи,—въ сущности говоря, это одно и то же. Мы знаемъ, что одно лицо или одна группа не могутъ дать должнаго направленія соціальной революціи. Мы знаемъ, что революція и правительство несовмѣстимы; что одно должно убить другое, каково бы ни была форма правленія: диктатура, королевство или парламентъ. Мы знаемъ, что сила нашей партіи заключается въ слѣдующей основной формулѣ:—«Только свободная иниціатива народа можетъ создать что либо цѣнное и прочное, а всякая власть стремится убить эту иниціативу». Вотъ почему, если бы наши идеи не должны были пройти черезъ горнило народа, чтобъ быть осуществленными, если бы мы стали хозяевами того замысловатаго хитро-сплетенія,—правительства,—которое позволяетъ каждому дѣйствовать сообразно своей фантазіи, то лучшіе изъ насъ черезъ недѣлю стали бы достойными смертной казни. Мы знаемъ, что всякая диктатура, какъ бы честны ни были ея намѣренія, ведетъ къ смерти революціи. Мы знаемъ, наконецъ, что идея диктатуры есть не что иное, какъ зловредный продуктъ правительственнаго фетишизма, который вмѣстѣ съ религіознымъ фетишизмомъ всегда стремился увѣковѣчить рабство.

Но теперь мы обращаемся не къ анархистамъ. Мы хотимъ поговорить съ тѣми революціонерами, приверженцами правительства, которые заражены предразсудками, внушенными ихъ воспитаніемъ, которые искренно заблуждаются и охотно выслушаютъ наши доводы. Мы станемъ на ихъ точку зрѣнія, и такъ будемъ говорить съ ними.

Защитники диктатуры не замѣчаютъ сами, что, поддерживая этотъ предразсудокъ, они подготовляютъ почву для торжества своихъ противниковъ. Я бы посовѣтовалъ поклонникамъ Робеспьера твердо помнить слѣдующія его слова. Онъ въ принципѣ признавалъ диктатуру. Но...—«Остерегайся больше всего диктатуры»—рѣзко оборвалъ онъ Мандара, когда этотъ попробовалъ заговорить о ней. «Диктаторомъ былъ бы Бриссо!» Да, Бриссо, этотъ хитрый жирондистъ, ожесточенный противникъ стремленій народа къ равенству, ярый защитникъ соб-

ственности (которую онъ самъ когда-то называлъ воровствомъ), Бриссо, который преспокойно заключилъ бы въ тюрьму Марата и всѣхъ умѣренныхъ якобинцевъ!

Но эти слова относятся къ 1792 году! Въ эту эпоху Франція уже три года была объята революціей! Фактически королевской власти уже не существовало: оставалось только нанести ей послѣдній ударъ; феодальный режимъ былъ уже уничтоженъ. И не смотря на это, даже въ ту эпоху, когда революція свободно и смѣло несла свои волны, все же котръ-революціонеръ Бриссо имѣлъ всѣ шансы быть провозглашеннымъ диктаторомъ! А что было бы раньше, въ 1789 году? Мирабо былъ бы призванъ стать во главѣ правительства! Мирабо, этотъ человѣкъ, который торговалъ своимъ краснорѣчіемъ, продавалъ его королю,—вотъ въ чьи руки въ ту эпоху перешла бы власть, если бы возставшій народъ, опираясь на штыки, не провозгласилъ своего могущества и не воспользовался побѣдами Жакеріи, чтобъ сдѣлать призрачной всякую власть, утвержденную въ Парижѣ или въ департаментахъ.

Но, правительственный предразсудокъ такъ ослѣпляетъ тѣхъ, которые думаютъ о диктатурѣ, что они предпочитаютъ подготовить диктатуру какого-нибудь новаго Бриссо или Наполеона, чѣмъ отказаться отъ мысли навязать новаго повелителя человѣчеству, разрывающему свои цѣпи.

Тайныя общества временъ реставраціи и Людовика-Филиппа въ значительной степени способствовали развитію принципа диктатуры и поддерживали этотъ предразсудокъ. Буржуа республиканцы той эпохи, опираясь на трудящіяся массы, составили цѣлый рядъ заговоровъ, чтобъ свергнуть королевскую власть и провозгласить республику. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, какое глубокое перерожденіе должно произойти во Франціи, даже для того, чтобъ установился буржуазный республиканскій режимъ, они воображали, что путемъ одной только конспираціи они сумѣютъ свергнуть короля, захватить власть и провозгласить республику. Въ теченіе тридцати лѣтъ, эти тайныя общества работали съ безграничнымъ самоотверженіемъ, поразительной настойчивостью и геройствомъ. Если республика была естественнымъ слѣдствіемъ возстанія февраля 1848 года, то этимъ она обязана тайнымъ обществомъ и ихъ усердной пропагандѣ дѣйствіемъ въ теченіе тридцати лѣтъ. Не будь ихъ самоотверженной работы, республика была бы не мыслима и до сихъ поръ.

Они думали захватить власть и утвердиться, какъ республиканская диктатура. Но, какъ и слѣдовало ожидать, это имъ не удалось. Какъ всегда, въ силу самой необходимости вещей, королевская власть была свергнута не путемъ заговоровъ. Конспираторы только подготовили ея паденіе. Они широко распространили въ массахъ идею республики, и, благодаря ихъ героямъ и мученикамъ, она стала идеаломъ народа. Но послѣдній натискъ, рѣшительный ударъ, который положилъ конецъ власти, короля, буржуазіи, былъ слишкомъ силенъ, чтобъ быть дѣломъ тайныхъ обществъ: это былъ натискъ всего народа.

Мы знаемъ, каковы были результаты. Партія, которая подготовила паденіе королевской власти—она не была допущена даже на порогъ Городской Думы. Люди, слишкомъ осторожные, чтобъ подвергаться опасностямъ конспираціи, но болѣе извѣстные, болѣе умѣренные, выжидающіе удобнаго момента для захвата власти, заняли тѣ мѣста, которыя конспираторы завоевали подъ громъ пушекъ. Публицисты, адвокаты, краснобаи, которые работали надъ созданіемъ себѣ имени, въ то время, какъ настоящіе республиканцы ковали оружіе или томились въ каторгѣ, захватили власть. Одни изъ нихъ, самые извѣстные, были призваны къ власти разными бездѣльниками; другіе навязывались сами, и были приняты только потому, что ихъ имя ничего не говорило толпѣ, или, вѣрнѣе, давало программу, приспособленную ко всѣмъ вкусамъ.

Пусть, не говорятъ намъ, что это были промахи, недостатокъ практическаго ума со стороны дѣйствующей партіи; что другія сдѣлаютъ лучше... Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Дѣйствующая партія остается за бортомъ, а интриганы и краснобаи захватываютъ въ свои руки власть—это такой же непреложный законъ, какъ законы движенія свѣтилъ. Эти говоруны болѣе популярны въ той массѣ, которая произвела послѣдній натискъ. Они получатъ наибольшее число голосовъ; ихъ будутъ привѣтствовать всѣ, а главнымъ образомъ, враги революціи, которымъ выгодно выдвинуть ничтожностей; въ правители попадутъ противники движенія или же люди вполнѣ безразличные.

Человѣкъ, который былъ самимъ воплощеніемъ конспиративной системы, человѣкъ, который всю жизнь провелъ въ тюрьмѣ изъ за преданности этой системѣ, наканунѣ смерти бросилъ міру слѣдующія слова, представляющія собой цѣлую программу: *ни Бога, ни властителя!*

III.

Главная ошибка всѣхъ революціонныхъ организацій, народившихся въ нѣдрахъ республиканской буржуазіи съ 1820 года, состоитъ въ слѣдующемъ: онѣ думаютъ что правительство можетъ быть низвергнуто тайными обществами и что эти общества могутъ занять его мѣсто. Всѣ послѣдующіе факты способствовали выясненію этой ошибки. Какое самоотверженіе, сколько настойчивости, сколько самоотреченія проявляли тайныя республиканскія общества молодой Италіи, какая гигантская работа, сколько жертвъ, жертвъ передъ которыми блѣднѣютъ подвиги русской революціонной молодежи, сколько борцовъ похороненныхъ въ казематахъ австрійскихъ крѣпостей, погибшихъ отъ ножа и пуль палачей!—И все это досталось въ наслѣдіе разнымъ пролазамъ изъ буржуазіи и приближеннымъ короля.

То же самое въ Россіи. Врядъ ли найдется въ исторіи тайная организація, которая располагая столь незначительными средствами, достигла бы такихъ громадныхъ результатовъ, какъ Исполнительный Комитетъ, проявившій столько энергіи и силы. И все же, было бы наивно думать, что Исполнительный Комитетъ станетъ когда-нибудь во главѣ правленія.

Люди осторожные, создававшіе себѣ имя въ то время, какъ ре-

волюціонеры изнемогали въ рудникахъ и погибали въ Сибири,—интриганы, краснобаи, адвокаты и литераторы, которые проливали слезы надъ свѣжей могилой героевъ и объявляли себя друзьями народа,—вотъ кто займетъ вакантное мѣсто правительства и грубо крикнетъ: *Назадъ!* тѣмъ «незнакомцамъ», которые подготовили революцію.

Это неизбѣжно, это не можетъ быть иначе. Не тайныя общества и даже не революціонныя организаціи наносятъ правительствамъ рѣшительный ударъ. Ихъ функція, ихъ историческая миссія состоитъ въ томъ, чтобъ подготовить умы къ революціи. Когда же ихъ идеи достаточно распространены,—внѣшнія обстоятельства помогаютъ,—послѣдній натискъ производится не группой иниціаторовъ, а массами, находящимися внѣ всякой организаціи. 31 августа Парижъ былъ глухъ ко всѣмъ призывамъ Бланки. Четыре дня спустя, онъ провозгласилъ паденіе правительства; но уже не Бланкисты были иниціаторами этого движенія, а самъ народъ. Правительство пало, и толпа привѣтствовала крикуновъ, имена которыхъ непрерывно жужжали въ ея ушахъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ. Когда революція готова разразиться и въ воздухѣ чувствуется напряженіе, когда успѣхъ почти обезпеченъ, тысячи новыхъ людей, на которыхъ тайныя организаціи не имѣли непосредственнаго вліянія, присоединяются къ движенію, присасываются къ нему подобно воронамъ, слетѣвшимся на поле брани дѣлить добычу. Они наносятъ послѣдній ударъ и сейчасъ же начинаютъ искать себѣ новыхъ правителей не среди конспираторовъ, честныхъ и непримиримыхъ, а среди людей безъ убѣжденій, среди флюгеровъ. О томъ, что можно обойтись безъ правителей, они и не думаютъ.

Конспираторы, поддерживая предразсудки о диктатурѣ, безсознательно работаютъ надъ тѣмъ, чтобъ власть перешла въ руки ихъ противниковъ.

Но, если все что мы говорили, справедливо по отношенію къ революціямъ, или вѣрнѣе возстаніямъ политическимъ,—то это тѣмъ болѣе справедливо для революціи, о которой мы мечтаемъ,—Революціи Соціальной. Позволить утвердиться какому бы то ни было правительству, власти сильной и способной заставить подчиняться себѣ,—это преградить путь революціи съ самыхъ ея первыхъ шаговъ. Польза, приносимая этимъ правительствомъ, сводится къ нулю, вредъ же его—неизмѣримъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что понимаемъ мы подъ этой Революціей?—Это уже не перемѣна правителей. Это захватъ народовъ всѣхъ общественныхъ богатствъ. Это уничтоженіе всякой власти,—власти, которая непрерывно препятствовала развитію человѣчества. Но можетъ ли эта грандіозная экономическая революція быть совершена декретами, исходящими отъ правительства? Мы знаемъ, что польскій революціонный диктаторъ, Костюшко, еще въ прошломъ вѣкѣ декретировалъ уничтоженіе личнаго рабства,—рабство существовало послѣ того еще восемьдесятъ лѣтъ. Мы знаемъ, что Конвентъ, всемогущій

Конвентъ, грозный Конвентъ, какъ говорили его поклонники,—декретировалъ поголовный раздѣлъ всѣхъ общественныхъ земель, отобранныхъ у сеньоровъ. Этотъ декретъ, подобно многимъ другимъ, остался мертвой буквой, такъ какъ для приведенія его въ исполненіе деревенскій пролетаріатъ долженъ былъ бы произвести новую революцію, а революціи не производятся декретами. Чтобъ народъ завладѣлъ всѣми общественными богатствами, онъ долженъ себя чувствовать вполнѣ свободнымъ, долженъ свергнуть рабство, къ которому онъ ужъ слишкомъ привыкъ, долженъ дѣйствовать по своей собственной иниціативѣ и смѣло итти впередъ, не дожидаясь никакихъ приказаній. Всему этому будетъ препятствовать диктатура, какъ бы честны ни были ея намѣренія; сама же она не способна двинуть ни на шагъ дѣло революціи.

Но если правительство,—будь оно даже идеаломъ революціоннаго правительства,—не способно создать новой силы, не способно содѣйствовать работѣ разрушенія, то тѣмъ болѣе мы не должны разсчитывать на него при работѣ созиданія. Экономическій переворотъ — этотъ результатъ Соціальной Революціи — будетъ такъ великъ и глубокъ, и такъ измѣнитъ всѣ взаимоотношенія, основанныя теперь на собственности и обмѣнѣ,—что одному или нѣсколькимъ индивидуумамъ будетъ невозможно выработать тѣ соціальныя формы, которыя должны народиться въ обществѣ будущаго. Только коллективный трудъ всего народа можетъ выработать эти новыя соціальныя формы, только гибкость коллективной мысли цѣлой страны можетъ удовлетворить безконечному разнообразію условій и потребностей, которыя народятся въ день паденія частной собственности. Всякая внѣшняя власть будетъ лишь препятствіемъ, помѣхой органической работѣ; она явится источникомъ вражды и раздора.

Но давно пора распроститься съ мыслью о *революціонномъ* правительствѣ, пора покинуть эту мечту, неоднократно обманувшую насъ. Пора понять политическую аксіому, что правительство не можетъ быть революціоннымъ. Намъ говорятъ о Конвентѣ; но не надо забывать, что тѣ мѣры, принятыя Конвентомъ, которыя носили хоть сколько-нибудь революціонный характеръ, были только санкціей фактовъ, уже совершенныхъ народомъ, не считавшимся въ то время ни съ какимъ правительствомъ. Конвентъ, подобно всѣмъ предшествующимъ и послѣдующимъ правительствамъ, былъ исключительно препятствіемъ для созидательной работы народа.

Факты, которые даетъ намъ исторія, такъ убѣдительны; безмысленность революціоннаго правительства, безполезность всего того, что называютъ этимъ именемъ, такъ очевидны, что, казалось бы, невозможно объяснить, почему извѣстная школа, именующая себя соціалистической, съ такой яростью защищаетъ идею революціоннаго правительства. Но, въ сущности говоря, это вполнѣ понятно. Дѣло въ томъ, что послѣдователи этой школы, сколько бы они ни называли себя соціалистами, совершенно иначе смотрятъ на будущую

революцію. Для нихъ,—какъ для всѣхъ радикаловъ буржуа,—Соціальная революція дѣло далекаго будущаго, и объ ея осуществленіи сейчасъ не можетъ быть и рѣчи. Они мечтаютъ, не смѣя впрочемъ признаться въ этомъ, объ установленіи правительства, подобнаго правительствамъ Швейцаріи или Соединенныхъ Штатовъ, которыя стремятся присвоить Государству все то, что они называютъ «services publics». Это нѣчто среднее между идеаломъ Бисмарка и идеаломъ портного, который мечтаетъ получить мѣсто президента въ Соединенныхъ Штатахъ. Это компромиссъ между соціалистическими стремленіями массъ и аппетитами буржуазіи. Эти «соціалисты», хотѣли бы, конечно, полной экспропріаціи, но они не смѣютъ приступить къ ней, откладываютъ ее на будущій вѣкъ и задолго до начала битвы вступаютъ въ переговоры съ врагами.

Для насъ же ясно, что моментъ нанести смертельный ударъ буржуазіи насталъ, что недалеко то время, когда народъ завладѣетъ всѣми общественными богатствами и доведетъ до полнаго безсилія классъ эксплоататоровъ. И потому, мы безъ всякихъ колебаній ринемся въ Соціальную Революцію и, такъ какъ всякое правительство, какимъ бы именемъ оно себя ни называло, будетъ служить намъ помѣхой, мы сметемъ съ нашего пути всѣхъ честолюбцевъ, которые вздумаютъ распоряжаться судьбой народа.

Всѣ соціалисты!

Съ тѣхъ поръ, какъ идеи соціализма стали проникать въ рабочія массы, замѣчается слѣдующее интересное явленіе. Враги соціализма поняли, что лучшій способъ подавить это теченіе состоитъ въ томъ, чтобъ прослыть его сторонниками и спѣшатъ объявить себя соціалистами. Поговорите съ однимъ изъ тѣхъ толстыхъ буржуа, которые немилосердно эксплоатируютъ рабочаго, работницу и ребенка. Поговорите съ нимъ о возмутительномъ неравенствѣ распредѣленія богатствъ, о кризисахъ и нищетѣ, которую они порождаютъ; поговорите съ нимъ о необходимости измѣненія режима собственности для улучшенія положенія рабочихъ; и если вашъ буржуа уменъ, если онъ добивается успѣха въ политикѣ, а главное, если вы его избиратель, онъ поспѣшитъ вамъ сказать:

— Помилуйте, я тоже соціалистъ!—Соціальный вопросъ, сберегательныя кассы, нормировка труда;—я вполнѣ раздѣляю ваши мысли относительно всего этого. Только, знаете что? Нельзя все перевернуть въ одинъ день, будемъ дѣйствовать осторожно.—И, покинувъ васъ, онъ идетъ «осторожно» обирать «своихъ рабочихъ», предвидя тѣ убытки, которые соціалистическая агитація причинитъ ему въ скоромъ будущемъ.

Прежде, онъ повернулъ бы вамъ спину. Теперь, онъ стремится васъ заставить повѣрить, что вполнѣ раздѣляетъ ваши мысли; такимъ путемъ онъ надѣется легче справиться съ вами, когда представится возможность.

Это явленіе стало особенно замѣтнымъ послѣ выборовъ 1881 года,

во Франціи. Достаточно было въ любомъ избирательномъ собраніи поднять вопросъ о соціализмѣ, чтобы тѣ, которые добивались избранія, сейчасъ же объявили себя приверженцами соціализма,—*настоящаго соціализма*,—конечно, соціализма плутовъ и обманщиковъ.

Двѣ трети делегатовъ дали понять избирателямъ, что они въ Палатѣ думаютъ заняться соціальнымъ вопросомъ. Клемансо объявилъ себя соціалистомъ; Гамбетта былъ близокъ къ этому; если бы онъ не предвидѣлъ высшаго счастья пожать когда-нибудь руку какому-нибудь Величеству, онъ, навѣрное, откровенно объявилъ бы себя соціалистомъ. Бисмаркъ и не колебался; онъ выдавалъ себя за яраго соціалиста, соціалиста par excellence; въ Англіи нерѣдко приходилось слышать, что, если бы лордъ Биконсфильдъ прожилъ бы дольше, онъ «разрѣшилъ бы соціальный вопросъ». Всѣ, вплоть до носителей клобука и рясы, заняты этимъ. Проповѣдники при Берлинскомъ Дворѣ превозносятъ соціализмъ, а во Франціи монахи издаютъ журналъ, въ которомъ объявляютъ себя знатоками настоящаго соціализма.

Словомъ, всѣ соціалисты! Биржевикъ, который спекулируетъ на повышеніи и пониженіи цѣнъ на хлѣбъ, чтобъ купить брилліанты своей женѣ; хозяинъ, который доводитъ работницъ до чахотки и дѣтей до полнаго истощенія; правители, которые арестовываютъ въ Берлинѣ и вѣшаютъ въ Петербургѣ; жандармы которые обыскиваютъ—всѣ, если они и роются въ нашихъ бумагахъ, арестовываютъ и вѣшаютъ соціалистовъ, истребляютъ работницъ и дѣтей, хозяйничаютъ въ политикѣ и финансахъ,—они это дѣлаютъ, чтобъ ускорить приближеніе торжества соціализма!

А между тѣмъ, находятся соціалисты, которые такъ наивны, что слагаютъ гимны побѣды при видѣ этого зрѣлища.—«Господинъ такой то объявилъ себя соціалистомъ; Гамбетта призналъ существованіе соціальнаго вопроса! Вотъ вамъ новое доказательство, что наша идея завоевываетъ себѣ мѣсто»,—спѣшатъ они объявить въ своихъ газетахъ.—Какъ будто намъ нужна чья бы то ни была санкція, доказывающая, что идеи соціализма находятъ широкое распространеніе въ средѣ народа!

Насъ же это зрѣлище ничуть не радуетъ. Оно, съ одной стороны, убѣждаетъ насъ въ томъ, что буржуазія составляетъ заговоръ противъ соціализма и стремится примѣнить къ нему ту политику надувательства, которую оно когда то примѣнило къ республиканской идеѣ, съ другой стороны, оно показываетъ намъ, что тѣ, которыхъ мы считали когда то соціалистами, отрекшись теперь отъ основныхъ идей соціализма и перешли въ лагерь буржуазіи, сохранивъ, чтобъ замаскировать свой переходъ, кличку соціалистовъ.

Какова же была, въ самомъ дѣлѣ, идея, на которой основанъ соціализмъ?

— Необходимость уничтоженія заработной платы, частной собственности на землю, дома, средства и орудія производства, словомъ, на общественный капиталъ. Тотъ, кто не признавалъ этой основ-

ной идеи, не проводилъ ее въ своей частной жизни, отрекаясь отъ какой бы то ни было эксплоатаціи,—не могъ считаться соціалистомъ.

— «Признаете ли вы необходимость уничтоженія частной собственности?—Признаете ли вы необходимымъ экспропріаціи общественнаго капитала въ пользу всѣхъ?—Обязуетесь ли вы жить согласно этимъ принципамъ?».

Вотъ что спрашивали когда то, прежде чѣмъ протянуть вамъ руку, какъ соціалисту.

Очевидно, что задавая вамъ эти вопросы, васъ не спрашивали, признаете ли вы необходимость уничтоженіе частной собственности черезъ двѣсти или двѣ тысячи лѣтъ! Кто станетъ себѣ задавать праздные вопросы о томъ, что нужно будетъ дѣлать черезъ двѣсти лѣтъ! Когда говорили объ уничтоженіи частной собственности, признавали необходимость его немедленнаго осуществленія, и рѣшено было сдѣлать первыя попытки въ моментъ наступленія *будущей* революціи.—«Будущая революція»—говорили соціалисты десять лѣтъ тому назадъ (а тѣ, которые остались соціалистами, повторяютъ это и сейчасъ),—«*будущая* революція не должна быть простой перемѣной правительства, сопровождаемой нѣкоторыми улучшеніями въ государственной машинѣ: *это будетъ Соціальная Революція*».

Сознаніе необходимости подготовиться къ экспропріаціи ко дню наступленія *будущей* революціи составляла основную идею соціалистовъ; вотъ чѣмъ они отличались отъ тѣхъ, которые признавали необходимость нѣкотораго улучшенія быта рабочихъ и готовы были согласиться, что коммунизмъ идеалъ будущаго общества, но не могли допустить мысли о его немедленномъ осуществленіи.

Исповѣдуя эти идеи, соціалисты были увѣрены, что ихъ не спутаютъ съ ихъ противниками. Они были увѣрены, что именемъ соціалиста не воспользуются тѣ, которые просто на просто стремятся поддержать современную эксплоатацію.

Теперь все это измѣнилось.

Въ средѣ самой буржуазіи образовалось гнѣздо авантюристовъ, которые поняли, что, не прицѣпивъ къ себѣ ярлыка соціалиста, невозможно достичь власти. Надо было найти способъ заставить себя признать партіей, не принимая ея принциповъ. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовали тѣ, которые поняли, что подавить соціализмъ можно только войдя въ ряды его приверженцевъ, извративъ его принципы и направивъ на ложный путь его тактику.

Къ сожалѣнію, нашлись соціалисты, соціалисты прошлаго, которые захотѣли сгруппировать вокругъ себя какъ можно больше народа; они охотно принимали въ свои ряды всѣхъ, согласившихся прицѣпить къ себѣ *ярлыкъ* соціалиста, и широко открыли двери всѣмъ, якобы обращеннымъ. Они сами отказались отъ основной идеи соціализма и подъ своимъ покровительствомъ образовали новый видъ соціалистовъ, который отъ старой партіи сохранилъ только имя.

Подобно тому русскому жандармскому полковнику, который говорилъ одному изъ нашихъ друзей, что онъ преклоняется передъ коммунистическимъ идеаломъ, но что, такъ какъ этотъ идеалъ можетъ быть осуществленъ только черезъ 200 или даже 500 лѣтъ, надо преслѣдовать и лишать свободы всѣхъ, занимающихся пропагандой

коммунизма; повторяю, подобно тому жандармскому полковнику, новые соціалисты объявляютъ, что надо отложить на далекое будущее уничтоженіе частной собственности и экспропріацію, забыть всѣ эти фантазіи и утопіи, приступить къ осуществимымъ реформамъ и не считаться съ тѣми, которые твердо стоятъ за идею экспропріаціи и препятствуютъ этимъ немедленному проведенію реформъ. — «Подготовимъ, говорятъ они, почву не для экспропріаціи земли, а для захвата государственной машины, и тогда примемся за улучшеніе положенія рабочихъ. Подготовимъ для будущей революціи не завоеваніе мастерскихъ, а завоеваніе муниципалитетовъ».

Какъ будто буржуазія, если бы капиталъ остался въ ея рукахъ, позволила бы имъ дѣлать соціалистическіе опыты, даже если имъ бы удалось захватить власть! Какъ будто бы завоеваніе муниципалитетовъ возможно безъ завоеванія мастерскихъ!

Послѣдствія всего этого заставляютъ себя уже чувствовать.

Теперь, когда передъ вами одинъ изъ этихъ новыхъ соціалистовъ. вы не знаете съ кѣмъ вы имѣете дѣло: съ какимъ нибудь господиномъ, вродѣ русскаго жандармскаго полковника, или съ настоящимъ соціалистомъ. Они всѣ признаютъ, что когда-нибудь,—черезъ тысячу лѣтъ, можетъ быть,—собственность должна стать коллективной; но теперь они занимаются избраніемъ какого-нибудь члена Палаты, который потребуетъ у нея уменьшенія числа рабочихъ часовъ. Разница между соціализмомъ жандармскаго полковника и соціализмомъ неосоціалистовъ почти неуловима: Всѣ соціалисты! Рабочій, который не имѣетъ возможности слѣдить за тридцатью газетами, скоро не будетъ знать, гдѣ соціалисты и гдѣ извратители соціалистической идеи. Въ день Революціи, рабочимъ придется перенести много испытаній, пролить много крови, прежде, чѣмъ они поймутъ, кто ихъ друзья и кто ихъ враги.

Духъ возстанія *).

Въ жизни человѣчества бываютъ эпохи, когда революція становится насущной необходимостью, когда она неизбѣжна. Новыя идеи

---

*) Мое пониманіе великой французской революціи рѣзко отличается отъ пониманія офиціальнаго. Для историковъ, преклоняющихся передъ буржуазіей, великая драма разыгралась почти цѣликомъ въ большихъ городахъ, главнымъ образомъ. на парламентской аренѣ. Населеніе деревень подымается, правда, на нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ Парижъ далъ ему первый сигналъ взятіемъ Бастиліи; оно сжигаетъ дворцы аристократовъ, и этимъ все кончается. Были, конечно, и послѣ того возстанія, но имъ нельзя придавать значенія. такъ какъ они производились «разбойниками», подкупленными контръ-революціей. Могли ли честные республиканцы, патріоты поддерживать безпорядокъ, когда „великіе принципы 1789 года“ были уже провозглашены, и Революція вступила на вѣрный путь благодаря Учредительному Собранію, Законодательному Собранію и Конвенту!

По моему, наоборотъ. возстанія крестьянъ въ деревняхъ и бѣдняковъ въ городахъ усиливаются съ 1788 года. Они становятся болѣе многочисленны-

нарождаются съ каждымъ днемъ, стремятся проявиться и найти себѣ примѣненіе въ жизни, но онѣ на каждомъ шагу сталкиваются съ инерт-

---

ми въ деревняхъ и направляются на уничтоженіе феодальныхъ правъ съ первыхъ же мѣсяцевъ 1789 года; продолжаются они непрерывно до 1793 года. Если буржуазія поражала своей смѣлостью въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ 1789 года, если 4-го августа аристократія продѣлала красивую комедію „принесенія въ жертву своихъ правъ на алтарь отечества,—это объясняется тѣмъ, что съ февраля вся Франція была объята возстаніемъ: крестьянское населеніе не платило податей и подымалось противъ сеньоровъ; городскіе бѣдняки, „la canaille des grandes villes", были уже готовы къ окончательному взрыву. Возстаніе въ Парижѣ, отъ 11 до 14 іюля 1789 года, возстаніе въ Страсбургѣ и другихъ большихъ городахъ—не простыя возмущенія, не протесты противъ паденія Неккера: это настоящія возстанія бѣдняковъ противъ богачей, возстанія, которыми буржуазія съумѣла воспользоваться для свержения королевской власти.

То, что происходило въ городахъ и деревняхъ въ 1789 году, продолжается въ теченіе всѣхъ четырехъ лѣтъ революціи. Безконечные бунты въ деревняхъ, непрерывныя возстанія въ городахъ.

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратиться къ докладу Григорія, представленному имъ въ феодальный Комитетъ въ февралѣ или январѣ 1790 года. Изъ него мы видимъ, что Жакерія сильно разрослась. Декретъ 18 іюня 1790 года доказываетъ намъ, что Жакерія неизбѣжно должна была продолжится, чтобъ уничтожить выкупные платежи и добиться возвращенія Коммунамъ земель, захваченныхъ сеньорами. Декретъ этотъ приписывалъ сохраненіе нѣкоторыхъ „dimes tant ecclésiastiques qu' inféodées", такъ же какъ уплату „jusqu'au rachat, des champarts, terrages, agriers etautres redevances, payables en nature", и запрещалъ въ то же время „à toutes personnes d'apporter aucun trouble aux perceptions des dimes, parts, etc., soit par des écrits, soit par des discours, soit par des menaces, a peine d'être punis comme perturbateurs du repos public". Декретъ этотъ, изданный черезъ десять мѣсяцевъ послѣ знаменитой ночи 4 августа, почти черезъ годъ послѣ взятія Бастиліи, показываетъ намъ, что получилъ бы крестьянинъ, если бы Жакерія не продолжилась.

Вотъ почему Тэнъ, какимъ бы потокомъ грязи онъ не обливалъ народъ,— должно быть, чтобъ отдать дань академическому стилю, — очень близокъ къ истинѣ, когда онъ упоминаетъ о пяти, шести Жакеріяхъ непрерывно слѣдующихъ одна за другой въ продолженіи Революціи. Въ сущности говоря, возстаніе крестьянъ продолжалось больше четырехъ лѣтъ,—съ 1788 до 1793 года,— до Конвента, который, признавъ факты уже совершившіеся и обратившись къ предшествующимъ декретамъ, касающимся феодальныхъ правъ и общинныхъ земель,—постановилъ возвратить Коммунамъ земли, захваченныя сеньорами и предоставить ихъ крестьянамъ, какъ собственникамъ, такъ и пролетаріямъ, и уничтожилъ окончательно не только феодальныя права, но и выкупъ этихъ правъ, установленный Учредительнымъ Собраніемъ. Подобно всѣмъ Жакеріямъ, возстаніе это не было ни повсемѣстнымъ, ни непрерывнымъ. Оно то затихало, то разгоралось; потухало въ одномъ мѣстѣ, чтобы возродиться въ другомъ.

Не будь этого возстанія, поддерживаемаго возстаніями въ городахъ, Революція была бы невозможна. Не даромъ великій историкъ XVIII вѣка, Шлоссеръ, говорилъ аббату Григорію: «Какъ могъ Робеспьеръ держать всю Францію въ своихъ рукахъ»! На это Григорій отвѣтилъ ему словами, ярко характеризующими положеніе того времени:—«Робеспьеръ! воскликнулъ онъ, да въ каждой деревнѣ былъ свой Робеспьеръ»! Онъ долженъ былъ прибавить: — «Свой Маратъ, свой клубъ неистовыхъ».

Только благодаря этому былъ положенъ конецъ неограниченной власти. Крестьяне возставали, преслѣдуя свои личныя цѣли; городскіе санкюлоты, стремясь ощупью найти путь къ лучшему будущему, свергали одно правительство за другимъ, препятствуя такимъ образомъ утвержденію сильной власти; буржуазія тѣмъ временемъ строила свою революцію на революціи народной; она свергла королевскую власть и захватила въ свои руки управленіе страной. Тѣ, которые не хотятъ согласиться, что ихъ предшественники буржуа произвели свою революцію, опираясь но народныя массы, должны были бы обратиться

ностью защитниковъ стараго режима и гаснутъ въ удушливой атмосферѣ старыхъ предразсудковъ и традицій прошлаго. Принятые въ нашемъ обществѣ взгляды на политическій строй Государствъ, на законы соціальнаго равновѣсія, на политическія и экономическія взаимоотношенія гражданъ не выдерживаютъ никакой критики; они разбиваются каждый день, при каждомъ удобномъ случаѣ, какъ въ трудахъ философовъ, такъ и въ обыденной бесѣдѣ, какъ въ роскошныхъ салонахъ, такъ и въ убогихъ харчевняхъ. Политическіе, экономическіе и соціальные институты рушатся; старыя зданія, развалины, въ которыхъ жизнь стала уже невозможна,—они не даютъ развиваться зачаткамъ, зародившимся въ разсѣлинахъ ихъ полуразрушенныхъ стѣнъ.

Чувствуется потребность чего-то новаго. Нравственный кодексъ, которымъ до сихъ поръ руководствовалась большая часть людей въ своей обыденной жизни, потерялъ всякое значеніе, сталъ явной безсмыслицей.

Все, что мы еще такъ недавно уважали, съ чѣмъ мирились, признается теперь вопіющей несправедливостью; нравственность вчерашняго дня поражаетъ своей ужасающей безнравственностью. Столкновенія между новыми идеями и старыми традиціями становятся все чаще и ожесточеннѣе; они вносятъ разладъ во всѣ слои общества и даже въ семью. Сынъ вступаетъ въ борьбу съ отцомъ: онъ приходитъ въ ужасъ отъ всего того, что отецъ находилъ естественнымъ всю свою жизнь; дочь возмущается тѣми принципами, которые мать старается ей передать, какъ плоды своего многолѣтняго опыта. Народное сознаніе, народная совѣсть возстаютъ ежедневно противъ всѣхъ безобразій, происходящихъ въ средѣ привилегированныхъ и праздныхъ классовъ, противъ преступленій, которыя совершаются во имя права сильнаго, чтобъ удержать въ своихъ рукахъ привилегіи. Тѣ, которые жаждутъ торжества справедливости и стремятся провести въ жизнь новыя идеи, не могутъ не признать, что ихъ самоотверженныя и гуманныя идеи,—идеи, способныя дать человѣчеству возрожденіе, неосуществимы при современномъ общественномъ строѣ: они сознаютъ необходимость революціонной бури, которая очиститъ міръ отъ плѣсени, покрывшей его, вдохнетъ жизнь въ оцѣпенѣвшія сердца и принесетъ человѣчеству благородство, самоотверженіе и героизмъ, безъ которыхъ общество заражается пороками и разлагается.

Въ эпохи бѣшенной погони за обогащеніемъ, въ эпохи лихорадочныхъ спекуляцій и кризисовъ, внезапныхъ краховъ крупныхъ промышленностей и эфемернаго развитія нѣкоторыхъ отраслей производства, въ эпохи быстраго накопленія постыдныхъ богатствъ и столь же

къ источникамъ исторіи, а не ограничиваться перепечатками изъ Монитера и Парламентской исторіи Büchez и Roux. Они поняли бы тогда, что ихъ предки, столь корректные въ исторіи оффиціальной, не стѣснялись разсылать по деревнямъ воспламеняющіе памфлеты «за печатью Національнаго Собранія» и набирать для своихъ манифестацій участниковъ изъ посѣтителей пригородныхъ кабачковъ. Тэнъ, также не стѣснялся оскорблять тѣхъ «якобинцевъ» (для него всѣ революціонеры были якобинцами!), которые производили выборы съ помощью дубинъ; онъ забывалъ, что только благодаря имъ, онъ теперь уже не подданный Его Величества Короля.

быстраго ихъ расточенія,—общество начинаетъ сознавать, что экономическія учрежденія, завѣдующія производствомъ и обмѣномъ, не даютъ того благосостоянія, которое онѣ призваны гарантировать. Вмѣсто порядка они зарождаютъ хаосъ, вмѣсто благосостоянія нужду, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ; вмѣсто гармоніи интересовъ, они создаютъ непрерывную войну, войну эксплоататора съ производителемъ, эксплоататоровъ и производителей между собой. Общество распалось на два враждебныхъ лагеря и раздѣлилось въ то же время на тысячи мелкихъ группъ, ведущихъ между собой ожесточенную борьбу. Утомленные безконечными войнами, изнемогая подъ тяжестью нищеты и лишеній, оно усиленно ищетъ новой организаціи; оно рѣшительно требуетъ полнаго преобразованія режима собственности, производства и обмѣна и всѣхъ вытекающихъ изъ него экономическихъ отношеній.

Правительственная машина, призванная поддерживать существующій порядокъ, еще функціонируетъ. Но при каждомъ поворотѣ ея заржавленныхъ колесъ, она спотыкается и останавливается. Ея работа становится все болѣе и болѣе затруднительной, и недовольство, возбуждаемое ея недостатками, все растетъ. Каждый день возникаютъ новыя требованія.—«Преобразуйте это, передѣлайте то-то!»—кричатъ со всѣхъ сторонъ.—«Война, финансы, налоги, суды, полиція,—все должно быть преобразовано и установлено на новыхъ началахъ»,—говорятъ реформаторы. Но всѣ понимаютъ, что невозможно передѣлать что-нибудь одно; все должно быть преобразовано сразу; но какъ приступить къ работѣ, когда общество открыто раздѣлено на два враждебныхъ лагеря? Удовлетворить однихъ недовольныхъ—это значитъ создать другихъ.

Правительства не способны приступить къ реформамъ, такъ какъ для этого нужно бы перейти на сторону революціи; въ то же время они слишкомъ безсильны, чтобъ открыто вступить на путь реакціи; вотъ почему они прибѣгаютъ къ полумѣрамъ, которыя никого не могутъ удовлетворить и только создаютъ новыя недовольства. Посредственности, которыя въ переходныя эпохи забираютъ въ свои руки управленіе правительственной ладьей, думаютъ лишь объ одномъ: онѣ стараются какъ можно скорѣе разбогатѣть, предвидя близкій разгромъ. Осажденныя со всѣхъ сторонъ, онѣ неумѣло защищаются, лавируютъ, дѣлаютъ глупость за глупостью и наконецъ обрываютъ послѣднюю нить спасенія: топятъ правительственный престижъ въ своей тупости и несостоятельности.

Въ такія эпохи революція неизбѣжна. Она является соціальной необходимостью; положеніе становится революціоннымъ.

Изучая генезисъ и развитіе революціонныхъ потрясеній, мы находимъ въ трудахъ нашихъ историковъ въ главѣ: «Причины Революціи», поразительную картину положенія общества наканунѣ событій. Тамъ,—и нищета народа, и отсутствіе общественной безопасности, и принудительныя мѣры правительства, и ужасные скандалы, выводящіе на свѣтъ гнусные пороки общества, и новыя идеи, стремящіяся проявиться и непрерывно сталкивающіяся съ несостоятельностью представителей стараго режима. Изучая эту картину, мы приходимъ къ

заключенію, что революція дѣйствительно была неизбѣжна, и единственнымъ исходомъ было вступленіе на путь возстанія.

Разсмотримъ, напримѣръ, положеніе общества до 1789 года. Крестьянинъ жалуется на подати и налоги и таитъ въ своемъ сердцѣ непримиримую вражду къ сеньору, монаху, скупщику, кулаку, интенданту. Буржуа жалуется на потерю муниципальныхъ свободъ и изливаетъ на короля цѣлый потокъ проклятій.

Народъ поноситъ королеву, возмущается разсказами о поступкахъ министровъ и безпрестанно повторяетъ, что налоги невыносимы и подати разорительны, урожаи плохи и зимы суровы, съѣстные припасы дороги и кулаки ненасытны, деревенскіе адвокаты съѣдаютъ жатву крестьянина и лѣсники разыгрываютъ изъ себя царьковъ, почта плохо организована и чиновники слишкомъ лѣнивы... Словомъ, всѣ жалуются, все не ладно. «Это не можетъ итти такъ дальше, это кончится скверно!»—говорятъ со всѣхъ сторонъ.

Но отъ этихъ мирныхъ разсужденій до возстанія—далеко; между ними лежитъ цѣлая пропасть, та пропасть, которая отдѣляетъ у большей части людей *разсужденіе отъ дѣйствія*, *мысль отъ воли*, *желаніе отъ поступка*. Какъ перешагнули черезъ эту пропасть? Какъ эти люди, которые вчера еще, покуривая трубку, спокойно жаловались на свою судьбу, ругали жандармовъ и въ то же время униженно кланялись имъ,—рѣшились взяться за дубины и пошли громить дворцы сеньора, этой грозы вчерашняго дня? Благодаря какимъ чарамъ эти люди, которыхъ жены презирали и справедливо называли трусами, превратились въ героевъ, идущихъ подъ пулями и картечью завоевывать свои права? Какимъ чудомъ эти *слова*, которыя столько разъ произносились и умирали въ воздухѣ подобно безцѣльному звону колоколовъ, превратились въ *дѣйствія?*

Отвѣтъ очень простъ.

— Работа меньшинства, работа непрерывная и продолжительная, произвела это превращеніе. Смѣлость, самоотверженность, способность жертвовать собой такъ же заразительны, какъ трусость, покорность и паника.

Какія формы приметъ агитація?—Да самыя разнообразныя, всѣ, которыя будутъ продиктованы ей обстоятельствами, средствами, темпераментами. То мрачная и суровая, то задорная, но всегда смѣлая, то коллективная, то чисто индивидуальная, она пользуется всякими средствами, всѣми явленіями общественной жизни, чтобъ пробуждать мысль, распространять и формулировать недовольство, возбуждать непримиримую ненависть къ эксплоататорамъ, выставлять въ смѣшномъ видѣ правителей, доказывать ихъ слабость и, главнымъ образомъ, всегда и вездѣ пробуждать смѣлость и духъ возстанія.

II.

Когда въ странѣ готовится революція, но духъ возстанія недостаточно силенъ въ массахъ, чтобъ проявляться бурными манифестаціями, мятежами и возстаніями,—меньшинство только дѣйствіемъ

можетъ пробудить смѣлость и стремленіе къ независимости, безъ которыхъ немыслима ни одна революція.

Люди, смѣлые и неподкупные, которые не довольствуются одними словами, не примиряются съ разладомъ между словомъ и дѣломъ, предпочитаютъ тюрьму, ссылку и смерть—жизни, противорѣчащей ихъ принципамъ, люди, говорящіе:—«надо смѣть, чтобъ побѣдить»,—вотъ тѣ одинокіе «передовые», которые начинаютъ битву гораздо раньше, чѣмъ массы достаточно возбуждены, чтобъ открыто поднять знамя возстанія и итти съ оружіемъ въ рукахъ завоевывать свои права.

Среди жалобъ, разговоровъ и теоретическихъ споровъ, вырывается вдругъ какой-нибудь поступокъ, вызванный крайнимъ возмущеніемъ, поступокъ индивидуальный или коллективный, который служитъ яркимъ показателемъ господствующихъ стремленій. Возможно, что вначалѣ массы относятся къ нему безразлично. Преклоняясь передъ смѣлостью отдѣльныхъ лицъ или цѣлой группы, онѣ прислушиваются къ рѣчамъ благоразумныхъ и осторожныхъ людей, которые спѣшатъ объявить этотъ поступокъ «безумiемъ» и сказать, что «горячія головы, безумцы, погубятъ все дѣло». Они разсчитали, эти благоразумные и осторожные люди, что ихъ партія, спокойно продолжая свою работу, черезъ сто, двѣсти, можетъ быть, триста лѣтъ, завоюетъ весь міръ,—и вдругъ врывается что-то неожиданное: неожиданное, т.-е. то, чего не ожидали они, эти благоразумные и осторожные. Кто хоть нѣсколько знакомъ съ исторіей и не лишенъ способности отдавать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ, прекрасно знаетъ, что теоретическая пропаганда революціи неизбѣжно переходитъ въ дѣйствіе гораздо раньше, чѣмъ того хотятъ теоретики; но все же, благоразумные теоретики возмущаются поступками безумцевъ, предаютъ ихъ анаѳемѣ и изгоняютъ изъ своей среды. Однако, эти безумцы находятъ тайное сочувствіе въ народѣ, который восторгается ихъ смѣлостью и готовъ слѣдовать ихъ примѣру. Большей частью, они идутъ умирать въ тюрьмы и на каторгу, но сейчасъ же являются новые безумцы, которые продолжаютъ ихъ работу. Бурныя проявленія нелегальнаго протеста, поступки, вызванные возмущеніемъ и жаждой мести,—все учащаются.

Оставаться индифферентнымъ теперь уже невозможно. Люди, которые вначалѣ даже не задумывались надъ тѣмъ, чего хотятъ «безумцы», принуждены теперь дать себѣ въ этомъ отчетъ, выяснить ихъ идеи и стремленія и стать на ту или другую сторону. Поступки этихъ «безумцевъ» привлекаютъ всеобщее вниманіе, и въ нѣсколько дней дѣлаютъ больше, чѣмъ тысячи брошюръ. Новыя идеи проникаютъ въ сознаніе и завоевываютъ все больше и больше сторонниковъ.

Пропаганда дѣйствіемъ пробуждаетъ духъ возстанія и зарождаетъ смѣлость.—Старый режимъ съ его судьями, полицейскими, жандармами и солдатами казался непоколебимымъ, но и Бастилія была неприступна въ глазахъ безоружнаго народа, собравшагося подъ ея высокими стѣнами, укрѣпленными заряженными пушками, готовыми открыть огонь. Но вскорѣ замѣчаютъ, что установленный режимъ не

такъ силенъ, какъ это казалось. Одного смѣлаго поступка было достаточно, чтобъ разстроить въ нѣсколько дней правительственную машину, чтобъ поколебать этотъ колоссъ. Одинъ смѣлый порывъ поставилъ вверхъ дномъ цѣлую провинцію, и грозныя войска должны были отступить передъ горстью крестьянъ, вооруженныхъ камнями и дубинами. Народъ замѣчаетъ, что чудовище не такъ страшно: нѣсколько энергичныхъ усилій, и оно погибнетъ. Надежда зарождается въ сердцахъ и,—замѣтьте это,—если отчаяніе вызываютъ иногда мятежи, то только надежда, надежда побѣдить, создаетъ революціи.

Правительство пытается устоять; оно не хочетъ показать своей слабости и безумно свирѣпствуетъ. Но, если раньше репрессіи могли убивать энергію угнетенныхъ, то теперь въ эпохи возбужденія, онѣ производятъ обратное дѣйствіе. Репрессіи вызываютъ новые взрывы, новые протесты, индивидуальные или коллективные; онѣ доводятъ возставшихъ до героизма и понемногу революціонныя дѣйствія усиливаются и распространяются.

Революціонная партія растетъ благодаря притоку новыхъ элементовъ, которые раньше относились къ ней враждебно или же прозябали въ полной индифферентности. Въ правительствѣ и среди правящихъ и привилегированныхъ классовъ произошелъ разладъ: одни стоятъ за упорное сопротивленіе, другіе высказываются за уступки, третьи, наконецъ, готовы отказаться на время отъ своихъ привилегій, чтобъ успокоить непокорныхъ, въ надеждѣ въ скоромъ будущемъ окончательно подавить возстаніе. Связь между правительствомъ и привилегированными классами порвана.

Правители могутъ, конечно, обратиться къ послѣднему средству: прибѣгнуть къ бѣшенной реакціи. Но теперь уже поздно; борьба отъ этого станетъ только ожесточеннѣе, а грядущая революція зальется кровью. Съ другой стороны, малѣйшая изъ уступокъ со стороны правящихъ классовъ ободряетъ возставшихъ, такъ какъ она сдѣлана слишкомъ поздно, вѣрнѣе, вырвана силой. Народъ, который раньше удовлетворился бы этой уступкой, замѣчаетъ, что врагъ сдается; онъ предвидитъ побѣду и чувствуетъ какъ растетъ его сила; люди, которые раньше подъ бременемъ нищеты и страданій ограничивались одними вздохами, гордо подымаютъ голову и смѣло идутъ къ завоеванію лучшаго будущаго.

Наконецъ, разражается революція, и чѣмъ ожестеченнѣе была борьба, тѣмъ бурнѣе будетъ революція.

Направленіе, которое приметъ революція, зависитъ, конечно, отъ всей суммы разнообразныхъ обстоятельствъ, которыя подготовили наступленіе катаклизма. Но оно можетъ быть опредѣлено заранѣе по силѣ революціонныхъ дѣйствій, совершенныхъ въ подготовительный періодъ различными партіями.

Такая то партія тщательно выработала теоріи, проповѣдуемыя ею, и активно пропагандировала перомъ и словомъ свою программу. Но ея стремленія не были достаточно подкрѣплены дѣлами, которыя являлись бы осуществленіемъ ея основныхъ идей и принциповъ. Она не предприняла ничего рѣшительнаго противъ своихъ самыхъ опас-

ныхъ враговъ, не коснулась учрежденій, которыя ей предстояло разрушить; она была сильна созданной ею теоріей, но у нея не было дѣлъ; она не сумѣла пробудить духа возстанія и направить свои дѣйствія противъ того, чему долженъ быть нанесенъ рѣшительный ударъ въ моментъ наступленія революціи. И вотъ, эта партія осталась менѣе извѣстной; съ ея именемъ не связаны дѣла, слухъ о которыхъ дошелъ бы до самыхъ отдаленныхъ хижинъ; ея стремленія не проникли въ народныя массы, не прошли черезъ горнило толпы и улицы, не нашли себѣ ясной формулы, выраженной нѣсколькими словами, ставшей лозунгомъ всего народа.

Писатели, представители этой партіи, извѣстны читателямъ, какъ мыслители, но у нихъ нѣтъ ни репутаціи, ни способностей людей дѣла; въ тотъ день, когда толпа устремится на улицу, она пойдетъ за тѣми, чьи теоретическія идеи, можетъ быть, и менѣе ясны, стремленія менѣе благородны, но которые успѣли показать себя въ дѣлѣ.

Та партія, которая вела болѣе широкую агитацію и проявила больше жизни и смѣлости, станетъ во главѣ движенія въ тотъ моментъ, когда надо будетъ дѣйствовать, когда надо будетъ произвести революцію. Но, если у нея не хватило смѣлости заявить о себѣ революціонными дѣйствіями въ подготовительный періодъ, если у нея нѣтъ достаточной силы убѣжденія, чтобъ внушить отдѣльнымъ, индивидуумамъ или группамъ чувство самоотреченія и непреодолимое желаніе привести въ исполненіе свои идеи,—если бы это желаніе существовало, оно перешло бы въ дѣйствіе гораздо раньше, чѣмъ народъ устремился бы на улицу,—если знамя ея не стало знаменемъ народа и стремленія ея недостаточно осязаемы и понятны,—эта партія не будетъ имѣть возможности привести въ исполненіе ни одного пункта своей программы. Она будетъ побѣждена активными партіями.

Вотъ что намъ говоритъ исторія о періодахъ, предшествующихъ революціямъ. Революціонная буржуазія прекрасно поняла это: стремясь уничтожить монархическій режимъ, она не пренебрегала ни однимъ изъ способовъ агитаціи, чтобъ пробудить духъ возстанія. Французскій крестьянинъ прошлаго вѣка инстинктивно понималъ это, когда онъ боролся за уничтоженіе феодальныхъ правъ. Интернаціоналъ придерживался тѣхъ же принциповъ, когда онъ стремился пробудить въ средѣ городскихъ рабочихъ духъ возстанія и направить его противъ естественнаго врага наемника,—хищника, который захватилъ въ свои руки орудія и средства производства.

III.

Интересно и необходимо было бы изучить тѣ средства агитаціи, которыми пользовались въ различныя эпохи революціонеры, чтобъ ускорить наступленіе революціи, уяснить массамъ значеніе грядущихъ событій, указать народу его главныхъ враговъ и пробудить въ немъ духъ смѣлости и возстанія. Мы знаемъ прекрасно, почему такая то революція была неизбѣжна, но только инстинктивно мы можемъ объяснить себѣ процессъ зарожденія революціи.

Въ Пруссіи главный штабъ издалъ для арміи цѣлый научный трудъ о томъ, какъ подавлять народныя возстанія, дезорганизовывать

мятежи, вносить разладъ въ среду борцовъ и разсѣивать ихъ силы. Теперь хотятъ наносить сразу вѣрные удары, душить народъ по правиламъ. Изученіе, о которомъ мы только что говорили, могло бы дать отвѣтъ на этотъ трудъ и на многіе другіе, разбирающіе тѣ же вопросы, можетъ быть даже съ меньшимъ цинизмомъ. Оно показало бы намъ, какъ дезорганизовать правительство, какъ разсѣять его силы, какъ поднять нравственный уровень народа, подавленнаго нищетой и гнетомъ.

До сихъ поръ еще ничего не сдѣлано въ этомъ направленіи. Историки дали намъ яркую картину великихъ моментовъ эволюціи человѣчества въ его стремленіи къ освобожденію, но они почти не останавливались на періодахъ, предшествующихъ революціямъ. Поглощенные тѣмъ, чтобъ набросать самую драму, они лишь вскользь говорятъ о прологѣ. А насъ больше всего интересуетъ этотъ прологъ.

Какую захватывающую грандіозную и прекрасную картину представляютъ собой усилія великихъ борцовъ, подготовлявшихъ революціи! Какую неутомимость проявляли крестьяне и нѣкоторые дѣятели изъ буржуазіи въ своей работѣ до 1789 года: какую упорную борьбу вели республиканцы, начиная съ реставраціи Бурбоновъ въ 1815 году до ихъ паденія въ 1830 году; сколько самоотверженности было въ дѣятельности тайныхъ обществъ во время царствованія толстого буржуа Людовика-Филиппа! Какимъ ужасомъ вѣетъ отъ заговоровъ, составляемыхъ итальянцами съ цѣлью свергнуть австрійское иго,— отъ ихъ героическихъ попытокъ, отъ невыразимыхъ страданій ихъ мучениковъ. Какъ мрачна и грандіозна была бы трагедія, описывающая всѣ преслѣдованія, которымъ подвергалась тайная работа русской молодежи, подкапывающейся подъ правительство, стремящейся преобразовать капиталистическій и земельный режимъ,—работа, продолжающаяся съ 1860 года до нашихъ дней! Сколько благородныхъ личностей предстало бы предъ современнымъ соціалистомъ, если бы онъ прочелъ эти драмы; сколько самоотверженности и величественнаго самоотреченія увидѣлъ бы онъ въ нихъ, какое революціонное воспитаніе, не только теоретическое, но и практическое, могли бы они дать нашему поколѣнію!

Мы не станемъ тутъ заниматься подобнымъ изученіемъ. Ограничимся нѣсколькими примѣрами, въ которыхъ покажемъ какими средствами пользовались наши отцы для революціонной агитаціи.

Бросимъ бѣглый взглядъ на одинъ изъ періодовъ, предшествующихъ 1789 году, и, оставивъ въ сторонѣ подробный анализъ обстоятельствъ, создавшихъ къ концу прошлаго вѣка революціонное положеніе, ограничимся указаніемъ нѣсколькихъ пріемовъ агитаціи, употребленныхъ нашими предшественниками.

Революція 1789—1793 года дала намъ два крупныхъ явленія. Низверженіе королевской власти и появленіе буржуазіи у кормила правленія, съ одной стороны; окончательное уничтоженіе рабства и ленныхъ податей въ деревняхъ, съ другой. Оба они тѣсно связаны между собой, немыслимы одно безъ другого. Эти два теченія замѣ-

чаются въ агитаціи предшествующей революціи: агитація противъ королевской власти въ средѣ буржуазіи, агитація противъ правъ сеньоровъ среди крестьянъ.

Бросимъ бѣглый взглядъ на оба эти теченія.

Газета въ ту эпоху не имѣла того значенія, которое она пріобрѣла сейчасъ; ея мѣсто занимали брошюры, памфлеты и листки въ три, четыре страницы. Брошюры распространяли въ массахъ идеи философовъ и экономистовъ, предшественниковъ революціи; памфлеты и летучіе листки способствовали агитаціи, направляли весь ядъ своего сарказма на трехъ главныхъ враговъ народа: короля и его дворъ, аристократію и духовенство.

Тысячи летучихъ листковъ говорятъ о развращенности королевы, о порокахъ и преступныхъ развлеченіяхъ двора, срываютъ съ него обманчивые покровы, осмѣиваютъ его и стремятся обнажить всю его подлость и глупость.

Любовныя исторіи короля, придворные скандалы, безумная расточительность, знаменитый Pacte de Famine—союзъ между правителями и скупщиками хлѣба, заключенный съ цѣлью нажиться, заставляя голодать народъ,—вотъ о чемъ говорятъ памфлеты. Ихъ авторы всегда на сторожѣ и пользуются всякимъ случаемъ общественной жизни, чтобъ нанести ударъ своимъ врагамъ. Какъ только въ обществѣ заговорятъ о какомъ-нибудь событіи,—памфлетъ и летучій листокъ спѣшатъ дать ему свое толкованіе. Они удобнѣе чѣмъ газета для такого рода агитаціи. Газета—цѣлое предпріятіе; ея прекращеніе можетъ поставить въ затруднительное положеніе всю партію, и потому приходится призадуматься прежде чѣмъ рѣшиться на что-нибудь рискованное. Памфлетъ же и листокъ компрометируютъ только автора и типографа,—а попробуйте-ка ихъ найти!..

Авторы этихъ листковъ, очевидно, должны были первымъ дѣломъ освободиться отъ цензуры. Тогда не прибѣгали еще къ милой уловкѣ современнаго іезуитства, къ судебному преслѣдованію прессы, которое лишаетъ всякой свободы революціоннаго писателя; авторовъ и типографовъ арестовывали по тайнымъ повелѣніямъ, по грубымъ, но, по крайней мѣрѣ, откровеннымъ «lettres de cachet».

И поэтому авторы печатали свои памфлеты или въ Амстердамѣ, или еще гдѣ-нибудь,—«*за сто верстъ отъ Бастиліи, подъ деревомъ Свободы*». Они не стѣснялись въ своихъ нападкахъ; поносили короля, королеву и ея любовниковъ, сановниковъ и аристократію. Съ этой подпольной прессой полиція, конечно, не могла справиться; сколько она ни обыскивала книжные магазины, ни арестовывала газетчиковъ,—авторы не попадались ей въ руки и спокойно продолжали свое дѣло.

Пѣсня,—слишкомъ правдивая, чтобъ быть напечатанной, переходившая изъ устъ въ уста съ одного конца Франціи на другой;—была всегда однимъ изъ самыхъ удачныхъ способовъ пропаганды. Она обрушивалась на установленныя власти и общепризнанные авторитеты, осмѣивала коронованныхъ особъ, сѣяла вездѣ, вплоть до

семейнаго очага, презрѣніе къ королевской власти, ненависть къ духовенству и аристократіи, надежду на скорое наступленіе революціи.

Но, главнымъ образомъ, агитаторы прибѣгали къ объявленіямъ, вывѣшиваемыхъ на улицахъ. Объявленіе заставляло говорить о себѣ, вызывало больше толковъ и волненій, чѣмъ памфлетъ или брошюра. И объявленія, печатныя или писанныя, появлялись при всякомъ удобномъ случаѣ каждый разъ, какъ происходило что-либо интересующее общество. Они срывались, но на слѣдующій день появлялись снова и приводили въ бѣшенство правителей и ихъ сыщиковъ. —«Ваши предки не попались намъ въ руки, но вамъ не избѣжать нашей мести!» читаетъ сегодня король на листкахъ, приклеенныхъ къ стѣнамъ его дворца. Завтра королева плачетъ отъ злости, видя, что на улицахъ вывѣшиваютъ объявленія, говорящія о мельчайшихъ подробностяхъ ея постыдной жизни. Тогда еще зародилась въ народѣ ненависть, проявленная имъ впослѣдствіи, къ женщинѣ, готовой уничтожить весь Парижъ, чтобъ остаться королевой и удержать въ своихъ рукахъ власть.

Вздумаютъ-ли царедворцы отпраздновать рожденіе Дофина,— объявленія угрожаютъ поджечь городъ, вызываютъ панику и подготовляютъ умы къ чему-то необыкновенному. Или вдругъ появятся на улицѣ объявленія, возвѣщающія, что въ день такого-то празднества *„король и королева будутъ подъ конвоемъ отведены на Гревскую площадь, потомъ въ городскую думу для исповѣди и наконецъ взойдутъ на эшафотъ и будутъ сожжены живыми“*. Созоветъ-ли король собраніе нотаблей, сейчасъ же вывѣшиваются объявленія: «новая труппа комедіантовъ, набранная господиномъ Калономъ (первый министръ) начнетъ свои представленія 29 числа такого-то мѣсяца и дастъ аллегорическій балетъ «*Бочка Данаидъ*». Или же, становясь все ядовитѣе и злѣе, объявленія проникнутъ въ ложу королевы и возвѣстятъ ей, что тираны скоро будутъ казнены.

Но объявленія направляются, главнымъ образомъ, противъ скупщиковъ хлѣба, главныхъ арендаторовъ и интендантовъ. И каждый разъ, какъ въ народѣ замѣчается усиленное возбужденіе, они объявляютъ Варѳоломеевскую ночь для интендантовъ и главныхъ арендаторовъ. Фабрикантъ, хлѣботорговецъ, интендантъ, которыхъ ненавидитъ народъ,—приговариваются этими объявленіями къ смерти отъ имени «народнаго совѣта», «народнаго парламента» и т. п.; и во время возстанія народная месть обрушится, конечно, на тѣхъ изъ эксплоататоровъ, имена которыхъ особенно часто попадались въ объявленіяхъ.

Если бы можно было собрать все неисчислимое количество объявленій, появившихся въ теченіе десяти, пятнадцати лѣтъ, предшествующихъ революціи,—мы бы поняли, какое громадное значеніе имѣлъ этотъ родъ агитаціи для подготовленія всеобщаго возстанія. Объявленія эти, игривыя и насмѣшливыя вначалѣ, становились все болѣе угрожающими по мѣрѣ приближенія развязки; всегда живыя и остроумныя, всегда готовыя отозваться на каждое явленіе текущей политики и отвѣтить на запросы массъ,—они возбуждали въ народѣ недовольство, указывали ему на его главныхъ враговъ, пробу-

ждали въ крестьянахъ, рабочихъ и буржуазіи жажду мести и возвѣщали о близкомъ днѣ расплаты, днѣ освобожденія.

Совершеніе казней надъ изображеніями преступниковъ было очень распространеннымъ обычаемъ въ прошломъ столѣтіи. Это былъ одинъ изъ самыхъ употребительныхъ способовъ агитаціи. Каждый разъ, какъ замѣчалось въ народѣ усиленное возбужденіе, на улицу выносилось изображеніе врага даннаго момента, кукла, которую вѣшали, сжигали, или четвертовали.—«Ребячество!»—скажутъ молодые старики, мнящіе себя разумными. Но пусть они знаютъ, что нападеніе на помѣщеніе, въ которомъ происходили выборы въ 1789 году, казни Фулона и Бертье, измѣнившія совершенно характеръ революціи,—были только осуществленіемъ того, что агитаторы подготовили и внушили народу путемъ казней надъ соломенными куклами.

Разсмотримъ нѣсколько примѣровъ. Парижскій народъ ненавидѣлъ Мопу, одного изъ любимыхъ министровъ Людовика XVI. И вотъ, какъ-то появляется на улицѣ толпа, раздаются крики и кто-то объявляетъ: «по постановленію парламента, господинъ Мопу, канцлеръ Франціи, приговаривается къ сожженію, и пепелъ его долженъ быть раскиданъ по вѣтру!» Вслѣдъ за этимъ, толпа направляется къ статуѣ Генриха IV съ куклой, изображающей канцлера, со всѣми знаками отличія, и сжигаетъ эту куклу при одобреніи всѣхъ присутствующихъ. Въ другой разъ привѣшиваютъ къ фонарю изображенію аббата Террау въ рясѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Въ Руанѣ четвертуютъ изображеніе Мопу и, такъ какъ жандармы не допускаютъ скопленія народа, толпа ограничивается тѣмъ, что вѣшаетъ вверхъ ногами изображеніе скупщика, у котораго изъ носа, ушей и рта обильнымъ дождемъ сыплется пшеница.

Вотъ вамъ и пропаганда! пропаганда во всякомъ случаѣ болѣе дѣйствительная, чѣмъ абстрактная пропаганда, доступная небольшому числу избранныхъ.

Чтобъ подготовить возстанія, предшествующія великой революціи, надо было пріучить народъ выходить на улицу, громко выражать свои взгляды въ общественныхъ мѣстахъ, не бояться полиціи, войска и кавалеріи. Вотъ почему революціонеры той эпохи не пренебрегаютъ ни однимъ изъ способовъ, бывшихъ въ ихъ распоряженіи, чтобъ привлечь народъ на улицу и вызвать скопища.

Они пользуются всякимъ явленіемъ общественной жизни, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціяхъ. Когда общественному мнѣнію удается принудить короля удалить нелюбимаго министра, начинаются празднества и иллюминаціи. Чтобъ привлечь народъ, устраиваютъ фейерверки, пускаютъ ракеты. Если не хватаетъ денегъ, останавливаютъ, по словамъ современниковъ, прохожихъ и «вѣжливо, но твердо просятъ немного денегъ для увеселенія толпы». Какъ только соберется народъ, ораторы начинаютъ говорить, объясняютъ и комментируютъ событія; вскорѣ образовываются цѣлые клубы подъ открытымъ небомъ. Войска, явившіяся разсѣять толпу, не рѣшаются

употребить насилія противъ этихъ мирно настроенныхъ людей, а фейерверки и ракеты, разрывающіеся въ воздухѣ при радостныхъ возгласахъ и хохотѣ народа, умѣряютъ пылъ слишкомъ ревностныхъ блюстителей порядка.

Въ провинціальныхъ городахъ вдругъ показываются на улицахъ трубочисты, которые представляютъ и высмѣиваютъ засѣданіе парламента, на которомъ присутствуетъ король. Раздаются взрывы хохота; толпа весело встрѣчаетъ людей, съ измазанными сажей физіономіями, изображающихъ короля или королеву. Акробаты и жонглеры собираютъ на площадяхъ тысячную толпу и потѣшаютъ своихъ зрителей забавными разсказами, задѣвающими правителей и богачей. Страсти разгораются, возбужденіе растетъ, и горе тому правителю или богачу, который въ этотъ моментъ попадется въ руки толпѣ: онъ будетъ растерзанъ ею.

Лишь бы мысль работала въ этомъ направленіи,—и сколько удобныхъ случаевъ найдетъ смышленный человѣкъ, чтобъ вызвать скопища, собрать на улицахъ толпу изъ болтуновъ и насмѣшниковъ вначалѣ, а потомъ изъ людей, готовыхъ дѣйствовать, готовыхъ жертвовать собой, особенно если возбужденіе въ народѣ подготовлено самимъ положеніемъ дѣлъ и отчаянными поступками безумцевъ.

Революціонное положеніе и всеобщее недовольство съ одной стороны, объявленія, вывѣшенныя на стѣнахъ, памфлеты, пѣсни и совершеніе казней надъ изображеніями, съ другой—ободряютъ народъ и придаютъ ему смѣлость; понемногу скопища на улицахъ становятся все чаще и принимаютъ болѣе угрожающій характеръ. Сегодня напали въ темномъ закоулкѣ на парижскаго архіепископа, вчера чуть было не утопили какого то графа или герцога; властей встрѣчаютъ и провожаютъ съ гиканіемъ и свистомъ. Словомъ, проявленія народнаго возмущенія становятся все чаще и разнообразнѣе, и подготовляютъ день, когда достаточно будетъ малѣйшей искры, чтобъ эти скопища превратились въ мятежъ, а мятежъ въ революцію.

— «Это возстанія черни, возстанія негодяевъ и бездѣльниковъ»,— говорятъ теперь наши честные историки.

— Да, это вѣрно, революціонеры буржуа искали себѣ союзниковъ не среди людей состоятельныхъ, которые въ салонахъ поносили правителей, а на дѣлѣ гнули передъ ними спину; въ пригородныхъ кабачкахъ, пользующихся дурной славой, брали они себѣ товарищей, вооруженныхъ дубинами, когда дѣло шло о нападеніи на его святѣйшество парижскаго архіепископа.

IV.

Если бы революціонныя дѣйствія ограничились нападками на отдѣльныхъ правителей и на правительственные институты, не касаясь институтовъ экономическихъ, могла ли Великая Революція быть тѣмъ, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ, всеобщимъ возстаніемъ народныхъ массъ,—крестьянъ и рабочихъ противъ привилегированныхъ классовъ? Продолжалась ли бы революція четыре года? Подняла ли

бы она на ноги всю Францію? Нашла ли бы въ себѣ ту непобѣдимую силу, которую она противопоставила королямъ?

Конечно, нѣтъ! Историки могутъ пѣть хвалебные гимны Учредительному Собранію, Конвенту и всѣмъ «messieurs du Tiers»,— но мы знаемъ въ чемъ тутъ дѣло. Мы знаемъ, что революція достигла бы лишь минимальнаго конституціоннаго ограниченія королевской власти и не коснулась бы феодальнаго режима, если бы крестьянское населеніе всей Франціи не возстало и не поддерживало бы въ странѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ анархію—добровольную революціонную работу отдѣльныхъ группъ и индивидуумовъ, освободившихся отъ какой бы то ни было правительственной опеки. Мы знаемъ, что крестьянинъ остался бы вьючнымъ скотомъ сеньора, если бы Жакерія не свирѣпствовала съ 1788 до 1793 года,—до того времени, когда Конвентъ былъ принужденъ санкціонировать закономъ то, чего уже добились крестьяне: уничтоженіе безъ выкупа ленныхъ податей и возвращеніе Коммунамъ всѣхъ богатствъ, отнятыхъ у нихъ при старомъ режимѣ богачами. Тщетно было бы ждать справедливости отъ Собраній; они ничего не дали народу, если бы голыши и санкюлоты не бросили на парламентскіе вѣсы своихъ пикъ и дубинъ.

Но, ни агитація противъ министровъ, ни вывѣшиваніе въ Парижѣ объявленій, направленныхъ противъ королевы, не могли подготовить возстанія въ деревняхъ. Возстаніе это было результатомъ общаго состоянія страны, результатомъ агитаціи людей, которые вышли изъ народа и направляли свои нападки на его непосредственныхъ враговъ: сеньора, священника-собственника, скупщика хлѣба и толстаго буржуа.

Этотъ родъ агитаціи еще менѣе извѣстенъ, чѣмъ тотъ, о которомъ мы только что говорили. У насъ есть исторія Парижа, но исторіей деревни никто еще не начиналъ заниматься серьезно; исторія не знаетъ крестьянина; но тѣ немногія свѣдѣнія, которыя дошли до насъ, даютъ намъ о немъ нѣкоторое представленіе.

Памфлеты и летучіе листки не проникали въ деревню; крестьяне въ то время были, большей частью, неграмотны. Пропаганда производилась при помощи простыхъ и понятныхъ картинъ, напечатанныхъ или нарисованныхъ. На этихъ лубочныхъ картинахъ надписывали нѣсколько словъ,—и этого было достаточно, чтобъ воображеніе народа создало цѣлые романы, въ которыхъ дѣйствующими лицами были король, королева, графы, куртизанки, сеньоры, эти «вампиры, высасывающіе кровь народа». Картины эти переходили изъ деревни въ деревню и возбуждали умы.

Вывѣшивались иногда на деревьяхъ объявленія, которыя призывали къ возстанію, предвѣщали скорое наступленіе лучшихъ дней и разсказывали о мятежахъ, непрерывно вспыхивающихъ во всѣхъ концахъ Франціи.

Въ деревняхъ подъ именемъ «Jacques» образовывались тайныя общества, которыя поджигали амбары сеньора, уничтожали его урожаи и даже убивали его. Часто находили въ какомъ-нибудь дворцѣ трупъ пронзенный ножомъ, носящимъ надпись: De la part des Jacques!

Случалось, нападали на какого-нибудь сеньора, ѣдущаго въ своемъ громоздскомъ экипажѣ по краю оврага. Съ помощью ямщика его связывали, клали ему въ карманъ бумагу съ надписью: De la part des Jacques! и бросали его въ оврагъ.

Или же ставили на перекресткѣ двухъ дорогъ висѣлицу съ надписью: Если сеньоръ посмѣетъ взимать подать, онъ будетъ повѣшенъ на этой висѣлицѣ; кто посмѣетъ платить сеньору подвергнется той же участи! И крестьянинъ, не принуждаемый властями, не вносилъ податей и былъ доволенъ, что нашелъ возможность избавиться отъ этой повинности. Онъ понемногу привыкалъ къ мысли, что можно не вносить платежей, не повиноваться сеньору, а вскорѣ онъ ужъ самъ не хотѣлъ платить и угрозами принуждалъ сеньора отказаться отъ взиманія какихъ бы то ни было податей.

Въ деревняхъ непрерывно появлялись объявленія, возвѣщавшія, что отнынѣ взиманіе податей отмѣнено, что надо сжигать дворцы и поземельныя росписи, что *Народный Совѣтъ* издалъ указъ въ этомъ смыслѣ.—«Хлѣба! Отмѣны налоговъ и податей!» вотъ тотъ лозунгъ, который обходилъ всѣ деревни. Понятный и близкій всѣмъ, онъ проникалъ въ душу матери, дѣти которой не ѣли въ теченіе трехъ дней, пронизывалъ мозгъ крестьянина, преслѣдуемаго властями, которыя вырывали у него силой недоимки. «Долой скупщиковъ!»—и склады ихъ взламывались, обозы съ хлѣбомъ захватывались, и мятежъ переходилъ изъ провинціи въ провинцію. «Долой пошлины на съѣстные припасы!»—и заставы сжигались, а города, которымъ не хватало денегъ, въ свою очередь возставали противъ центральной власти, требующей отъ нихъ платежей.—«Сжигайте реестры налоговъ, счетныя книги, архивы муниципалитетовъ!»—и въ іюлѣ 1789 г. канцелярскія бумаги горѣли, власть дезорганизовывалась, сеньоры эмигрировали, и революція охватывала своимъ огненнымъ кольцомъ всю страну.

Все, что разыгралось въ Парижѣ, было лишь отраженіемъ того, что происходило въ провинціяхъ, отзвукомъ революціи, которая бушевала въ каждомъ городѣ, каждой деревнѣ, которую народъ былъ готовъ всецѣло направить не противъ центральнаго правительства, а противъ своихъ непосредственныхъ враговъ: эксплоататоровъ, этихъ піявокъ, присосавшихся къ его организму.

Словомъ, революція 1788—1793 года показала намъ, какъ народная революція (революція преимущественно экономическая, какъ всѣ народныя революціи) дезорганизуетъ Государство.

Во Франціи много раньше 1789 года замѣчалось революціонное настроеніе, но духъ возстанія еще недостаточно созрѣлъ, чтобъ разразилась революція. И революціонеры направляли всѣ свои усилія на развитіе этого духа непокорности и смѣлости, духа непримиримой вражды къ существующему соціальному строю.

Въ то время, какъ революціонеры изъ буржуазіи устремляли свои нападки на правительство, революціонеры изъ народа,—тѣ, чьихъ именъ намъ даже не сохранила исторія,—подготовляли *свое* возстаніе, *свою* революцію и направляли всѣ свои дѣйствія противъ

сеньоровъ, агентовъ государственной казны и всякаго рода эксплоататоровъ.

Въ 1788 году непрерывные народные бунты возвѣщали приближеніе революціи. Король и буржуазія стремились подавить ее уступками, но могли ли остановить народную волну Генеральные Штаты, іезуитскія уступки 4-го августа, жалкіе указы Законодательнаго Собранія?—Такимъ путемъ можно успокоить политическія волненія, но этого слишкомъ мало, чтобъ улеглось народное возстаніе. Волна подымалась все выше; стремясь поглотить собственность, она *подтачивала Государство*. Она дѣлала невозможнымъ утвержденіе какого бы то ни было правительства, и народное возстаніе, направленное противъ сеньоровъ и богачей, кончилось тѣмъ, что черезъ четыре года королевская власть и абсолютизмъ были уничтожены.

Таковъ ходъ всѣхъ великихъ революцій. Таковъ будетъ ходъ и развитіе будущей Революціи, если она—въ чемъ, конечно, мы не сомнѣваемся, — будетъ не простой перемѣной правительства, а настоящей народной революціей, катаклизмомъ, который переродитъ режимъ собственности.

Теорія и практика.

Когда мы говоримъ о новомъ порядкѣ вещей, который, по нашему мнѣнію, установится послѣ будущей революціи, намъ обыкновенно возражаютъ:

— «Все это—теорія; оставимъ ее на время въ сторонѣ и займемся практическимъ дѣломъ (рѣшеніемъ вопросовъ о выборахъ, напримѣръ). Подготовимъ переходъ власти въ руки рабочаго класса, и тогда мы увидимъ, что можетъ дать революція».

Но есть что-то недоговоренное въ этихъ словахъ, и это заставляетъ усомниться въ справедливости и даже въ искренности этого разсужденія. Дѣло въ томъ, что у каждаго изъ возражающихъ намъ есть своя опредѣленная теорія относительно того, какъ должно организоваться общество на другой день, или, вѣрнѣе, въ день революціи. Они всѣ пользуются своими теоріями, твердо держатся за нихъ, и пропагандируютъ свои идеи; ихъ поступки являются логическимъ слѣдствіемъ ихъ убѣжденій.

Въ сущности говоря, слова:—«Не обсуждайте теоретическихъ вопросовъ» сводятся къ слѣдующему:—«Не оспаривайте *нашей* теоріи и помогите намъ осуществить ее».

Въ самомъ дѣлѣ, вы не найдете ни одной статьи въ газетѣ, въ которой бы не проскальзывали взгляды автора на то, какова должна быть въ будущемъ организація общества. Слова: «Рабочее Государство», «организація Государствомъ производства и обмѣна», «коллективизмъ» (ограничивающійся коллективной собственностью на орудія производства и отвергающій предоставленіе въ общее пользованіе всѣхъ продуктовъ), «тактика партіи», и т. п.,—всѣ эти слова непрерывно встрѣчаются во всѣхъ газетахъ и брошюрахъ. Тѣ, которые дѣлаютъ видъ, что не придаютъ никакого значенія «теоріямъ», на-

дѣлѣ усердно пропагандируютъ *свои* теоріи. И въ то время, какъ мы избѣгаемъ подобнаго рода обсужденій и споровъ, другіе распространяютъ *свои* идеи и концепціи, сѣятъ *новыя* ошибки, съ которыми намъ придется бороться. Достаточно будетъ упомянуть о книгѣ «Квинтъ-эссенція Соціализма», Шеффле, австрійскаго эксъ-министра, который, подъ предлогомъ защиты соціализма, стремится спасти буржуазный порядокъ во время предстоящаго разгрома. Книга эта, въ которой такъ сильно чувствуется эксъ-министръ, не имѣла, правда, успѣха среди нѣмецкихъ и французскихъ рабочихъ; но его идеи, приправленныя нѣсколькими революціонными фразами, пропагандируются ежедневно.

Да это вполнѣ естественно. Человѣческому уму не свойственно приниматься за работу разрушенія, пока у него нѣтъ хоть нѣкотораго представленія о томъ, чѣмъ онъ замѣнитъ разрушенное имъ.—«Учредятъ революціонную диктатуру», говорятъ одни.—«Провозгласятъ правительство, состоящее изъ рабочихъ, и ему поручатъ организацію производства», говорятъ другіе. «Въ освобожденныхъ Коммунахъ все будетъ предоставлено въ общее пользованіе», говорятъ третьи. Но всѣ безъ исключенія составили себѣ опредѣленное понятіе о томъ будущемъ, къ которому они стремятся, и это сознательно или безсознательно отражается на ихъ способѣ дѣйствія въ подготовительный періодъ.

Мы ничего не выигрываемъ, избѣгая споровъ о «теоретическихъ вопросахъ»; наоборотъ, чтобы быть «практичными», мы должны ставить ихъ на обсужденіе и всѣми силами оспаривать и защищать нашъ идеалъ анархическаго коммунизма.

Если теперь, въ періодъ сравнительнаго затишья, мы не будемъ разбирать этихъ вопросовъ, когда же мы это сдѣлаемъ?

Въ день революціи, среди дымящихся баррикадъ, на развалинахъ стараго зданія, когда уже широко будутъ открыты двери будущему? Когда надо будетъ имѣть опредѣленное рѣшеніе и непреклонное желаніе привести его въ исполненіе?—Тогда будетъ уже не время разсуждать. Надо будетъ дѣйствовать, дѣйствовать немедленно, въ томъ или другомъ смыслѣ.

Предыдущія революціи не дали французскому народу того, чего онъ отъ нихъ ожидалъ, не потому, конечно, что онъ заранѣе слишкомъ усердно обсуждалъ цѣль надвигающейся революціи. Опредѣленіе этой цѣли и обсужденіе дальнѣйшаго образа дѣйствія народъ всецѣло предоставлялъ своимъ предводителямъ, которые неизмѣнно обманывали его. Не существованіе опредѣленной теоріи помѣшало народу дѣйствовать, а отсутствіе какой бы то ни было теоріи. Буржуазія въ 1848 и въ 1870 году прекрасно знала, что она будетъ дѣлать въ тотъ день, когда народъ низвергнетъ правительство. Она знала, что она захватитъ власть, заставитъ народъ выборами санкціонировать свое правительство, вооружитъ мелкаго буржуа противъ крестьянина и рабочаго и, имѣя въ своемъ распоряженіи войска, пушки, пути сообщенія и деньги, сумѣетъ справиться съ трудящимися массами,

если онѣ посмѣютъ предъявить свои права. *Буржуазія знала*, что она будетъ дѣлать въ день революціи.

Но народъ не зналъ этого. Въ вопросахъ политическихъ онъ слѣпо слѣдовалъ буржуазіи; въ 1848 году онъ повторялъ за ней: «Республика и всеобщее избирательное право»; въ мартѣ 1871 года, онъ вмѣстѣ съ мелкой буржуазіей провозглашалъ Коммуну. Ни въ 1848, ни въ 1871 году, у него не было никакого представленія о томъ, какъ приступить къ рѣшенію самаго насущнаго вопроса, вопроса о хлѣбѣ и трудѣ. «Организація труда», этотъ лозунгъ 1848 г. (призракъ, воскрешенный недавно нѣмецкими коллективистами въ нѣсколько измѣненномъ видѣ), былъ настолько неопредѣленный и расплывчатый, что ничего не говорилъ народу; то же самое мы можемъ сказать о коллективизмѣ Интернаціонала 1869 года во Франціи. Если бы въ мартѣ 1871 года кто-нибудь спросилъ всѣхъ работающихъ надъ осуществленіемъ Коммуны, какъ приступить къ рѣшенію вопроса о хлѣбѣ и трудѣ,—какую ужасную какофонію противорѣчивыхъ отвѣтовъ ему пришлось бы услышать! Надо ли было отъ имени Парижской Коммуны захватить мастерскія? Можно ли было коснуться домовъ и объявить ихъ собственностью возставшаго города? Надо ли было захватить всѣ съѣстные припасы и произвести раздѣлъ? Надо ли было объявить всѣ богатства, накопленныя въ Парижѣ, собственностью всего французскаго народа и воспользоваться этимъ могучимъ средствомъ для освобожденія всей націи?—Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ народъ не могъ дать опредѣленнаго отвѣта. Интернаціоналъ, отвлеченный непрерывной борьбой, не успѣлъ основательно обсудить всѣхъ этихъ вопросовъ.—«Вы разводите теоріи», говорили всѣмъ, кто только приступалъ къ ихъ разрѣшенію, а Соціальную Революцію опредѣляли расплывчатыми и неясными словами: Свобода, Равенство и Солидарность.

Мы далеки отъ мысли выработать вполнѣ законченную программу на случай революціи. Подобная программа задерживала бы только работу: она послужила бы поводомъ къ слѣдующаго рода софизмамъ:—«Разъ мы не можемъ сейчасъ осуществить нашей программы, будемъ ждать и беречь нашу драгоцѣнную кровь для болѣе подходящаго случая».

Мы прекрасно знаемъ, что всякое народное движеніе есть шагъ впередъ къ приближенію Соціальной Революціи. Оно пробуждаетъ духъ возстанія и пріучаетъ смотрѣть на установленный порядокъ (или вѣрнѣе установленный безпорядокъ), какъ на нѣчто неустойчивое и непостоянное. Только нѣмецкій парламентаристъ,—съ его глупымъ высокомѣріемъ,—способенъ спрашивать: «Что дала Великая Революція, что дала Коммуна?» Если Франція теперь—авангардъ революціи, если французскій народъ революціонеръ по своему уму и темпераменту,—то это объясняется только тѣмъ, что онъ испыталъ столько революцій,—революцій, непризнанныхъ доктринерами и невѣждами.

Мы должны ясно и точно опредѣлить *цѣль*, къ которой стремимся. И не только опредѣлить эту цѣль, но и подтвердить ее сло-

вомъ и дѣломъ, сдѣлать достояніемъ всего народа, чтобъ въ день возстанія она вырвалась изъ всѣхъ устъ. Совершить эту работу гораздо необходимѣе и труднѣе, чѣмъ это предполагаютъ; если цѣль наша и стоитъ какъ живая передъ глазами небольшого числа избранныхъ, то она совсѣмъ не ясна для большей части народа, на который непрерывно вліяетъ пресса буржуазная, либеральная, коммуналистическая, коллективистическая и т. д., и т. д.

Отъ этой цѣли зависитъ нашъ образъ дѣйствій, какъ сейчасъ такъ и въ будущемъ. Различіе между коммунистомъ-анархистомъ, коллективистомъ-авторитаристомъ, якобинцемъ и коммунистомъ-автономистомъ заключается не только въ ихъ пониманіи будущаго идеала. Оно проявится не только въ день революціи, оно замѣтно и сейчасъ въ каждой мелочѣ, въ оцѣнкѣ каждаго поступка, въ каждомъ словѣ. Въ день революціи, коллективистъ-государственникъ засядетъ въ Парижской Городской Думѣ и будетъ оттуда издавать декреты относительно преобразованія режима собственности; онъ постарается утвердиться какъ правительство, грозное, входящее во всѣ проявленія народной жизни, вплоть до самыхъ мелочей. Коммуналистъ-автономистъ тоже поспѣшитъ въ Городскую Думу, тоже утвердится тамъ, какъ правительство, и попытается повторить исторію Коммуны 1871 г., запрещая народу коснуться святой собственности до тѣхъ поръ, пока Совѣтъ Коммуны не найдетъ это своевременнымъ. А коммунистъ-анархистъ завладѣетъ немедленно мастерскими, домами, хлѣбными амбарами, словомъ всѣми общественными богатствами, организуетъ въ каждой коммунѣ, каждой группѣ производство и потребленіе всѣми членами сообща, и постарается удовлетворить всѣмъ потребностямъ группъ и коммунъ.

Это различіе отражается въ мельчайшихъ проявленіяхъ нашей жизни, на нашей ежедневной работѣ. Каждый человѣкъ стремится установить нѣкоторое согласіе между своими поступками и той цѣлью, къ которой онъ стремится; и потому между коммунистомъ-анархистомъ, коллективистомъ-государственникомъ и коммуналистомъ-автономистомъ существуютъ непримиримыя разногласія относительно ихъ образа дѣйствія въ данный моментъ.

Это различіе существуетъ, и мы должны съ нимъ считаться. Пусть каждый выскажетъ откровенно свою цѣль и свои идеи; онѣ будутъ обсуждаться въ собраніяхъ группъ, и изъ столкновенія разнорѣчивыхъ взглядовъ и мнѣній выработается общая идея, къ которой присоединится большая часть народа.

Да и теперь есть нѣсколько пунктовъ, на которыхъ сходятся всѣ группы; это—борьба съ капиталомъ и защитникомъ капитала—правительствомъ. Всѣ искренніе соціалисты, каковъ бы ни былъ ихъ идеалъ будущей организаціи общества, сходятся на томъ, что экспропріація капитала будетъ результатомъ будущей революціи. Каждый соціалистъ, къ какой бы партіи онъ не принадлежалъ, долженъ поддерживать борьбу, подготовляющую экспропріацію. Чѣмъ чаще будутъ встрѣчаться различныя группы, чѣмъ больше онѣ будутъ обсу-

ждать интересующіе ихъ вопросы и явленія, тѣмъ скорѣе произойдетъ соглашеніе относительно того, что предпринять во время Революціи.

И если мы хотимъ, чтобъ въ день разгрома, народъ единодушно выставилъ наше требованіе, мы должны непрерывно распространять свои идеи и ясно выставить свой идеалъ будущаго общества. Если мы хотимъ быть практичными, мы должны заняться тѣмъ, что реакціонеры называютъ «утопіями и теоріями». Теорія и практика должны составлять одно цѣлое, чтобъ побѣда была на нашей сторонѣ.

Экспропріація.

I.

Теперь уже не одни революціонеры говорятъ, что Европа находится наканунѣ Великой Революціи. Буржуазія начинаетъ понимать истинное положеніе дѣлъ и говоритъ объ этомъ въ своихъ газетахъ *). Times посвящаетъ этому вопросу цѣлыя статьи. Насмѣхаясь надъ тѣми, кто проповѣдуетъ спартанскія добродѣтели, этотъ столичный органъ приглашаетъ буржуазію подумать о положеніи рабочихъ въ нашемъ обществѣ и сдѣлать имъ нѣкоторыя уступки, такъ какъ они имѣютъ полное право быть недовольными. Le Journal de Geneve заявляетъ, что республика слишкомъ мало занималась соціальнымъ вопросомъ. Другія газеты, которыя намъ даже противно назвать, органы крупной буржуазіи, проливаютъ горькія слезы надъ судьбой хозяевъ, которымъ въ скоромъ будущемъ придется самимъ работать, и констатируютъ, что потокъ народной ненависти къ богачамъ становится все могучѣе и грознѣе.

Событія въ столицѣ Австріи, глухое недовольство на сѣверѣ Франціи, событія въ Ирландіи и Россіи, народное движеніе въ Испаніи и тысячи другихъ признаковъ, солидарность между французскими рабочими и рабочими другихъ странъ, эта неосязаемая связь, заставляющая биться въ унисонъ сердца всѣхъ рабочихъ и объединяющая ихъ въ одно неразрывное цѣлое,—грозный союзъ, сила котораго заключается уже не въ одномъ комитетѣ,—вотъ что подтверждаютъ наши предсказанія.

Наконецъ, внутреннее состояніе Франціи, переживающей опять такую фазу, когда всѣ партіи, стремящіяся стать у власти, готовы протянуть другъ другу руку, чтобъ отразить ударъ, усиленная дѣятельность дипломатовъ, предсказывающихъ приближеніе европейской войны, столько разъ предупрежденной и потому ставшей теперь неизбѣжной; всеобщее возстаніе народа въ разоренной и побѣжденной странѣ;—всѣ эти факты, происходящіе въ наше время, столь богатое событіями, доказываютъ, что день Революціи приближается.

Буржуазія понимаетъ это и готовится противопоставить народному потоку—силу и жестокость, такъ какъ она не знаетъ и не хочетъ

*) Написано въ ноябрѣ 1882 года.

знать другихъ средствъ. Она будетъ сопротивляться до послѣдней возможности и пожертвуетъ жизнью ста, двухъ сотъ тысячъ рабочихъ, жизнью пятидесяти тысячъ ихъ женъ и дѣтей, чтобъ поддержать свое господство. Она не остановится ни передъ какими жестокостями и избіеніями. Она это доказала въ 1790 году на Марсовомъ полѣ, въ 1831 въ Ліонѣ, въ 1848 и 1871 въ Парижѣ. Чтобъ спасти свой капиталъ и оставить за собой право предаваться праздности и порокамъ, эти люди пойдутъ на все.

Ихъ тактика уже установлена.—Можемъ ли мы сказать тоже самое про нашу?

Для буржуазіи система избіеній—цѣлая программа; она заботится только о томъ, чтобъ были солдаты—французы, нѣмцы или турки,—которые согласились бы привести ее въ исполненіе. Буржуазія стремится поддержать существующій строй, продолжить statu quo, хотя бы на пятнадцать лѣтъ,—и потому весь вопросъ для нея сводится къ простой вооруженной борьбѣ. Совершенно иначе обстоитъ дѣло для рабочихъ: они стремятся измѣнить существующій порядокъ вещей; ихъ задача не такъ проста. Кровавая битва, которую намъ предстоитъ выдержать, лишь одинъ изъ этаповъ нашей борьбы съ капиталомъ. Мы ничего не достигнемъ, если ограничимся терроризированіемъ буржуазіи и оставимъ положеніе дѣлъ неизмѣннымъ. Наша цѣль гораздо шире, стремленія глубже.

Намъ предстоитъ положить конецъ эксплоатаціи человѣка, уничтожить неравенство, пороки и преступленія, которыя происходятъ отъ праздняго существованія однихъ наравнѣ съ экономическимъ, умственнымъ и нравственнымъ рабствомъ другихъ. Намъ предстоитъ сложная задача. Но разъ прошлые вѣка завѣщали эту задачу нашему поколѣнію, разъ намъ выпала на долю историческая необходимость работать надъ ея разрѣшеніемъ, мы возмемся за это дѣло. Намъ не придется искать ощупью этого разрѣшенія. Оно намъ было продиктовано исторіей одновременно съ самой задачей. Оно провозглашается уже во всѣхъ странахъ Европы и является завершеніемъ экономическаго и умственнаго развитія нашего вѣка. Это рѣшеніе—экспропріація и анархія.

Если соціальное богатство останется въ рукахъ тѣхъ, кто имъ владѣетъ сейчасъ, если мастерскія, верфи и мануфактура не перестанутъ быть собственностью хозяевъ, если желѣзныя дороги и пути сообщенія останутся въ рукахъ компаній или отдѣльныхъ лицъ, захватившихъ ихъ, если городскіе дома и виллы богачей останутся собственностью ихъ теперешнихъ владѣльцевъ вмѣсто того, чтобъ быть предоставленными безплатно въ распоряженіе всѣхъ трудящихся; если всѣ богатства, накопленныя въ банкахъ и богатыхъ домахъ не перейдутъ немедленно въ коллективную собственность,—вѣдь всѣ работали надъ ихъ производствомъ,—если возставшій народъ не захватитъ всѣхъ съѣстныхъ припасовъ, собранныхъ въ большихъ городахъ, и не организуетъ ихъ раздачи всѣмъ нуждающимся; наконецъ, если земля останется собственностью банкировъ и ростовщиковъ, которымъ она теперь принадлежитъ фактически, если крупныя помѣстья не будутъ отобраны у помѣщиковъ и отданы тѣмъ, кто хочетъ самъ обработывать землю, если утвердится классъ пра-

вителей, который будетъ управлять подданными—возстаніе не будетъ Революціей и все придется начинать сначала. Рабочій, сбросивъ съ себя на мгновенье тяжелое иго, долженъ будетъ снова подставить свою шею подъ то же иго, опять переносить бичъ хозяина, наглое высокомѣріе начальниковъ, пороки и преступленія праздныхъ классовъ,—не говоря уже о бѣломъ террорѣ, о ссылкѣ, казняхъ и бѣшенной пляскѣ опьяненныхъ кровью убійцъ надъ трупами рабочихъ.

Экспропріація—вотъ что должно быть лозунгомъ будущей революціи, если она хочетъ исполнить свою историческую миссію. Полная экспропріація для всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ хоть какую-нибудь возможность эксплоатировать человѣка. Возвращеніе націи въ общую собственность всего того, что можетъ служить въ рукахъ отдѣльнаго лица орудіемъ эксплоатаціи.

Жизнь въ свободномъ трудѣ, человѣкъ не принужденный продавать своего труда и свободы тѣмъ, кто накопляетъ богатства, пользуясь трудомъ рабовъ,—вотъ что должна дать будущая революція.

Десять лѣтъ тому назадъ эта программа (по крайней мѣрѣ, ея экономическая часть) была принята всѣми соціалистами. Кто называлъ себя соціалистомъ, тотъ признавалъ ее безъ всякихъ оговорокъ. Но съ тѣхъ поръ, рыцари промышленности такъ усердно эксплоатировали соціализмъ въ своихъ личныхъ интересахъ, такъ обкарнали эту программу, что теперь одни только анархисты признаютъ ее въ ея первоначальномъ видѣ.

Эту программу изувѣчили, набили пустыми фразами; которыя каждый можетъ комментировать въ свою пользу и приспособили не ко вкусамъ рабочихъ;—если рабочіе принимаютъ соціализмъ, то они обыкновенно принимаютъ его цѣликомъ,—а ко вкусамъ буржуазіи, чтобъ проникнуть въ ея ряды. Вотъ почему огромная работа распространенія и развитія идеи экспропріаціи падаетъ только на однихъ анархистовъ. Они не должны разсчитывать ни на чью помощь.

Было бы грубой ошибкой думать, что идея экспропріаціи проникла въ сознаніе всѣхъ трудящихся и стала однимъ изъ тѣхъ убѣжденій, изъ за которыхъ честный человѣкъ готовъ пожертвовать собой. Далеко нѣтъ! Милліоны людей никогда ничего не слышали объ экспропріаціи, а если и слышали, то только изъ устъ ея противниковъ. Да и среди ея приверженцевъ, какъ невелико число тѣхъ, которые ее понимаютъ и изслѣдовали со всѣхъ точекъ зрѣнія! Мы знаемъ, конечно, что идея экспропріаціи пріобрѣтетъ наибольшее число сторонниковъ во время самой революціи, когда всѣ будутъ интересоваться общимъ дѣломъ, будутъ читать, говорить, дѣйствовать, и когда точныя и ясно высказанныя идеи будутъ способны захватить массы. Если бы во время революціи были только двѣ партіи: буржуазія и народъ, то весь народъ принялъ бы идею экспропріаціи, какъ только самая незначительная группа предложила бы ее. Но кромѣ буржуазіи, у соціальной революціи есть и другіе враги.—Всѣ побочныя партіи, которыя возникли между буржуазіей и соціалистами революціонерами; всѣ, кто до мозга костей пропитанъ робостью мысли, этимъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ долгихъ вѣковъ поклоненія и покорности власти; на-

конецъ, всѣ тѣ, которые постараются спасти во время бури часть своихъ привилегій и будутъ сами возставать противъ тѣхъ привилегій, которыми они готовы пожертвовать на время,—съ тѣмъ, конечно, чтобъ потомъ снова вернуть ихъ себѣ;—всѣ эти посредники, со свойственной имъ энергіей, заставятъ народъ выпустить изъ рукъ добычу и удовлетвориться завоеваніемъ ея тѣни. Тысячи людей будутъ сочувственно говорить народу, что лучше взять немногое, чѣмъ все потерять; эти люди заставятъ народъ терять даромъ время, истощать свой революціонный пылъ на тщетную борьбу съ незначительными людьми и пустяками и помѣшаютъ ему рѣшительно взяться за разрушеніе существующихъ институтовъ; они захотятъ разыграть изъ себя Робеспьеровъ вмѣсто того, чтобы,—какъ это сдѣлали крестьянамъ прошлаго вѣка, *захватить* соціальное богатство, утвердить на него свои права и немедленно употребить его на пользу всего народа.

Мы должны немедленно приняться за усердную пропаганду идеи экспропріаціи, чтобъ отразить опасность; всѣ *наши* слова и поступки должны исходить изъ этой основной идеи; понятіе экспропріаціи должно проникнуть во всѣ отдаленные уголки страны; оно должно обсуждаться въ каждой деревнѣ и стать для каждаго рабочаго, для каждаго крестьянина составной частью понятія «Анархія». Тогда, и только тогда, слово «экспропріація» вырвется въ день революціи изъ всѣхъ устъ, станетъ грознымъ требованіемъ всего народа; тогда мы будемъ увѣрены, что кровь народа прольется не даромъ.

Эта идея должна руководить работой анархистовъ всѣхъ странъ. Времени мало, но это даетъ намъ новыя силы, новый приливъ энергіи; если мы не сумѣемъ достигнуть намѣченной нами цѣли, усилія и жертвы народа пропадутъ опять даромъ.

II.

Прежде чѣмъ изложить нашъ взглядъ на экспропріацію,—мы должны отвѣтить на одно возраженіе, которое намъ постоянно дѣлаютъ, возраженіе не выдерживающее никакой критики, но очень распространенное въ нашемъ обществѣ. Политическая экономія,—это псевдо-наука буржуазіи,—непрерывно поетъ хвалебные гимны частной собственности:—«Смотрите, говоритъ она, какіе чудеса совершаетъ крестьянинъ, какъ только онъ становится собственникомъ воздѣлываемой имъ земли; смотрите, какъ усердно онъ обрабатываетъ свой клочекъ земли, какіе урожаи извлекаетъ изъ самой неплодородной почвы! Смотрите какіе успѣхи сдѣлала промышленность съ тѣхъ поръ, какъ она отчасти перешла въ частныя руки! Всѣми этими чудесами мы обязаны существованію частной собственности!».

Но экономисты послѣ этихъ словъ не приходятъ къ естественному заключенію: «Земля тому, кто ее обрабатываетъ!», а спѣшатъ сказать: «Земля помѣщику, который будетъ ее обрабатывать съ помощью батраковъ!» Многіе поддаются этимъ разсужденіямъ и повторяютъ ихъ, не задумываясь надъ ихъ значеніемъ. Что касается насъ «утопистовъ»,—именно потому, что мы «утописты»,—мы стремимся вникнуть въ суть дѣла, проанализировать эти вопросы, и вотъ къ какому заключенію мы пришли.

Мы утверждаемъ, что крестьянинъ начинаетъ лучше обрабатывать землю, какъ только она становится его собственностью. Но съ кѣмъ господа экономисты сравниваютъ мелкаго земельнаго собственника?—Съ земледѣльцемъ коммунистомъ. Съ одной, напримѣръ, изъ тѣхъ духоборческихъ общинъ, которыя перебравшись на берега Амура, предоставляютъ въ общее пользованіе свой скотъ и трудъ своей молодежи, пашутъ, впрягая въ плугъ по четыре, по пяти паръ быковъ, строятъ сообща свои дома и черезъ годъ становятся богатыми и благоденствуютъ, между тѣмъ какъ одинокій эмигрантъ, который стремился расчистить свой болотистый клочекъ земли, проситъ, какъ милостыни, у государства нѣсколько фунтовъ муки? Или съ одной изъ тѣхъ американскихъ общинъ, описанныхъ Nordhof, которыя, предоставивъ своимъ членамъ помѣщеніе, одежду и пропитаніе, назначаютъ каждому по сто долларовъ на покупку музыкальныхъ инструментовъ, произведеній искусства и предметовъ роскоши, которыхъ нѣтъ въ магазинахъ коммуны?

Нѣтъ! отыскивать и разъяснять противорѣчивые факты, чтобъ подтвердить или отвергнуть свою гипотезу,—это хорошо для Дарвина; оффиціальная наука предпочитаетъ ихъ не знать. Она довольствуется тѣмъ, что сравниваетъ крестьянина-собственника... съ рабомъ, половинщикомъ, арендаторомъ!

Но рабъ, обрабатывая землю своего хозяина, зналъ, что изъ урожая, который онъ соберетъ, ему достанется лишь немного ржи и гречихи,—ровно столько, чтобъ не умеретъ съ голода, что сколько бы онъ ни надрывался надъ работой, весной ему придется примѣшивать лебеды въ муку, какъ это дѣлаютъ до сихъ поръ русскіе крестьяне, какъ это дѣлали французскіе до 1789 года; онъ зналъ, что стоитъ только ему поправить немного свои дѣла,—и онъ станетъ мишенью преслѣдованій хозяина. И крестьянинъ работалъ какъ можно меньше, воздѣлывалъ землю какъ можно хуже. Удивительно-ли, что его внуки, зная, что имъ будутъ принадлежать плоды ихъ труда, усерднѣе обрабатываютъ свои земли?

Положеніе половинщика представляетъ нѣкоторыя преимущества по сравненію съ положеніемъ раба. Онъ знаетъ, что половину урожая ему придется отдать собственнику земли, но за то другая половина будетъ принадлежать ему. И, не смотря на эти условія—возмутительныя съ нашей точки зрѣнія, вполнѣ естественныя и справедливыя,—по мнѣнію экономистовъ,—онъ умудряется вносить усовершенствованія въ обработку воздѣлываемой имъ земли, конечно, настолько, насколько это возможно только благодаря его труду.

Арендаторъ, если условія его аренды не слишкомъ тяжелы и договоръ заключенъ на достаточное количество лѣтъ, если онъ имѣетъ возможность откладывать кое-какія сбереженія или у него есть деньги для оборота, дѣлаетъ еще шагъ впередъ по пути усовершенствованія обработки земли. Наконецъ, крестьянинъ собственникъ, если онъ не влѣзъ по уши въ долги при покупкѣ своего клочка земли, если онъ можетъ дѣлать хоть какія-нибудь сбереженія, обрабатываетъ землю лучше, чѣмъ рабъ, половинщикъ, или арендаторъ. Онъ знаетъ, что, за исключеніемъ налоговъ и львиной доли кредитора, весь урожай, добытый имъ тяжелымъ трудомъ, будетъ принадлежать ему.

Но какой можно сдѣлать выводъ изъ этихъ фактовъ?—Да никакого, развѣ тотъ, что никто не любитъ работать на другихъ, и что никогда земля не будетъ хорошо обработываться, если земледѣлецъ будетъ знать, что лучшая часть его урожая пойдетъ на прокормленіе какого-нибудь бездѣльника — сеньора, буржуа, кредитора, — или на уплату государственныхъ налоговъ. Надо быть человѣкомъ слишкомъ предубѣжденнымъ, чтобъ найти въ этихъ фактахъ хоть какой-нибудь поводъ для сравненія частной собственности съ коллективнымъ владѣніемъ;—для этого въ нихъ нѣтъ никакихъ данныхъ.

Но мы сдѣлаемъ все же нѣкоторыя выводы изъ этихъ фактовъ.

Работа половинщика, арендатора и, главнымъ образомъ, мелкаго собственника, интенсивнѣе, чѣмъ работа раба или крѣпостного. Но все же, земледѣліе не процвѣтаетъ при обработкѣ земли половинщикомъ, арендаторомъ и даже мелкимъ собственникомъ. Полвѣка тому назадъ думали, что въ мелкой земельной собственности лежитъ разрѣшеніе аграрнаго вопроса; въ ту эпоху крестьянинъ-собственникъ пользовался дѣйствительно нѣкоторымъ довольствіемъ, которое рѣзко выдѣлялось на фонѣ ужасной нищеты прошлаго столѣтія. Но золотой вѣкъ мелкой земельной собственности скоро прошелъ. Теперь крестьянинъ, владѣющій маленькимъ клочкомъ земли, едва сводитъ концы съ концами. Онъ влѣзаетъ въ долги и становится добычей ростовщика и торговца скотомъ и землей. Векселя и ипотека разоряютъ деревню больше даже, чѣмъ тяжелые налоги, взимаемые государствомъ и общиной. Мелкая собственность бьется въ изнеможеніи, и если крестьянинъ и носитъ еще имя собственника, то, въ сущности говоря, онъ является рабомъ банкировъ и ростовщиковъ. Онъ думаетъ раздѣлаться когда-нибудь съ долгами, но они все растутъ. Нѣсколько сотъ человѣкъ благоденствуютъ, а милліоны людей гибнутъ въ рукахъ ростовщиковъ и освободятся отъ этого ига лишь въ день революціи.

Но откуда этотъ установившійся фактъ, доказанный статистическими данными,—который опровергаетъ всѣ теоріи о благѣ частной собственности?

Въ чемъ его объясненіе?—Оно не въ конкуренціи Америки,—фактъ этотъ предшествовалъ ей; оно даже не исключительно въ налогахъ: сократите ихъ,—процессъ будетъ замедленъ, но не пріостановленъ. Объясненіе этого факта послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ замѣтно усовершенствовалось; оно отчасти въ непрерывно возрастающихъ потребностяхъ самого земледѣльца, въ легкости займа и разсрочкѣ платежа, которые ему предоставляютъ банки, мастерскія, маклера и ростовщики, чтобъ его завлечь въ свои сѣти; оно, наконецъ, въ высокихъ цѣнахъ на землю, захваченную богачами, частью для своихъ помѣстій, частью для нуждъ промышленности и торговли.

Разберемъ первый изъ этихъ факторовъ, самый значительный съ нашей точки зрѣнія. Чтобъ крестьянинъ могъ пользоваться успѣхами земледѣлія и соперничать съ тѣми, кто обработываетъ землю при помощи машинъ и увеличиваетъ свои урожаи химическимъ удобреніемъ, онъ долженъ имѣть капиталъ, который позволилъ бы ему

внести нѣкоторыя усовершенствованія въ обработку воздѣлываемой имъ земли. Безъ основного капитала заниматься земледѣліемъ положительно невозможно. Хозяйство разстраивается, лошадь старѣетъ, корова перестаетъ давать молоко, плугъ притупляется: надо ихъ замѣнить, починить. Но, кромѣ того, необходимо добыть нѣкоторыя усовершенствованныя орудія, удобрить свою землю. Для этого нужно нѣсколько тысячъ рублей, а ихъ никогда не достать крестьянину.

— Что же онъ дѣлаетъ тогда? Не смотря на то, что онъ придерживается «системы единственнаго наслѣдника», которая обезлюдила Францію, ему не удается свести концы съ концами. Тогда онъ посылаетъ своего сына въ городъ,—увеличиваетъ городской пролетаріатъ,—закладываетъ свою землю, влѣзаетъ въ долгъ и становится рабомъ,—рабомъ банкира, какъ онъ прежде былъ рабомъ сеньора.

Вотъ какова сейчасъ участь мелкой собственности. Тѣ, которые поютъ ея хвалебные гимны, опоздали на полъ вѣка: они обсуждаютъ факты, происходившіе пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; они не знаютъ современной дѣйствительности.

Слова: «Земледѣліе невозможно безъ основнаго капитала»,—содержатъ въ себѣ цѣлую систему, надъ которой не мѣшало бы призадуматься «національзаторамъ земли».

Пусть завтра приверженцы Генри Джорджа отберутъ у англійскихъ лордовъ ихъ помѣстья, раздадутъ эти земли тѣмъ, кто ихъ будетъ обрабатывать, уменьшатъ арендную плату или даже вовсе уничтожатъ ее;—наступитъ сравнительное благосостояніе на двадцать, тридцать лѣтъ; а потомъ придется начинать все снова.

Земля требуетъ постояннаго ухода. Можно неимовѣрно увеличить урожаи, если очистить землю отъ камней, осушить ее, распахать, удобрить, исправить дороги. Надо много работать, чтобъ удовлетворить непрерывно возрастающимъ потребностямъ все увеличивающагося населенія.

Это требуетъ значительныхъ расходовъ и огромнаго труда, который не можетъ быть произведенъ одной семьей,—вотъ почему земледѣліе не идетъ впередъ. Для полученія усиленныхъ урожаевъ приходится тратить, иногда на осушеніе одного гектара земли, отъ четырехъ до пяти тысячъ рабочихъ дней (двадцать тысячъ франковъ). Это вполнѣ доступно капиталисту, но совершенно не подъ силу мелкому собственнику при тѣхъ жалкихъ сбереженіяхъ, которыя ему удается сдѣлать, лишая себя самаго необходимаго. Земля проситъ человѣка принести ей свой живительный трудъ и обѣщаетъ осыпать его дождемъ золотыхъ колосьевъ—а человѣкъ не идетъ. Онъ сидитъ въ промышленныхъ казармахъ и вырабатываетъ чудныя ткани для индійскихъ раджей, африканскихъ рабовладѣльцевъ, для женъ банкировъ; онъ всю жизнь ткетъ одежды для египтянъ, для туркестантскихъ татаръ, и радъ, когда приходится ходить со сложенными руками вокругъ молчаливыхъ фабрикъ,—а земля, которая можетъ дать пропитаніе и даже довольство милліонамъ людей, остается невоздѣланной. Мясо до сихъ поръ во Франціи—предметъ роскоши для двадцати милліоновъ населенія.

Земля, кромѣ тѣхъ, кто ее обрабатываетъ изо дня въ день, въ извѣстные періоды требуетъ работы милліоновъ рукъ, чтобъ удобрить поля, расчистить ихъ отъ камней, создать при помощи естественныхъ силъ природы плодотворную почву и убрать во время въ амбары обильныя жатвы. Она проситъ городъ прислать ей рабочія руки, машины, моторы, а моторы, машины и руки остаются въ городѣ, одни предаваясь праздности, другіе—работая для удовлетворенія тщеславія богачей.

Частная собственность далеко не является источникомъ богатства для страны; наоборотъ, она служитъ тормазомъ для развитія земледѣлія. Въ то время, какъ ученые открываютъ новые пути къ усовершенствованію земледѣлія, обработка земли находится въ застоѣ почти во всей Европѣ,—благодаря частной собственности.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что Соціальная Революція должна уничтожить всѣ границы мелкой собственности, разрушить сады и огороды и перепахать всю землю усовершенствованными орудіями, чтобъ дать всѣмъ людямъ проблематичныя блага крупнаго хозяйства, какъ объ этомъ мечтаютъ реформаторы, приверженцы власти?

Мы, конечно, противъ того. Мы не тронемъ земли крестьянина, который воздѣлываетъ ее самъ, съ помощью своихъ дѣтей, не прибѣгая къ наемному труду. Но мы экспропріируемъ всѣ земли, которыя не обрабатываются руками тѣхъ, кому онѣ сейчасъ принадлежатъ. Когда Соціальная Революція будетъ совершившимся фактомъ, когда городскіе рабочіе будутъ работать не на хозяина, а для удовлетворенія нуждъ всего человѣчества,—толпы рабочихъ, веселыя и довольныя, устремятся въ деревню обрабатывать экспропріированныя поля, и въ нѣсколько дней мѣста, поросшія верескомъ, превратятся въ плодоносныя долины, приносящія богатства всей странѣ, доставляющія всѣмъ — «бери, останется еще» — обильные и разнообразные урожаи, которые земля, свѣтъ и теплота будутъ давать, давать—безъ конца. Неужели вы думаете, что мелкій собственникъ не пойметъ тогда преимущество общиннаго хозяйства, что онъ не захочетъ стать членомъ нашей обширной семьи?

Теперь, во время сбора урожаевъ, городъ посылаетъ въ деревню тысячи рабочихъ рукъ, лондонскіе оборванцы, hop-pickers, толпами идутъ помогать кентскимъ земледѣльцамъ; такая помощь должна оказываться деревнѣ не столько во время *сбора урожаевъ*, сколько во время *обработки* земли. Земледѣліе, какъ промышленность преимущественно періодическая, требуетъ временами прилива рабочихъ силъ и потому, когда обработка земли станетъ общинной, она будетъ связующимъ звеномъ между деревней и городомъ: она сольетъ ихъ въ одинъ общій садъ, воздѣлываемый одной общей семьей.

Будущее принадлежитъ не частной собственности, не крестьянину, прикованному къ своему жалкому клочку земли, который едва можетъ его прокормить: оно въ общинной обработкѣ земли. Только тогда мы будемъ извлекать изъ земли все, что она можетъ намъ дать.

Обратимся къ промышленности, можетъ быть тогда мы увидимъ, въ чемъ благо частной собственности?

Не будемъ распространяться надъ бѣдствіями, которыя частная собственность и капиталъ приносятъ промышленности. Соціалисты прекрасно изучили это. Нищета рабочаго, необезпеченность завтрашняго дня, голодъ, кризисы, безработица, эксплоатація женщинъ и дѣтей, вырожденіе человѣчества, зловредная роскошь праздныхъ классовъ и сведеніе рабочаго на положеніе вьючнаго скота, лишеннаго возможнаго пріобщиться къ знанію, искусству и наукѣ,—все это слишкомъ хорошо извѣстно, и мы не будемъ здѣсь говорить объ этомъ. Войны внѣшнія, за экспортъ и преобладаніе на рынкахъ, войны внутреннія, колоссальныя арміи, ужасающіе бюджеты, истребленія цѣлыхъ поколѣній, развратъ праздныхъ классовъ, ложное направленіе науки, искусства, этическихъ принциповъ, правительства, ставшія необходимыми для борьбы съ народными возстаніями,—законъ съ его преступленіями, палачами и судьями; угнетеніе, покорность, рабство, порождающіе развратъ,—вотъ плоды частной собственности и ея неизбѣжнаго слѣдствія, власти, сосредоточенной въ рукахъ нѣсколькихъ избранныхъ.

Но можетъ быть, несмотря на эти пороки, на эти бѣдствія, частная собственность оказываетъ намъ какія либо услуги, которыя уравновѣшиваютъ все зло, приносимое ею? Можетъ быть, правы наши правители, когда они говорятъ, что при человѣческой глупости, нѣтъ другого средства поддержать общество? Можетъ быть, ей мы обязаны промышленнымъ и научнымъ прогрессомъ нашего вѣка? «Ученые» утверждаютъ это. Но посмотримъ, на чемъ основаны ихъ утвержденія, каковы ихъ аргументы?

Ихъ аргументы? — Вотъ единственный, высказанный ими: «Смотрите, говорятъ они, какіе успѣхи сдѣлала промышленность за послѣдніе сто лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ она освободилась отъ оковъ правительства и корпораціи! Смотрите на эти желѣзныя дороги, телеграфы, машины, замѣняющія каждая работу ста, двухсотъ человѣкъ, вырабатывающія все, отъ маховаго колеса вѣсомъ въ нѣсколько сотъ тоннъ, до тончайшихъ кружевъ! Всѣмъ этимъ мы обязаны частной собственности и жаждѣ наживы отдѣльныхъ лицъ».

Конечно, успѣхи промышленности за послѣдніе сто лѣтъ громадны, и потому теперь явилась необходимость въ соотвѣтствующемъ измѣненіи распредѣленія продуктовъ. Но произошли ли эти успѣхи благодаря интересу къ дѣлу и энергіи богачей? Не было ли другихъ, болѣе важныхъ факторовъ, которые могли не только привести къ тѣмъ же результатамъ, но и уничтожить зловредное вліяніе алчности промышленниковъ?

Факторы эти намъ извѣстны: во-первыхъ, паровой моторъ,—удобный, подвижной, всегда готовый работать, революціонировавшій промышленность, затѣмъ, созданіе химической промышленности, уровень которой, по словамъ технологовъ, служитъ мѣриломъ промышленнаго развитія націи. Этотъ родъ промышленности—продуктъ нашего столѣтія; вспомните, чѣмъ была химія въ прошломъ вѣкѣ! Наконецъ, потокъ новыхъ идей, который возникъ въ концѣ XVIII вѣка, освободилъ человѣка отъ метафизическихъ оковъ, далъ ему возможность сдѣлать всѣ физическія и механическія открытія, столь сильно измѣнившія промышленность. Кто посмѣетъ сказать послѣ

всего этого, что уничтоженіе мастерства и сословія цеховыхъ присяжныхъ оказали большее вліяніе на промышленность, чѣмъ великія открытія нашего столѣтія? Кто станетъ утверждать, что какой бы то ни былъ видъ коллективнаго производства, при наличности этихъ открытій, не привелъ бы къ болѣе блестящимъ результатамъ, чѣмъ частная собственность.

Біографіи великихъ людей доказываютъ намъ, что ихъ открытія не вызывались жаждой наживы. Большая часть ученыхъ умирала въ бѣдности. Мы знаемъ прекрасно, что капиталъ и частная собственность всегда служили тормозомъ для практическаго примѣненія новыхъ открытій.

Утверждать, что частная собственность имѣетъ въ этомъ отношеніи преимущества передъ коллективнымъ владѣніемъ можно было бы только въ томъ случаѣ, если было бы доказано, что коллективное владѣніе препятствуетъ успѣхамъ промышленности. Но доказать этого нельзя, хоть бы потому, что никто не видѣлъ ни одной коммунистической группы, которая обладала бы достаточнымъ капиталомъ для веденія крупной промышленности и препятствовала бы примѣненію новыхъ открытій. Наоборотъ, какъ бы несовершенны ни были эти ассоціаціи, кооперації и т. п., ихъ нельзя упрекнуть въ томъ, что онѣ были глухи къ прогрессу промышленности.

Мы можемъ указать на многіе недостатки различныхъ учрежденій, носящихъ коллективный характеръ. Но—удивительное дѣло—главный упрекъ, который мы можемъ имъ сдѣлать, заключается въ томъ, что *они не были достаточно коллективными*. Крупнымъ акціонернымъ компаніямъ, прокладывающимъ путь черезъ горные хребты, мы ставимъ въ вину, что онѣ создали новый видъ анонимнаго патроната и усѣяли человѣческими костьми каждый метръ своихъ каналовъ и тоннелей; рабочія корпораціи мы упрекаемъ въ томъ, что онѣ создали привилегированную аристократію, которая эксплоатируетъ своихъ братьевъ. Но ни тѣ, ни другія не могутъ быть обвинены въ инертности и враждебномъ отношеніи къ успѣхамъ промышленности. Единственный выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ дѣятельности существовавшихъ до сихъ поръ коллективныхъ предпріятій, состоитъ въ томъ, что, чѣмъ меньше эгоизмъ и личный интересъ противопоставляются интересу коллективному, тѣмъ лучше для дѣла.

Этотъ бѣглый анализъ доказываетъ намъ, какъ поверхностны всѣ доводы въ пользу частной собственности. Но оставимъ этотъ вопросъ въ сторонѣ. Постараемся лучше опредѣлить, какимъ путемъ произойдетъ переходъ соціальнаго богатства въ руки народа, ясно высказать современныя стремленія человѣчества и показать, какія формы приметъ экспропріація во время будущей революціи.

III.

Вопросъ объ экспропріаціи является сейчасъ однимъ изъ самыхъ важныхъ, и потому мы приглашаемъ нашихъ товарищей заняться его изученіемъ и обсудить его со всѣхъ точекъ зрѣнія. Отъ того, какъ, будетъ проведена экспропріація, зависитъ успѣхъ или временная неудача революціи.

Въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ насъ знаетъ, что всякая попытка революціи будетъ заранѣе осуждена, если она не удовлетворяетъ интересамъ большинства. Человѣкъ не можетъ жить одними идеалами, возвышенными мыслями, красивыми фразами; ему прежде всего нуженъ хлѣбъ. Если на другой день революціи, народныя массы будутъ имѣть къ своимъ услугамъ одни пустыя слова, если онѣ не будутъ увѣрены, что положеніе измѣнится въ ихъ пользу, если борьба приведетъ только къ перемѣнѣ лицъ и формулъ—ничего изъ всего этого не выйдетъ. Только однимъ разочарованіемъ будетъ больше! И намъ снова придется приняться за неблагодарную Сезифову работу.

Революція будетъ не пустымъ звукомъ, реакція не сможетъ вернуть насъ на другой же день къ прошлому, только въ томъ случаѣ, если народъ захочетъ стать на защиту завоеванныхъ правъ, если онъ будетъ увѣренъ, что всѣ голодные и угнетенные станутъ сытыми и свободными. Вспомните наивныхъ республиканцевъ 1848 года, которые вѣрили временному правительству и дали ему три мѣсяца на изданіе обѣщанныхъ законовъ,—три мѣсяца народной нищеты. Народъ согласился ждать и голодать, а когда время прошло, правительство вмѣсто всего обѣщаннаго отвѣтило ему массовыми высылками и ружейными залпами. Несчастные, они думали, что за три тяжелыхъ мѣсяца ожиданія правительство успѣетъ издать спасительные законы, которые превратятъ угнетенныхъ въ свободныхъ людей и обезпечатъ имъ работу и хлѣбъ. Чѣмъ просить правительство, — не вѣрнѣе ли было бы взять? Чѣмъ выставлять на показъ свою нищету, не лучше ли было бы положить ей конецъ? Самоотверженность—благородное чувство, но бросить на произволъ судьбы всѣхъ несчастныхъ, идущихъ за нами, не самоотверженность а измѣна. Пусть борцы погибаютъ, но смерть ихъ должна быть плодотворна! Пусть смѣлые люди жертвуютъ собой, но ихъ жертвы должны приносить пользу народу!

Только полная экспропріація можетъ удовлетворить всѣхъ страждущихъ и угнетенныхъ. Она должна перейти изъ теоріи въ практику. Но чтобъ уничтожить частную собственность и вернуть все общественное достояніе народу, экспропріація должна быть произведена въ широкихъ размѣрахъ,—иначе ее примутъ за грабежъ, а не за начало соціальной реорганизаціи. Мы бы выказали полное незнаніе историческихъ законовъ, если бы вообразили, что цѣлая страна можетъ сразу стать полемъ дѣятельности для нашихъ опытовъ. Франція, Европа, весь міръ—не могутъ въ одно мгновеніе стать анархистами, по мановенію волшебнаго жезла; но безуміе пра-

вителей, ихъ вѣроломѣріе, войны, банкротство, съ одной стороны, и непрерывная пропаганда съ другой, нарушатъ равновѣсіе и вызовутъ взрывы. Наступитъ революція, и намъ надо будетъ дѣйствовать. Сколько разъ уже революціонеры были застигнуты врасплохъ; событія протекали, а они не могли употребить ихъ себѣ на пользу.

Когда наступятъ дни возстанія,—а отъ насъ зависитъ ихъ приближеніе,—когда цѣлыя области, когда большіе города съ ихъ пригородами освободятся отъ правителей, мы, слѣдуя начертанной нами программѣ, приступимъ къ дѣлу: орудія производства перейдутъ цѣликомъ въ собственность коммуны, общественное достояніе, захваченное частными лицами, будетъ возвращено своему законному владѣльцу народу,—тогда каждый будетъ получать свою долю, мануфактура и производство будутъ свободно вырабатывать все необходимое, и общественная жизнь потечетъ съ новой энергіей по новому руслу. Мы должны захватить сады и поля, дающіе намъ съѣстные припасы; амбары и магазины, въ которыхъ хранятся всѣ продукты труда; мастерскія и заводы, доставляющіе намъ матеріи, металлы, предметы первой необходимости и предметы роскоши; средства защиты, желѣзныя дороги и другіе пути сообщенія, позволяющіе намъ обмѣниваться продуктами съ сосѣдними свободными коммунами; мы должны организоваться для самозащиты,—иначе мы обречены на вѣрную гибель, подобно рыбѣ, которая безъ воды задохнется въ морѣ воздуха, окружающемъ ее.

Вспомнимъ грандіозную стачку желѣзнодорожныхъ машинистовъ, вспыхнувшую нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Америкѣ. Почти все общество признавало справедливость ихъ требованій; всѣмъ надоѣла наглость желѣзнодорожныхъ компаній, и публика торжествовала, что служащіе раздѣлаются съ ними какъ слѣдуетъ. Но когда пути сообщенія и локомотивы перешли въ руки рабочихъ, когда желѣзнодорожное сообщеніе было прервано, цѣны на съѣстные припасы и другіе товары удвоились, общественное мнѣніе моментально перемѣнило фронтъ. «Мы предпочитаемъ гнетъ желѣзнодорожныхъ компаній, обворовывающихъ насъ, самоуправству этихъ мерзавцевъ-стачечниковъ, благодаря которымъ мы, пожалуй, скоро умремъ съ голода!» Мы должны помнить это! Инстинкты справедливости толпы, должны быть удовлетворены такъ же, какъ и всѣ ея требованія и нужды.

Недостаточно признавать этотъ принципъ въ теоріи, надо проводить его въ жизни.

Намъ часто говорятъ: «Попробуйте коснуться клочка земли крестьянина, домишка рабочаго, и вы увидите, что они васъ встрѣтятъ съ поднятыми кулаками и съ вилами въ рукахъ!» Прекрасно! Но вѣдь мы уже говорили, что мы не коснемся ни клочка земли крестьянина, ни домишка рабочаго; мы не тронемъ нашихъ лучшихъ друзей, которые, сами того не сознавая, скоро станутъ нашими союзниками. Экспропріація будетъ, конечно, произведена въ ихъ пользу. Мы знаемъ, что существуетъ средній уровень дохода, ниже котораго умираютъ съ голода, выше котораго пользуются нѣкоторымъ излишкомъ. Въ каждомъ городѣ, въ каждой странѣ, этотъ средній

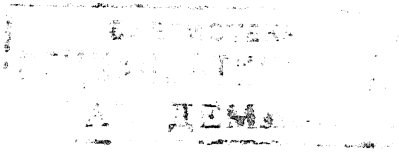
уровень различенъ; народный инстинктъ не ошибается; безъ статистическихъ таблицъ, безъ толстыхъ томовъ съ точными данными, народъ сумѣетъ захватить все принадлежащее ему. Въ нашемъ обществѣ незначительное меньшинство завладѣло лучшей частью народнаго достоянія, построило себѣ дворцы, внесло въ банки на свое имя деньги, билеты, всевозможныя цѣнныя бумаги, эти плоды труда всего общества. Все это мы должны забрать въ свои руки, и тогда мы сразу освободимъ несчастнаго крестьянина, умирающаго съ голода на своемъ заложенномъ клочкѣ земли, мелкаго торговца, живущаго въ вѣчномъ страхѣ при мысли о всевозможныхъ стѣсненіяхъ и неизбѣжномъ разореніи, и весь голодный, угнетенный народъ. Въ день экспропріаціи народъ долженъ понять, что отъ него самого зависитъ, остаться ли свободнымъ или снова впасть въ нищету и вѣчную тревогу. Неужели онъ съ прежней наивностью опять выберетъ временное правительство изъ краснобаевъ и ловкачей? Не будетъ ли онъ тогда раскаиваться, что замѣнилъ старыхъ правителей новыми? Пусть народъ самъ возьмется за свои дѣла, если онъ хочетъ добиться чего-нибудь;—пусть онъ ихъ поручитъ своимъ делегатамъ, если ему нравится быть обманутымъ!

Одного разсудочнаго пониманія мало. Народъ сознаетъ, конечно, что въ его интересахъ жить безъ постоянной тревоги о завтрашнемъ днѣ, не подчиняясь правителямъ;—но этого недостаточно: необходимо, чтобъ измѣнился взглядъ на собственность и соотвѣтствующіе ей принципы нравственности. Надо понять, что всѣ продукты, сбереженія и орудія производства являются плодомъ солидарнаго труда всего народа и принадлежатъ одному собственнику—всему человѣчеству. Надо понять, что частная собственность есть сознательное или безсознательное воровство, присвоеніе общественнаго достоянія, и съ радостью отдать все въ общее пользованіе въ день экспропріаціи. Во время прошлыхъ революцій, когда надо было замѣнить короля старшей линіи королемъ младшей, или въ «лучшей изъ республикъ» поставить однихъ адвокатовъ вмѣсто другихъ,—частная собственность оставалась неприкосновенной и соціальный режимъ не подвергался никакимъ измѣненіямъ. И потому объявленія: «Смерть ворамъ!», которыя вывѣшивали у входа во дворцы, вполнѣ гармонировали съ господствующей моралью; и если какой-нибудь бѣднякъ рѣшался украсть червонецъ или кусокъ хлѣба, его разстрѣливали въ назиданіе народу.

Достойный представитель національной гвардіи, воплощавшій въ себѣ всю гнусность и торжественность законовъ, изданныхъ хищниками для защиты своей собственности, съ гордостью указывалъ на трупъ, распростертый на ступеняхъ дворца, а товарищи привѣтствовали его, какъ защитника права и закона. Объявленія 1830 и 1848 г. не появятся больше на стѣнахъ возставшихъ городовъ. Тамъ, гдѣ все принадлежитъ всѣмъ,—нѣтъ воровства. «Берите все, но не расточайте даромъ, такъ какъ все принадлежитъ вамъ и пригодится вамъ». Но разрушайте немедленно все, что должно быть уничтожено: бастиліи, тюрьмы, укрѣпленія въ городахъ, зараженные кварталы,

гдѣ вы столько времени дышали отравленнымъ воздухомъ. Переселитесь во дворцы и отели, предайте огню тѣ полусгнившія развалины, которыя служили вамъ убѣжищемъ. Инстинктъ разрушенія, столь же естественный и справедливый, какъ и инстинктъ обновленія, найдетъ себѣ широкое поле дѣятельности. Сколько старья придется уничтожить! Сколько новаго создать! Да и не все ли придется передѣлать? дома, города, орудія земледѣлія, орудія производства...— да и само общество должно переродиться!

Каждое крупное историческое явленіе вызываетъ соотвѣтствующее измѣненіе въ области морали. Нравственные принципы людей равныхъ не совпадаютъ съ принципами богача-благотворителя и признательнаго бѣдняка. Новому человѣчеству нужна новая вѣра,—а новое человѣчество уже зародилось! Не даромъ ваши противники съ ужасомъ повторяютъ: «Боги уходятъ! Короли уходятъ! Престижъ власти падаетъ!» Кто же замѣнитъ боговъ, королей и священниковъ, какъ не свободная, вѣрующая въ свои силы личность *освободившагося человѣка!* Наивная вѣра уходитъ. Дорогу наукѣ! Произволъ и благотворительность исчезаютъ.—Дорогу справедливости!



ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Современное положеніе	3
Разложеніе государствъ	6
Необходимость Революціи	10
Грядущая Революція	13
Политическія права	17
Къ молодымъ людямъ	20
Война	35
Революціонное меньшинство	40
Порядокъ	44
Коммуна	47
Парижская Коммуна	53
Аграрный вопросъ	63
Франція	68
Представительное правительство	72
Законъ и власть	93
Революціонное правительство	108
Всѣ соціалисты !	118
Духъ возстанія	121
Теорія и практика	136
Экспропріація	140

ИЗДАНІЯ
МОСКОВСКОЙ ФЕДЕРАЦІИ АНАРХИСТСКИХЪ ГРУППЪ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Москва, Крымскій валъ, Мароновскій пер, д. 12, кв. 7. **Телеф. 10-03-01.**

ИМѢЮТСЯ НА СКЛАДѢ:

П. КРОПОТКИНЪ. Рѣчи Бунтовщика	2 р.	— к.
ЕГО ЖЕ. Хлѣбъ и воля	2 „	— „
ЕГО ЖЕ. Великая революція	— „	30 „
ЕГО ЖЕ. Безначальный коммунизмъ и экспропріатція	— „	30 „
ЕГО ЖЕ. Наши богатства и довольство для всѣхъ	— „	25 „
ЕГО ЖЕ. Анархія и ея мѣсто въ соціальной эволюціи	— „	25 „
ЕГО ЖЕ. Революціонное правительство	— „	10 „
Э. МАЛАТЕСТА. Крестьянскія рѣчи.	— „	60 „
ЕГО ЖЕ. Краткая система анархизма.	— „	70 „
„НЕПРИМИРИМЫЙ“. Тактика соціалистовъ въ борьбѣ съ анархистами	— „	25 „
П. А. Учредит. Собраніе или соціальная революція	— „	25 „
В. Э. Письмо анархиста брату рабочему	— „	20 „
БР. ГОРДИНЪ. Рѣчи анархиста I.	— „	7 „
ЕГО ЖЕ. Рѣчи анархиста II.	— „	10 „
ТЮХАНОВЪ. Что такое анархія	— „	20 „
ЕГО ЖЕ. Почему необходима соціальная революція	— „	20 „
І. МОСТЪ. Религіозная язва	— „	25 „
БАКУНИНЪ. Богъ и государство	— „	80 „

Газета **„АНАРХІЯ“.** Всѣ нумера отъ 1-го до послѣдняго	— „	15 „
„АНАРХИСТЪ“. Газета Донск. федераціи анархист-комм.	— „	10 „
„ГОЛОСЪ ТРУДА“. Еженедѣльная газета петроградскаго союза анархо-синдикалистской пропаганды	— „	20 „
„ГОЛОСЪ АНАРХІИ“. Газета саратовской федераціи анархистовъ коммунистовъ	— „	15 „
„ХЛѢБЪ И ВОЛЯ“. Газета харьковской федераціи анарх.-комм.	— „	10 „

Выходятъ изъ печати:

П. КРОПОТКИНЪ. Хлѣбъ и воля. 2-е изданіе.
ЕГО ЖЕ. Рѣчи бунтовщика. 2-е изданіе.
ЕГО ЖЕ. Анархія, ея философія, ея идеалъ.
ЕГО ЖЕ. Нравственныя начала анархизма.
ЕГО ЖЕ. Государство и его роль въ исторіи.
К. ОРГЕІАНИ. Революція и революціонное правительство.
БР ГОРДИНЪ. „Почему?“ или какъ мужикъ попалъ въ страну анархіи.
С. ЗАЯЦЪ. Какъ мужики остались безъ начальства.
ДОМЕЛА НЬЮВАНГУИСЪ. Соціализмъ въ опасности.
ЕЛИЗЕ РЕКЛЮ. Эволюція, революція и идеалъ анархизма.
Ж. ГРАВЪ. Умирающее общество и анархія.

Типографія Московскаго Совѣта Солдатскихъ Депутатовъ—№ 408.